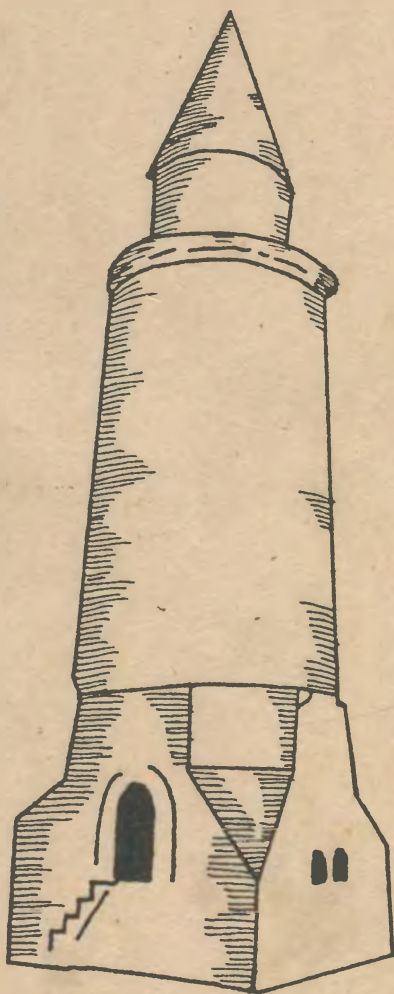

МЗД
1145

МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ
ПОВОЛЖЬЯ

СБОРНИК

ВЫПУСК I

ЙОШКАР-ОЛА, 1998

Российская академия наук
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

11 4

1145

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

СБОРНИК

ВЫПУСК 1

Йошкар-Ола, 1998

ББК У9(2)32-24
А 333

Редакторы:
Ю.А.Зеленев,
Г.А.Федоров-Давыдов

А 333 Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. /Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола. 1998.- 196 с.
ISBN 5-230-13064-4

В сборнике публикуются материалы исследований Поволжской археологической экспедиции, в основном, по средневековой археологии Поволжья.

Книга предназначена для научных сотрудников, студентов и всех интересующихся историей Поволжья.

Издание осуществляется за счет средств Федеральной целевой программы "Интеграция", проект № 229 "Археологическое изучение столицы Золотой Орды - г. Сарай ал-Джедид и его округи"

А 0504000000 - 8
6Л1(03) - 97 " Без объявл.

ББК Т4 (2 Р35)

ISBN 5-230-13064-4

© Марийский государственный
университет, 1998

Г.А.Федоров-Давыдов
г.Москва

**РАСКОПКИ ПОВОЛЖСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ
ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ
НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ**

В 1959 г. А.П.Смирнов и автор этих строк напечатали статью "Основные задачи археологического изучения Золотой Орды" (1). Мы хотели напомнить о старой, забытой теме русской археологии. Одновременно эта статья была заявкой на будущие археологические работы на золотоордынских городищах нашего юга. В начале 1920-ых годов имели место незначительные раскопки Ф.В.Баллода на некоторых золотоордынских поселениях, в том числе на Увек (Золотоордынский Укек) близ Саратова, на Царевском и Селитренном городищах на Ахтубе, на Водянском городище (2,3). К изучению этих памятников обращались потом только саратовские археологи. Кое-какие раскопки были проведены в Азове, в Крыму, но не систематические. В послевоенное время были проведены небольшие раскопки городищ - Наровчатского (Мохши), Старого Орхоя (в Молдавии), памятников XIV в. в Воронежской области и у Запорожья, обширные раскопки Болгара (в Татарии), который, однако, не может быть отнесен к собственно золотоордынским степным городам.

В 1970-1990-ых годах положение несколько изменилось. Исследовались золотоордынские города и поселения в Крыму, в частности Старый Крым (Золотоордынский город Крым, он же Солхат). В Молдове Старый Орхей (возможно Золотоордынский город Шехр-ал-Джидид), Костешты и другие, Белгород Днестровский (средневековый Аккерман, он же Монкастро), Азов (Золотоордынский Азак), Сарайчик, некоторые мелкие золотоордынские поселения на реке Урал, Маджары на Северном Кавказе.

Золотоордынские памятники хранят не только красивую керамику и изразцы, но и роскошные предметы аристократического быта, которые поразили всех еще во времена первых раскопок А.В.Терещенко на Царевском городище в 1840-1850-ых годах (4). В исследовании центральных золотоордынских городищ был ключ к пониманию важнейшего явления истории

- образования, существования и распада одного из монгольских государств - Улуса Джучи - своеобразного симбиоза городской оседлости и кочевых степей, явления регрессивного, задержавшего поступательное развитие многих народов и при этом настолько масштабного, что оно оказало влияние на общий ход мировой истории.

Раскопки удалось организовать в 1959 г. И с тех пор ежегодно Поволжская археологическая экспедиция проводит исследования на золотоордынских городищах Волгоградской и Астраханской областей.

В 1959-1968, 1973 гг. раскапывалось Царевское городище (Новый Сарай) на Ахтубе, в 100 километрах ниже Волгограда (вскрыто около 9800 м²). Материалы этих раскопок полностью опубликованы (5-13).

В 1967-1973-ем годах проводились раскопки Водянского городища (Бельджамен) близ г.Дубовки в 40 километрах выше Волгограда на правом берегу Волги (вскрыто около 5000 м²). Материалы почти полностью опубликованы (14-18). В 1969-1971-ом годах и с 1975 года по сей день Поволжской археологической экспедицией ведутся раскопки Селитренного городища (Сарай) на Ахтубе в 120 километрах выше Астрахани (вскрыто около 20000 м²). Некоторая часть этих материалов опубликована (18-20). Кроме этих трех крупных городищ в последнее время астраханскими археологами раскапывались золотоордынские поселения у Красного Яра и у поселка Комсомольский, у Шареного Бутра (предполагаемый золото-ордынский город Хаджи-Тархан) - все в южной части дельты Волги.

Все открытые на этих памятниках остатки материальной культуры относятся к XIV в., на Селитренном к XIV-началу XV вв. Слоев XIII в. на нижневолжских городищах пока не обнаружено.

С самого начала работ мы ставили перед собой задачу изучить социальный строй золотоордынского города, т.е. то, что менее всего освещено письменными источниками. Действительно, золотоордынские города Нижнего Поволжья представляют интереснейший исторический феномен. Они возникли на "пустом месте" (нигде не обнаружено подстилающего предмонгольского слоя, исключение составляет только поселение у с.Самосделки близ Астрахани, где обнаружен подстилающий, возможно домонгольский слой) там, где не было традиций длительной оседлости; они развились в быстрые сроки в результате градостроительной деятельности золотоордынских ха-

нов, поддерживались их политикой и, как только центральная власть стала терять силу, пришли в упадок. Требовалось изучить социальный состав этих городов.

Путь к этому лежал через вскрытие больших площадей. В процессе этих работ было открыто множество домов и довольно полно исследовано несколько усадеб. Располагая этим материалом, мы уже кое-что можем сказать о социуме золотоордынского города.

Прежде всего была построена классификация золотоордынских жилищ, почти неизвестных ранее (21,22, р.33-56). Она очень чутко отражает социальный состав населения городов. Были выявлены землянки двух типов. Большие прямоугольные без специальной отопительной системы (в среднем площадью около 18 м²), как мы предполагаем, предназначались для рабов; это своего рода камеры, где подневольных работников запирали на ночь, давая для обогрева только жаровни. Более мелкие землянки (площадью в среднем 10-11 м²) представляли жилища бедных, но располагавших большей свободой индивидуальных семей. Они имели суфы-лежанки и печи с горизонтальными дымоходами типа китайских канов.

Рангом выше стоят дома, частично заглубленные в землю. Они тоже имеют суфы и каны. Наиболее бедные наземные дома имели деревянные стены и внутренние кирпичные сырцовые сооружения - стенки суф и канов. Стены - деревянные рамы из брусьев, каркасные и фахверковые конструкции. Характерна систематически повторяющаяся планировка П и Г-образные суфы и печи с канами в одной из частей суфы. Значительную часть жилой площади занимает суфа.

Следующий по рангу уровень домостроительства составляли дома с деревянными стенами на кирпичных сырцовых цоколях. Они повторяли планировку домов с деревянными стенами. Полы, как и у полностью деревянных домов, могли быть мощенными жженым кирпичом и имели иногда в центре умызальник - "тошнау".

Наиболее богатыми из однокомнатных домов представляются дома с полностью кирпичными сырцовыми стенами, сложенными в несколько рядов. Иногда они имели по две комнаты жилую и каморку для хранения и приготовления продуктов.

Площадь однокомнатных домов в среднем около 25-30 м² (площадь их пола в среднем 11-12 м²). Жилища часто соединялись попарно. Получались конструкции из двух симметрично спланированных домов. Тенденция соединять отдельные дома в

сложные конструкции привела к тому, что в золотоордынских городах возникли многоквартирные дома, представлявшие простое механическое соединение однокомнатных. При этом соединяемые ячейки имели повторяющуюся планировку, часто отдельные входы. Могли объединяться дома с деревянными и с кирпичными стенами. Площадь таких жилых ячеек по 15-30 м².

И, наконец, вершину этой иерархической лестницы жилищ, отражающей образ жизни верхнего слоя общества золотоордынского города, представляют богатые, многоквартирные дома иногда дворцового типа.

На усадьбе в юго-восточной части Царевского городища раскопан дом в виде группы помещений, расположенных по периметру небольшого квадратного внутреннего дворика. Основу его представляют два дома на противоположных углах двора, с канами, суфами и печами для изготовления лепешек тандырами (соединение кана с тандыром - характерная черта золотоордынского домостроительства). Позднее на двух других углах двора выстраивают еще два примерно таких же дома, и вся конструкция получает симметричную по отношению к центру планировку. Другие помещения по периметру двора - хозяйственные камеры. Рядом с этой усадьбой была раскопана еще одна - с более богатым домом. В начальный период своего существования это был сырцовый дом с мощными стенами, с двумя большими комнатами: одна пустая, другая - с печами, каном и суфой. Позднее на его месте был построен другой дом из жженого кирпича, также с массивными стенами, прямоугольный в плане. В середине длинной фасадной стеной с двумя ложными башенками по углам, была ниша портала.

На Селитренном городище исследовано три богатых, многоквартирных дома. Один имел мощные сырцовые стены. В середине его длинных стен были айваны - проходы. Они с двух сторон вели в центральный зал с кирпичным полом, в центре которого был небольшой бассейн. Перед бассейном под балдахином на четырех столбах имелся кирпичный помост, на котором, очевидно, стояло в приемные дни сидение - "тахта" хозяина. По обеим сторонам зала тянулись суфы, на которых сидели, вероятно, домочадцы и гости во время торжественных церемоний в центральном зале. По обеим сторонам от центрального зала располагались два почти совершенно пустых больших помещения. Жилых комнат с суфами и канами было только три. Были также помещения для хранения продуктов и небольшой

внутренний дворик с колоннами. Таким был этот дом в середине XIV в. Затем в течении 20-30 лет он подвергался многочисленным перестройкам. Анализируя их, можно заметить, что в результате резко увеличивается жилой фонд, пустые комнаты делятся на жилые помещения, некоторые комнаты изолируются и получают специальные входы снаружи.

Раскопанный дом показывает как семейная община с течением времени распадается. Центральный зал, как бы символ ее единства забрасывается, теряет это свое значение. Помещения делятся на несколько комнат, изолируются друг от друга. В конце XIV в. на месте дома и усадьбы образуется кладбище.

Второй дом имеет тоже толстые стены из сырцовых кирпичей. В его центре тоже был парадный зал, айван. По обе стороны этого зала имелось три жилых комнаты. Комнаты много раз перестраивались.

Третья усадьба имела еще более богатый центральный дом - настоящий многокомнатный дворец. Его центральный зал также велик. Пол здесь узорно выложен кирпичами и шестиугольными плитами, в центре его был устроен большой умывальник (тошнау). В глубине зала имелось квадратное возвышение, выстланное кирпичами, на котором, очевидно, тоже стояла тахта хозяина - крупного аристократа или вельможи.

Справа и слева от центрального зала этого дома-дворца располагались жилые и хозяйственные помещения. Это были комнаты с суфами, печами и канами, умывальниками-тошнау, кирпичными полами. В соединительных коридорах также были полы из кирпичей. Одна комната была домашней мельницей, другая служила пекарней: здесь были две большие печи для лепешек - тандыры. Раскопана в этом дворце и ванная комната с кирпичным бассейном, от которого отходила система глиняных труб-водопроводов и желобов.

Стены центрального зала были побелены и украшены изразцами с росписью и позолотой (23). Другие помещения имели роспись по белой штукатурке.

При этом доме был большой банный комплекс. Усадьба с этим домом в 1370-1380-ых годах пришла в запустение и дом стал обживаться какими-то бедняками и ремесленниками, в частности гончарами.

Еще ярче социальная дифференциация населения золотоордынского города выступает при изучении усадеб. Открывается возможность исследовать, как группировались и объединялись в едином комплексе дома разных уровней. Располагая ма-

териалами девяти довольно полно исследованных усадеб, мы можем построить ряд, в котором представлены переходы от бедных усадеб со скромными центральными домами и жилищами для усадебных людей до богатых и обширных усадеб с многокомнатными кирпичными дворцами и разнообразными домами для привилегированного усадебного люда и второстепенной части усадебного обслуживающего персонала, в том числе для рабов.

Следует отметить, что в основе планировки золотоордынского города лежал именно усадебный принцип. Это резко отличает его от южноказахского города той же поры, где доминировала сплошная застройка кварталов-массивов, что выявлено при раскопках Отгара.

Этот принцип планировки восходит к монгольским городам XIII в., представлявшим, судя по археологическим и историческим свидетельствам, концентрацию усадеб аристократии вокруг замков-дворцов ханов. Изучение усадеб позволило увязать некоторые археологические данные с историческими известиями. Прекращение жизни большинства богатых усадеб приходится на 1360-1370-е года, т.е. на смуту в Золотой Орде, когда в результате междоусобной войны и борьбы за власть гибли целые партии и группировки эмиров и нойонов, о чем повествуют восточные хронисты. Новый хан иногда вырезал всех сторонников своего конкурента. Следы репрессивной деятельности какого-то хана, захватившего в 1360-х годах власть в Новом Сарая (Царевское городище) и соорудившего ров и вал вокруг него, обнаружались при раскопках третьей усадьбы в юго-восточной части этого памятника. Она была перерезана рвом и валом и, таким образом, перестала существовать, в то время как в других местах ров и вал были спланированы так, что обходили ограды других усадеб.

Вообще развитая фортификация не была характерна для золотоордынских городов. Ее или вообще нет, или валы и рвы настолько слабы, что имели значение не оборонительного рубежа, а административно-таможенной границы. На Царевском и Селитренном городищах рвы и валы были сооружены (на Селитренном ров довольно глубокий) только в эпоху смуты в 1360-1370-ых годах, когда ослабела центральная власть в Золотой Орде.

Археологические следы феодальной смуты имеются и на Селитренном городище. Территория его к западу от Кучутур представляла район аристократических усадеб. Они перестают

существовать именно в 1360-1370-х годах, о чем говорят гибель и запустение трех раскапываемых нами усадеб и некоторые материалы раскопок Ф.В.Баллода в этом месте.

Таким образом, мы получили ценные сведения о том, что золотоордынские города, и прежде всего их патрициат, начиная с 1360-1370-х годов приходят в упадок в связи со смутами и ослаблением центральной власти. Ее сила была условием процветания этих городов, она обеспечивала мирную торговлю и приток материальных и людских ресурсов. И хотя на Селитренном городище в самом конце XIV в. еще существовали и расширялись, даже на месте погибших усадеб, ремесленные мастерские, города в целом переживают кризис и резкое сокращение своей прежде огромной территории. Разгром войсками Тимура в 1395 г., следы которого в виде небрежных и беспорядочных захоронений погибших среди руин домов мы находим на Царевском и Водянском городищах, довершил этот процесс упадка.

Следует отметить, что даже средние усадьбы золотоордынских городов больше богатых усадеб русских городов того времени (в Новгороде посаднические усадьбы не превышали площади 2000 м²). Это связано с особо большими размерами золотоордынского города, не ограниченного мощной фортификацией, как это было в Западной Европе и на Руси. Бедные районы золотоордынских городов имели застройку, вытянутую вдоль улиц, с ничтожными усадебными территориями, окруженными иногда частоколом.

Кроме жилых домов были раскопаны общественные и культовые постройки. На Селитренном городище была раскопана большая мечеть с плоским перекрытием на деревянных колоннах, опирающихся на кирпичные базы, с мощными пилонами портала, с круглым водоемом внутри перед входом.

На Водянском городище тоже была открыта большая мечеть с колонным залом. Перед ее михрабом в павильоне с деревянными колоннами был вкопан фуст мраморной византийской колонны на обломке мраморной капители, привезенные откуда-то из Причерноморья. Они служили подставкой под Коран. Мечеть имела минарет, представлявший в плане в нижней части квадрат, а вверху - цилиндрическое тело, украшенное штампованными резными ганчевыми вставками и плитками с бирюзовой поливой. Мечеть была построена в 1350-х годах и просуществовала до 1370-х годов. Затем это место занимает большой

могильник. На этом могильнике и на некрополе Селитренного городища раскопано несколько мавзолеев.

На Селитренном и Водянском городищах было раскопано несколько бань, в частности одна при большом доме дворцового типа, и одна общественная, типа восточных бань-"хаммам" с крестовидной планировкой (18).

Особенностью золотоордынского градостроительства является большое многообразие типов домов и строительных материалов. Обращают на себя внимание частые перестройки в домах золотоордынских горожан, что отражает нестабильность общества. При разнообразии типов домов следует отметить грубость техники, торопливость и небрежность строительства, возведение стен из разных материалов, без фундаментов. Расширение домов часто осуществлялось простым соединением однокомнатных домов-ячеек со стандартной планировкой. Привезенный издалека мрамор использовали, не понимая его особенностей как декоративного материала. Но при этом золотоордынские мастера все же владели приемами домостроительства и правильно рассчитывали ширину и высоту стен, тяжесть перекрытия, умели возводить своды и купола. Они использовали как свои собственные строительные приемы и традиции, так и многих народов, в том числе покоренных ими центральноазиатских, Волжской Болгарии.

Л.Р.Кызласов обоснованно считает, что золотоордынский квадратный дом с П-образными суфами и каном зародился у оседлых монголов в Центральной Азии еще до образования империи Чингисхана. Распространение этого дома на запад он объясняет тем, что вместе с монгольскими войсками пришли и строители, и ремесленники из Монголии (24). В.Л.Егоров считает, что этот тип дома возник в степи в период создания монгольского государства как трансформации круглого в плане жилища типа юрты (21, с.180-182).

Исследование домов и усадеб, прежде всего на Царевском городище, где прекрасно сохранился микрорельеф, в деталях повторяющий планировку города, дает возможность составить представление о социальной топографии города. На Царевском городище видны районы аристократических усадеб и бедняцкие плебейские районы. Первоначально район усадеб представлял, вероятно, ядро города. Постепенно складываются районы бедноты, где селится полусвободный городской плебс - мелкие ремесленники и торговцы, в том числе, может быть, и освобо-

дившиеся от рабской зависимости вчерашние пленные и переселенные ремесленники.

Как во всяком восточном городе, проблема водоснабжения в городах Золотой Орды была жизненно важной. Установлено, что большая часть улиц имела арыки, объединявшиеся вместе с поздними рвами на Царевском городище в единую систему. Арыки и ров соединялись сетью каналов с большими искусственными озерами, сооруженными на северной окраине города. Там холмы и отроги речной надпойменной террасы Волги-Ахтубы были соединены дамбами из шлаков и обломков кирпичей, и вода, стекавшая в сезон таяния снегов в низменный район, где был расположен город, задерживалась в этих искусственных водоемах. Таким образом достигалось предохранение городской территории от заболачиваемости, и одновременно создавались запасы воды. Кроме того, арыки наполнялись водой из колодцев, включенных в их систему. На Селитренном городище была открыта система дренажа, служившая для отвода лишней воды из почвы. Она представляла собой вырытые вдоль улиц канавы, в которых были уложены и засыпаны потом землей, деревянные трубы из долбленных стволов деревьев.

Задаваясь целью выяснить особенности такого исторического феномена, как золотоордынский город, мы не могли пройти мимо исследования его ремесел. Золотоордынские города имели мощное, развитое средневековое ремесло. Этот факт, доказанный работами Поволжской археологической экспедиции существенно уточнил представления историков о городах Улуса Джучи.

Была раскопана небольшая часть стеклоделательной мастерской обнаружены ювелирные и костерезные мастерские. Но наибольший материал дали гончарные мастерские. Было раскопано несколько десятков горнов, прослежены этапы технологии производства почти всех групп керамики, как бытовой, так и архитектурно-декоративной. Особо важно отметить, что впервые открыты горны и принадлежности процесса производства кашинной керамики, найдены формы из алебастра, в которых оттискивали кашинные сосуды и изразцы, установлены типы горнов для обжига кашинных изделий, требовавших особых температурных режимов. Отмечено, что каждый вид керамики требовал определенной конструкции горнов. Мелкие ремесленники, специализировавшиеся на одном каком-либо виде керамики, имели горны одного типа. Так, на Царевском го-

родище в плебейской части города открыта индивидуальная мастерская, принадлежавшая городскому мастеру. Его специализация была очень узка - изготовление поливных плит, из которых на стройках резали элементы для мозаик. Кроме лепившихся и обжигавшихся между делом игрушек, мастер выпускал только эти плитки. На Водянском городище был найден горн, видимо также принадлежавший ремесленнику с узкой специализацией: он делал крупные неполивные сосуды, главным образом кувшины.

Другой формой организации ремесла были усадебные мастерские. Такая мастерская с двумя горнами одного типа была обнаружена на усадьбе в районе восточного пригорода Царевского городища. Специализация ее поливная красноглиняная и штампованная белоглиняная керамика. В той же усадьбе были открыты следы производства ювелирных украшений, в том числе из золота. Это не территориальное объединение ремесленников одной специальности в каком-либо районе или вдоль улицы города; наоборот, это объединение в одной усадьбе ремесленников разных специальностей. В этом районе Царевского городища открыто три усадьбы, возникшие последовательно, и в каждой было какое-либо ремесло. В первой при главном доме работал мастер-косторез, во второй - тоже мастер-косторез и золотых дел мастер-ювелир. После прекращения жизни второй усадьбы рядом возникла третья. Сюда, видимо, перебрался мастер-ювелир (здесь были найдены его инструменты). Может быть, он освободился от зависимости и основал свою усадьбу? Плано Карпини писал о том, что именно ювелиры могут накопить деньги и освободиться от рабской зависимости. Возможно, этот ремесленник основывает тут же и гончарное производство, следы которого в виде двух горнов были здесь обнаружены (10).

В некоторых случаях усадебное ремесло достигает крупных размеров. Так, на Селитренном городище была раскопана большая гончарная мастерская (20). Ее история делится на два периода. В первый (середина XIV в., до 1370-х годов) она имела несколько разнотипных горнов и выпускала как кашинную, так и красноглиняную и сероглиняную штампованную керамику. Мастерская располагалась, видимо, внутри большой усадьбы. Во второй период (1380-1390-е годы), когда усадьба рушится, мастерская резко разрастается и расширяет свою специализацию, выпуская почти все виды поливной и неполивной, бытовой и небытовой керамики, в том числе архитектурной, которые

были известны в Золотой Орде. Для этой мастерской строится большой дом-хранилище материалов, полуфабрикатов и сырья и, может быть, помещение для мастеров. Есть в ней специальные горны для обжига печного припаса, обслуживавшие всю мастерскую. Производство здесь едино: разные горны ведут выкиды в одни ямы; чтобы избежать простоя горна в нем производился обжиг другого вида керамики, который часто не подходит для его конструкции (этим пренебрегают для экономии производственного времени). Наблюдается смешение разных навыков и технических приемов, чего нет в мелких, индивидуальных мастерских. Создается впечатление, что это большое предприятие, работавшее на рынок, объединявшее множество мастеров под одним началом и представлявшее собой производство типа рабских мануфактур "кархана", хорошо известных в Иране и других странах этой эпохи, но археологически до сих пор не исследовавшихся.

Поволжской археологической экспедицией была создана классификация всех видов керамических и стеклянных изделий, архитектурного декора и другого археологического материала из культурного слоя золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Золотоордынская культура сложилась в тех городах Золотой Орды, которые были расположены в степи. Это были центральные, собственно золотоордынские города. Их культура несла черты ярковыраженного синкретизма, являясь сплавом традиций мастеров-ремесленников различных стран покоренных монголами. Здесь уживались черты китайского искусства и ремесла, среднеазиатского декоративного искусства, черты домостроительства, взятые из Центральной Азии, Китая и Средней Азии. На этой культуре сказалось мощное влияние иранской и закавказской культуры, а также традиции ремесла Крыма, Волжской Болгарии и, в какой-то мере, Руси. В некоторых областях этот сплав достиг уровня синтеза новой культуры прежде всего в керамике, в других областях - мы чувствуем в значительной степени механическое соединение разнородных традиций.

Сейчас можно выделить два локальных варианта золотоордынской культуры: восточный - города южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, и западный - города Приднестровья и Крыма.

Золотоордынские города были мощными центрами культуры и производства. Они базировались на силе золотоордынского государства на эксплуатации покоренных народов. Не свя-

занные с местными традициями экономического развития, эти города оказались вновь захлестнутыми кочевой стихией, как только это государство распалось - в XV в. Золотоордынские города с их блестящим, но не долгим подъемом именно поэтому оказались историческим "пустоцветом", не давшим в степях продолжения своей культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды //СА. 1959. № 4.
2. Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи. М.-Петербург, 1923.
3. Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай - столицы Золотой Орды. Казань, 1923 .
4. Гусева Т.В. История изучения Нового Сарая //Вестн. Москов. унта. 1975. № 6.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. //СА. 1964. № 1.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963-1964 гг. //СА. 1966. № 2.
7. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. //Поволжье в средние века. М., 1970.
8. Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае //СА. 1970. № 3.
9. Fedorow-Dawydow G.A. Die Goldene Horde und ihre Vorgänger. Leipzig, 1972.
10. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) //Города Поволжья в средние века, 1974.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Три средневековых нижеволжских города //Вопросы истории. 1974. № 3.
12. Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г. Раскопки усадьбы на Царевском городище //Вестн. Москов. ун-та. История. 1978. № 3.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище.//Вестн. Москов. ун-та. 1981. № 1.
14. Егоров В.Л., Полуляхинова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. //Города Поволжья в средние века. 1974.
15. Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. //Города Поволжья в средние века. 1974.
16. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследования мечети на Водянском городище //Средневековые памятники Поволжья. 1976.
17. Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища //СА. 1980. № 1.
18. Зиливинская Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья //Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
19. Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая //Новое в археологии. М., 1972.
20. Булатов Н.М., Федоров-Давыдов Г.А. Керамическая мастерская Селитренного городища //Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
21. Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) //Поволжье в средние века. 1970.

22. *Fedorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984.

23. *Носкова Л.М.* Декоративное убранство дворцового комплекса XIV в. в Сарае (Селитренное городище) //СА. 1984. № 4.

24. *Кызласов Л.Р.* Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) //Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1975. Вып. 3.

МЕЧЕТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

(Общие принципы планировки)

В результате широкомасштабных археологических раскопок золотоордынских городов за последние 35 лет были исследованы многие архитектурные сооружения. Это жилища различных слоев городского населения, а также общественные и культовые постройки, такие как мечети, мавзолеи, медресе, бани. Обычно эти здания рассматривались как самостоятельные архитектурные объекты или относительно архитектурного ансамбля того или иного города. В настоящее время, накопленный материал позволяет вычленить здания одной категории, рассмотреть их планировочные особенности и сравнить с аналогичными постройками в других странах. В частности такая работа может быть проделана с мечетями, которые являлись важнейшими общественными зданиями любого мусульманского города.

Мечети, как места для совершения молитвы, обращенной к аллаху, появились уже в первые годы возникновения мусульманства. Ранние арабские мечети состояли из открытого двора, окруженного стеной, вдоль которой были сделаны портики с деревянной крышей на деревянных колоннах. Как считает большинство исследователей (1, р.7,8; 2, р.53), эта многостолбовая система возникла под влиянием Ападаны Персеполя и гипостильных залов Египта. Она получила свое развитие в мечетях Омейядов, таких как мечеть ал-Валида в Дамаске (VII в.) и Большая мечеть Халеба (начало VIII в.), перестроенных из византийских базилик. Из аббасидских мечетей наиболее поражает своими размерами мечеть Муттавакия в Самарре (IX в.), состоящая из обширного двора, обрамленного колонными портиками.

Дворовый план мечети распространяется по всей территории Арабского халифата одновременно с ее завоеванием. В Египте строятся мечеть Амра (VII в.), мечети ибн Тулуна (IX в.), ал Азхар и ал Хакима (X-XI вв.). Лучшими образцами построек этого типа в Магрибе являются мечеть Сиди Окба в Кайруане (VII-VIII вв.), Большие мечети Суса (IX в.), Сфакса (X в.) и Алжира (XI в.), Каравийон в Фесе (IX в.) и Кутубийа в Марракеше (XII в.). Настоящим шедевром мавританского зодчества

чества стала Большая мечеть в Кордове, расположенная у западных границ халифата. Ядро этого огромного архитектурного комплекса, сгруппированное вокруг неизменного двора (саны), было построено в VIII веке по образцу мечети ал Валида в Дамаске. Планировка мечети с композиционным центром в виде двора осталась главенствующей в западной части мусульманского мира и в последующее время (3; 4; 1; 2).

Совершенно иначе происходило формирование архитектурных форм в Иране и близкой к нему Средней Азии. Арабские наместники строили в городах Ирана мечети арабского плана с окруженным галлереями двором, но иранцы предпочитали возводить мечети по образцу доисламских сооружений. Так появляются местные типы мечетей - чортак-киоск на западе и айван на востоке (5-6). Соединение арабского и местного планов породило четырехайванную планировку, ставшую в XII веке главенствующей. Самым ранним памятником этого типа является Соборная мечеть в Исфахане.

В Средней Азии также был воспринят арабский дворовый план мечети, самым ранним примером которого является мечеть Дандакана (IX-X вв.) (7, с.185-195). Но и здесь под влиянием местных традиций появляются мечети центрической планировки. Г.А.Путаченкова отмечает, что мечеть-киоск возникает в Южном Туркменистане еще раньше, чем в Иране - в IX-X вв. (8, с.185). Столпные композиции с центральным куполом, окруженным меньшими куполами или сводами, фиксируются также с X в. (9, с.131-134; 10, с.38-58). Слияние и дальнейшее развитие арабской и местных традиций и дало все многообразие типов среднеазиатских мечетей (11, с.102-121).

Своеобразное развитие получили мечети в Малой Азии. При сельджуках в существовавших здесь мечетях арабского плана начал перекрываться внутренний двор. Первоначально это было плоское балочное перекрытие на деревянных колоннах. Таковы, например, мечеть Махмуд-бея в Касабе близ Кастамони и Улу Джами в Афийоне (XI в.) (12, p.16, fig.39 (1a); 13, p.102, ill.56). Однако в XI веке каменные колонны или столбы стали соединять аркадами; продолжая делать деревянное перекрытие. Над предмихрабной частью возводили небольшой купол, а в качестве пережитка двора в крыше оставляли световой люк по центру зала или ближе к выходу. Под ним часто устраивали фонтан. Варианты этой планировки представлены в Улу Джами Шиваза и Кайзери (XI в.), мечети Ала-ед-Дина в

Кони (XII в.), Большой мечети в Зивригисаре (XIII в.) (12, p.17, fig.39 (1b,1c); 13, p.87, fig.21-22, p.100, ill.52).

В Золотой Орде, государстве, расположенном на краю мусульманского мира, первые мечети, вероятно, начали строиться во второй половине XIII века, во время правления Берке, который был мусульманином и способствовал городскому строительству. Однако массовое возведение их, несомненно, относится ко времени Узбека, с именем которого связано принятие мусульманства как государственной религии и расцвет городов. Именно в эти годы Ибн Баттута упоминает "тридцать мечетей для соборной службы и... чрезвычайно много других мечетей" (14, с.306) только в Сарае. К сожалению, число золотоордынских мечетей, исследованных к настоящему времени на территории всей Золотой Орды меньше, упоминаемого Ибн Баттутой. Тем не менее, этот материал дает некоторое представление об их планировке.

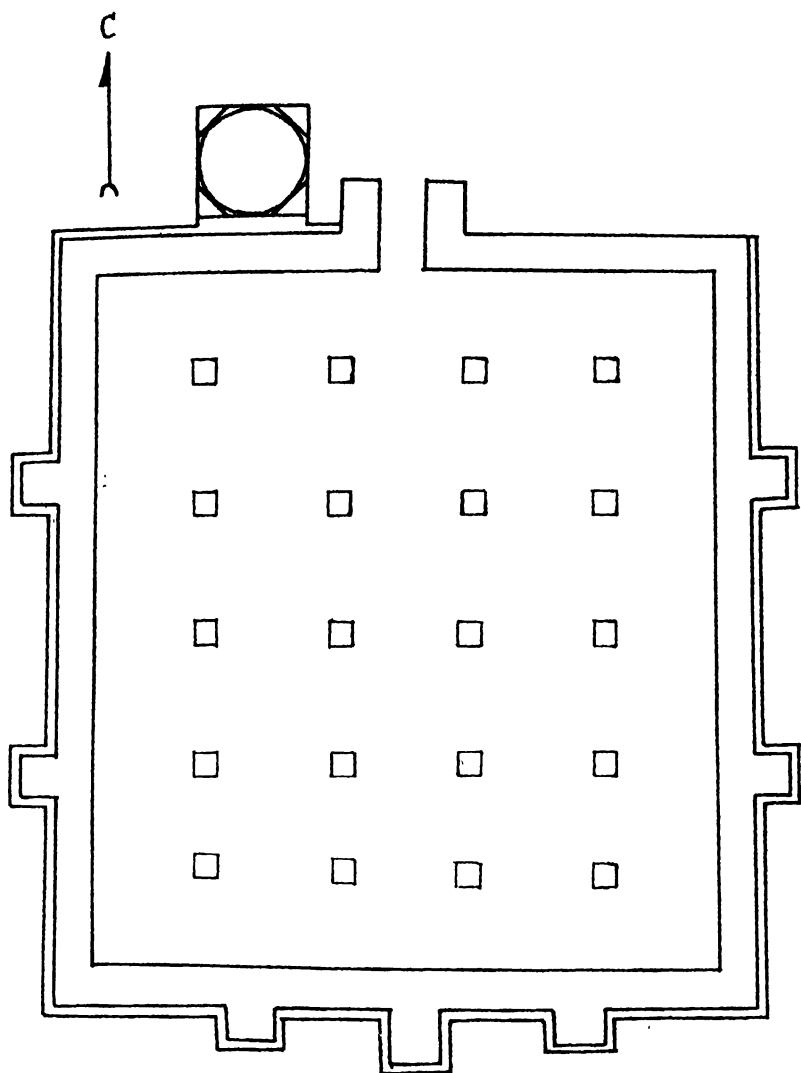
Ввиду того, что все известные мечети расположены в различных частях Золотой Орды, описание их целесообразно давать по регионам.

Волжская Болгария

Самым известным памятником мусульманского культового зодчества в Золотой Орде является соборная мечеть г.Великие Болгары, известная под названием "Четырехугольник". Этот памятник был описан в многочисленных работах, посвященных столице Волжской Болгарии (15; 16; 17, с.205-214; 18, с.376-382; 19, с.244-258; 20, с.39-57).

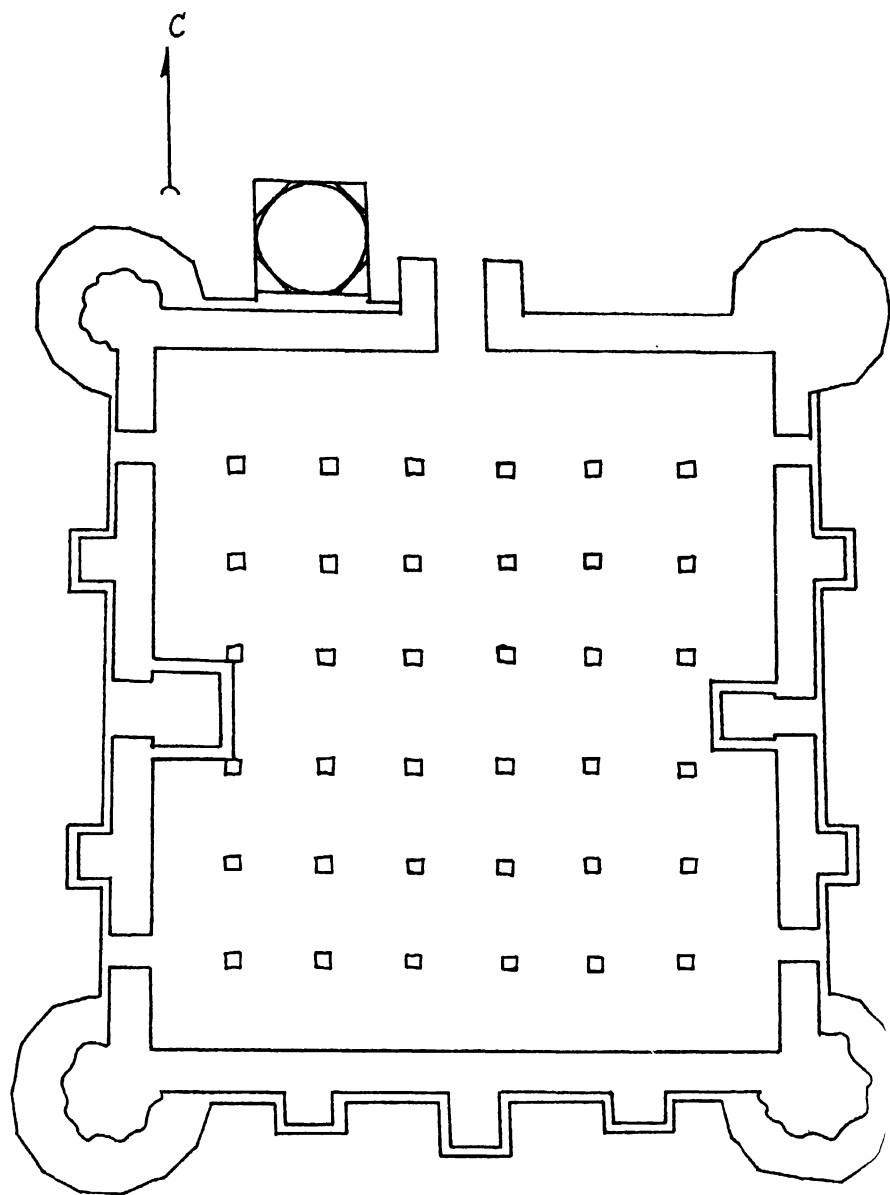
Здание, построенное в 60-е годы XIII в. за период своего существования (до 30-х годов XIV в.) претерпело несколько перестроек (20, с.54).

В первом периоде были возведены стены здания, имевшего форму прямоугольника с небольшим расширением к югу (рис.1). Длина его (внутри) составляла 32,6 м, ширина - 28,2 м по северной стене и 29,6 м - по южной. Стены толщиной 120-130 см были сложены из нерегулярных кусков известняка на известковом растворе. Они были укреплены прямоугольными контрфорсами: восточная и западная - двумя, а южная - тремя, средний из которых приходился на михраб. В северной стене располагался входной проем шириной 220 см, оформленный снаружи порталом, от которого остались два прямоугольных пилона. К востоку от портала находился контрфорс стены, а к западу - симметричный ему прямоугольный цоколь мина-

0 2 4 6 8 10 м

Рис. 1. Четырехугольник в 1 строительном периоде

0 2 4 6 8 10 м

Рис. 2. Четырехугольник во II строительном периоде

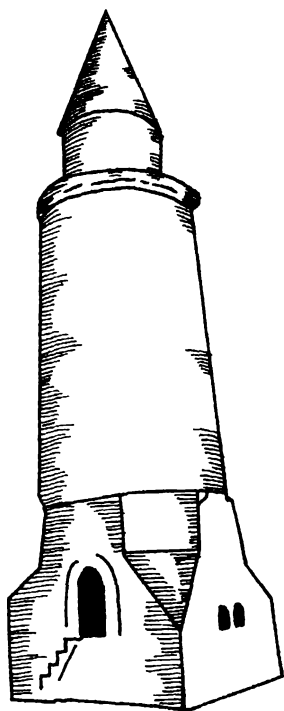

Рис. 3. Малый минарет в Болгарах

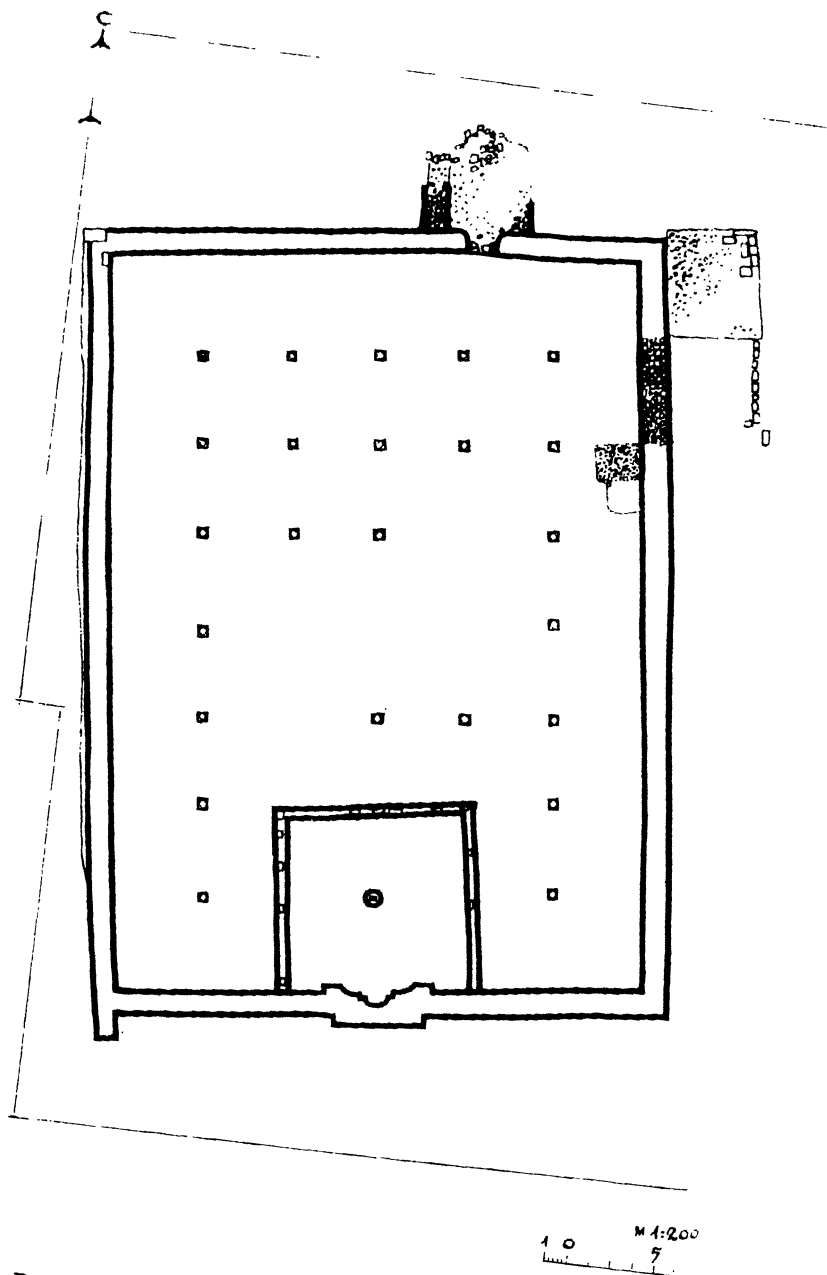

Рис. 4. Мечеть Водянского гордища

рета. Таким образом, план мечети был строго симметричен относительно меридиональной оси.

Пространство мечети было разделено на пять нефов четырьмя рядами колонн. В каждом ряду было по пять колонн прямоугольного (85х92 см) или квадратного (92х92 см) в плане сечения. Стены мечети были оштукатурены внутри и снаружи белой известью. Полы имели деревянный настил.

В результате небольшой перестройки впоследствии вдоль западной стены были сделаны антресоли или подобное им сооружение, для возведения которого к западному ряду колонн и стене были пристроены дополнительные столбы.

В начале XIV века мечеть была кардинально перестроена (рис.2). Внешний облик ее изменили многогранные башни, пристроенные к углам. Диаметр двух северных башен составлял около 8 м, а южных - около 10 м. Эти мощные сооружения, не имеющие аналогов ни в одной известной в настоящее время мечети, поражали воображение исследователей. Так А.С.Башкиров считал их минаретами (20, с.54), а В.В.Егоров доказывал, что они являются контрфорсами, укрепляющими углы здания (18, с.377). Раскопки под руководством А.П.Смирнова подтвердили правоту В.В.Егорова и доказали более позднее происхождение башнеобразных выступов (19, с.253). Угловые башни, несомненно, были построены под влиянием среднеазиатского зодчества. Такие сооружения известны там с глубокой древности, а в средние века были характерны для планировки крепостей, караван-сараев, ханако. В мечетях же подобное оформление углов не известно. Декоративные угловые башенки мечети Калян, которые приводит в сравнение С.С.Айдаров (20, с.52), вероятно, имеют те же истоки, но значительно редуцированы по сравнению с угловыми контрфорсами Четырехугольника.

В последнем периоде болгарская мечеть была перестроена изнутри. В восточной и западной стенах по центру пробили дверные проемы, а по бокам от них - оконные. Изнутри ко всем трем входам пристроили легкие тамбуры. Заменена была и колоннада мечети. Восьмигранные каменные колонны на квадратных с усеченными углами базах были поставлены шестью рядами, в каждом из которых было по шесть колонн. Базы и капители колонн были украшены резьбой в виде стилизованных пальметок, характерных для азербайджанского архитектурного декора (18, с.387).

По мнению большинства исследователей, перекрытие Четырехугольника было плоским и опиралось на аркады, поставленные на колонны зала. Крыша мечети была скатной, что наилучшим образом соответствовало климатическим условиям.

К комплексу Четырехугольника относился и Большой минарет известный по рисункам. Кубический цоколь минарета переходил в восьмигранник, на котором стоял ствол в виде слегка сужающегося кверху цилиндра, наверху которого была площадка для муэдзина. С двух сторон ствола минарета располагалось по три окна, посредине ствола была вырезана арабская надпись. Высота Большого минарета достигала 24 м.

Сходное строение имеет Малый минарет, который на 5 м ниже Большого. Он также состоит из кубического цоколя со скошенными углами, переходящего в восьмигранник (рис.3). Конический ствол его заканчивается площадкой, на которой стоит цилиндрическая надстройка со скатной крышей. Вход в минарет расположен с северной стороны на высоте 1 м от земли. Полукруглый верх дверного проема обрамлен жгутом и полосой растительного орнамента. С западной стороны минарета на высоте двери находится полуциркулярная ниша со стрельчатой аркой над ней. Поле между ними украшено орнаментированной обводкой и розетками. Скосы четверика также имеют резьбу в виде трехлепестных пальметок.

В.В.Егоров отмечал влияние азербайджанского зодчества, которое выражалось в мотивах и технике резьбы по камню. (18, с.383). Кроме того, архитектурная форма в виде трех переходящих друг в друга объемов - куба, восьмигранной призмы и цилиндра, а также приземистые пропорции минаретов, более всего близки к азербайджанским.

Нижнее Поволжье

В центральной части Золотой Орды, Нижнем Поволжье, в настоящее время исследованы две соборные мечети. Одна из них была раскопана в 1971-1972 гг. на Водянском городище (г.Бельджамен) в Волгоградской области (21, с.108-167). Мечеть представляла собой прямоугольник 26х35 м, вытянутый с севера на юг и ориентированный михрабом на юг-юго-восток (рис.4). Стены постройки имели толщину 120±10 см и были сложены из рваного камня на глиняном растворе. Изнутри стены были оштукатурены белым известковым раствором; снаружи штукатурка покрывала северный и восточный фасады. Вход в мечеть был сделан в северной стене с сильным смеще-

нием к востоку относительно центральной оси здания. Ширина входного проема составляла 132 см. Вход был обрамлен порталом шириной 5,0 м. Пилоны его были сложены из больших тесаных плит и имели ширину 1,0 м. В длину они сохранились более чем на 2,5 м.

Южная стена по центру снаружи имела прямоугольный выступ, в толще которого была сделана михрабная ниша в виде полукруга. Стенки ее были выложены из половинок обожженного кирпича и оштукатурены. Ширина михраба - 124 см. С правой и левой сторон михрабную нишу обрамляли два кирпичных уступа украшенных профилированными вертикальными пилонами из белой извести. За ними находилось по одному округлому выступу, переходящему в небольшие пилоны. Михраб был украшен прямоугольной ганчевой доской со штампованной керамической надписью на арабском языке. Доска имела красный бордюр, синий фон и белую выпуклую надпись.

Перед михрабом находилась прямоугольная площадка (8,14x8,40 м), которая была ограничена стенками из обломков кирпича высотой в три слоя. В толще всех трех стенок находились грубо обтесанные в форме квадратов плоские камни, которые служили базами для деревянных колонн, поддерживающих крышу над площадкой. В центре площадки была вкопана круглая мраморная колонна с канеллюрами, которая возвышалась на 45 см над уровнем пола и служила подставкой для ляуха с кораном. Колонна была поставлена расширяющимся концом вверх, в качестве упора для нее на дно ямы была положена мраморная ранневизантийская капитель.

Остальное пространство мечети было разделено пятью рядами колонн на шесть нефов шириной 4 м. Расстояние между колоннами в ряду также составляло в среднем 4 м. При раскопках было найдено 24 базы колонн из серого гранита размерами 30x30 см и высотой 20 см. Углы их были скошены для перехода к восьмиугольнику, а на поверхности многих баз имела шершавая насечка для установки деревянных колонн диаметром 25 см. Пол мечети, по видимому, был выстлан досками.

У северо-восточного угла мечети располагался минарет. Цоколь минарета, прямоугольный в плане (5,0x4,2 м), вплотную примыкал к восточной стене мечети. Он был сложен из тесаного и рваного камня различного размера. Ствол минарета не сохранился, однако по завалу лекальных кирпичей с дуговидным ребром, ганчевых и поливных деталей можно восстановить

его внешний вид. На каменном кубическом цоколе, возможно, переходящем в восьмигранник, стоял круглый в плане, конически сужающийся ствол. Он был украшен одним или несколькими орнаментальными поясами из кирпичей с бирюзовой поливой, чередующихся с ганчевыми вставками, украшенными куфическими арабскими надписями. Вдоль этого пояса шли алебастровые узкие полосы с меандровым орнаментом.

К югу от минарета был обнаружен глинобитный пол какого-то помещения, которое с севера и запада было ограничено стенами цоколей минарета и мечети, а с востока и юга - тонкими стенками из грубо отесанных камней. В стене мечети, которая ведет в это помещение, имелся проем шириной 3,4 м, который впоследствии был заложен жженым кирпичем. Вероятно, здесь находилась пристройка, которая служила для соединения мечети с минаретом.

Мечеть Водянского городища датируется второй половиной XIV в. вплоть до разгрома Золотой Орды Тимуром.

Соборная мечеть Сарая (Селитренное городище в Астраханской области) сохранилась гораздо хуже (22-24). Стены ее, сложенные из обожженного кирпича на глиняном растворе, были выбраны почти полностью. Кладка прослеживалась лишь фрагментарно на высоту одного-двух слоев, однако по заглубленному в материк ложу стен и отпечаткам кирпичей удалось получить исчерпывающее представление о планиметрии здания.

Мечеть состояла из двух помещений: большого молитвенного зала и пристройки, примыкавшей к его северо-западной части (рис.5). Молитвенный зал был квадратным в плане. Внутренние размеры его составляли 35,5 м по линии запад-восток и 36-36,5 м по линии север-юг. Северная, восточная и западная стены зала были сложены в 4 ряда кирпича и имели ширину 1,0 м. Южная стена была более мощной: ширина ее достигала 148-150 см, что объясняется наличием в ней михрабной ниши, которая ослабила бы ее при меньшей толщине. Главный вход в мечеть был сделан посредине северной стены. Дверной проем шириной 2,7 м снаружи был оформлен массивным порталом, пилоны которого имели длину 4,9 м. Толщина пилонов была различна - 3,0 м у восточного и 4,8 - у западного. Это объясняется тем, что вперевязку с западным пилоном была построена стена меньшего помещения мечети. Снаружи портал был оштукатурен белой известковой обмазкой.

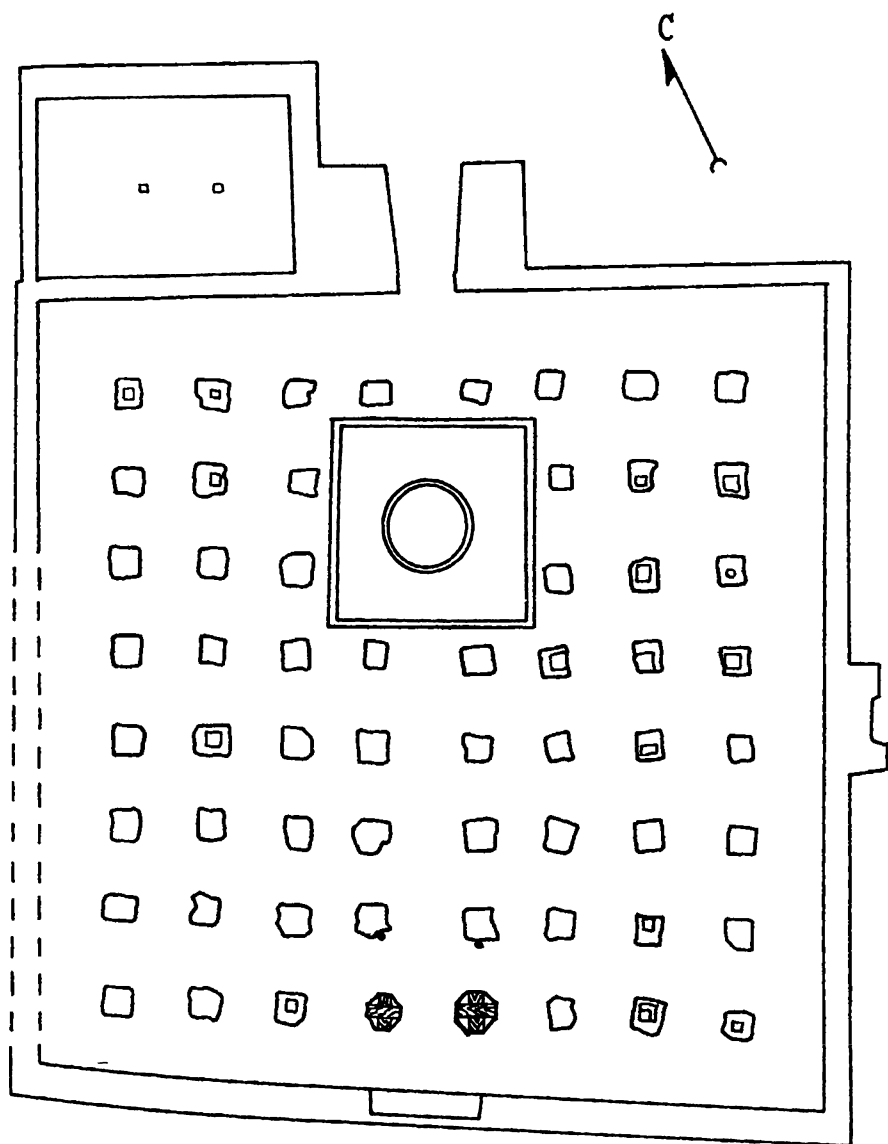

Рис. 5. Мечеть Селитренного городища

0 1 2 3 4 5 м

Такой же портал, но значительно меньших размеров был сделан посредине восточной стены. Пилоны его были 1,3 м длиной и 1,4 м шириной. Между ними оставался проход шириной 1,8 м. Вероятнее всего, такой же входной проем имелся и в западной стене. Об этом свидетельствует сравнение с болгарским Четырехугольником и с мечетью на Кучугурском городище, где кроме главного входа, было еще два - с западной и восточной сторон. Правда, там дополнительные входы были лишены порталов. Наличие западного портала в селитренской мечети также логически вытекает из общего плана молитвенного зала, в котором все элементы строго симметричны относительно меридиональной оси. К сожалению, никакого фактического подтверждения этой гипотезе найдено не было, так как большая часть западной стены стояла на песчаном материке, в котором не прослеживалось ее ложе.

Внутреннее пространство молитвенного зала было разделено на девять нефов восемью рядами колонн. Во всех рядах, кроме двух средних, было по 8 колонн. В средних рядах вторые и третьи колонны, считая с севера, отсутствовали, и на их месте находился внутренний дворик размерами 9,3х9,0 м. По периметру его был сделан парапет из поставленных на ребро обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором. Остальная площадь двора была вымощена кирпичем, положенным на известковом растворе плашмя. В центре находился водоем в виде крутой цистерны диаметром 3,7 м и глубиной 3,35 м. Стенки цистерны изнутри были облицованы жженым кирпичем. Никаких деталей внешнего оформления водоема найдено не было. Значительные размеры внутреннего двора говорят о том, что он не имел перекрытия или же был перекрыт частично.

От колонн поддерживающих крышу мечети, сохранились только фундаменты, скрытые под земляным полом. Они состояли из 6-9 слоев кирпичной кладки из целого кирпича и обломков на глиняном растворе. Размеры их колебались от 1,1х1,2 м до 1,65х1,4 м. Фундаменты были сложены довольно небрежно и образовывали ряды лишь приблизительно. В дальнейшем основания колонн перемещались по площадкам фундаментов до полного выравнивания по осям. Колонны были деревянными, квадратными в сечении. На нескольких фундаментах была найдена известковая обмазка с отпечатками столбов размерами 36х36 см и 38х38 см. К сожалению, таких отпечат-

ков сохранилось немного, поэтому расстояния между колоннами можно вычислить с некоторой долей приближения.

Западный и восточный ряды колонн удалены от стен на 4 м. Таковую же ширину имеет трансепт, идущий по центру зала от входа к михрабу. Расстояние между остальными рядами, а также между колоннами в рядах - примерно 3,4 м. В некоторых местах замечены отклонения от этой цифры, но они незначительны.

Колонны, расположенные перед михрабом существенно отличались от остальных. Это прослеживается по строению их фундаментов, которые были сложены значительно тщательнее. Они состояли из восьми слоев жженого кирпича, положенного плоско таким образом, что образовывались восьмиугольники диаметром 1,5 м. В верхней части этих фундаментов по центру были врезаны деревянные кресты из брусьев шириной 30 см. Брусья были соединены при помощи врубов "в обло" и положены плашмя на тростниковую циновку. На перекрестье у них сохранились остатки плосколежащих досок. Столь необычная структура фундаментов колонн, расположенных перед михрабом, имеет свое объяснение. Вероятнее всего, эти колонны были сделаны из камня. Деревянные столбы, поставленные на твердые кирпичные фундаменты, под давлением перекрытия неизбежно подвергаются некоторой деформации и усадке. Для того, чтобы не получилось перекоса, под каменные колонны, не подверженные деформации, были подложены конструкции из дерева. Амортизирующее действие должна была оказать и тростниковая циновка, положенная под брусья и между слоями кирпича фундаментов. Кстати, при раскопках молитвенного зала был найден обломок базы из серого песчаника в виде куба со скошенными углами. Вообще, для мусульманского культового зодчества весьма характерно более пышное оформление колонн перед михрабом. Наиболее близкий пример этого - "мечеть Узбека" в Старом Крыму.

Кроме того, для выделения пространства перед михрабом служили два деревянных столбика диаметром 20-24 см, которые были вкопаны на расстоянии примерно 3 м к северу от центров деревянных баз. Возможно, с помощью этих столбиков крепилась ажурная ганчевая решетка (максура) с каркасом из деревянных брусков. Именно здесь был найден завал мелких фрагментов ганча с отпечатками прямоугольных в сечении палочек.

Сам михраб практически не сохранился. По одной его стенке, расположенной точно напротив центра крестообразной базы, можно вычислить, что ширина его составляла 4,4 м, а глубина - 65 см. Невдалеке от михраба были найдены два известковых блока, которые, возможно, являлись частями его рамы.

Селитренская мечеть, несомненно, имела плоское, а именно балочное перекрытие. Внутреннее убранство ее было просто. Найденные известковые блоки и известковая обмазка нижней части столбов позволяют предположить, что стены внутри также были оштукатурены. Порталы, вероятно, были декорированы поливными монохромными изразцами и резными кирпичиками, обломки которых были найдены в яме у южной стены здания. Эти кирпичики вытачивались прямо на месте строительства и использовались по мере надобности.

Интересные наблюдения над процессом строительства были сделаны после снятия земляного пола мечети. Под ним обнаружена большая серия ям с остатками деревянных столбов и сосновой коры. Ямы располагались вдоль стен и между фундаментами колонн. Различие в диаметре, а также очень приблизительная рядность не позволяют считать их остатками опор первоначальной мечети. Вероятнее всего, в эти ямы были вкопаны столбы для временной поддержки перекрытий, то есть строительные леса.

Отличительной особенностью мечети Сарая является наличие дополнительного помещения. Оно примыкает с севера к западному отрезку северной стены мечети. Помещение вытянуто с запада на восток. Внутренние размеры его 11,9x8,2 м. Стены почти полностью разобраны. С юга помещение ограничивала стена молитвенного зала, а восточная стена его соединялась с пилоном портала. К северу от пилона в ней был сделан дверной проем, от которого сохранился порог со следами ремонта.

Внутреннее убранство комнаты было довольно богатым. Пол выложен жженым кирпичем на известковом растворе, а стены украшены полихромными изразцами с позолотой. Несколько крупных мозаичных блоков, в том числе часть тимпана и архивольты арки, выложенных такими изразцами, были найдены при раскопках этой комнаты. Вдоль западной стены была сооружена прямоугольная суфа шириной 1,8 м. Потолок поддерживали два столба, от которых остались базы из серого песка. Квадратные в плане (22x22 см и 20x20 см) и расширяю-

щиеся внизу базы были вкопаны точно по центру помещения на расстоянии 3,25 м друг от друга.

Это помещение, вероятнее всего, служило не культовым а общественным целям: возможно, здесь находилась больница, библиотека или суд при мечети.

Мечеть Сарая датируется серединой XIV в.

Северный Кавказ

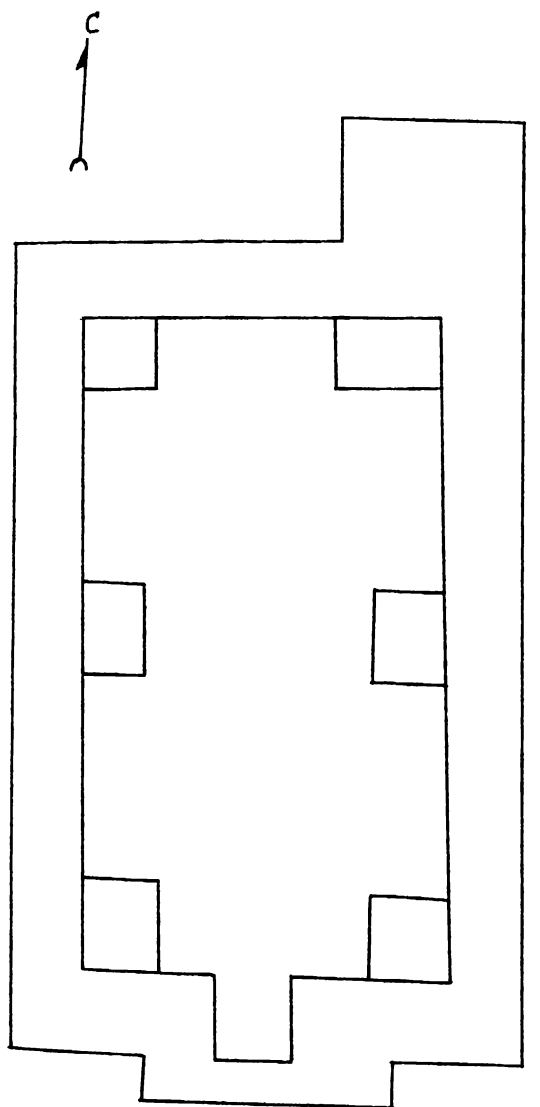
Две мечети были исследованы на городище Верхний Джукат (25, с.66-87), которое называется также Татартупом (26) и отождествляется известным по летописям яским городом Де-дяковым (27, с.121).

Малая мечеть сохранилась в основном на уровне фундамента (рис.6). Это небольшое (9,8х6,6 м) здание было ориентировано длинной осью в меридиональном направлении. Фундамент стен был сложен из речного булыжника на известковом растворе. Сами стены сложены из квадратного жженого кирпича и почти не сохранились. В южной стене мечети был сделан михраб в виде квадратной в плане (1,15х1,15 м), выступающей наружу ниши. Внутри пространства мечети находились остатки шести квадратных устоев (0,8х0,8 м), которые были расположены в углах помещения и посередине восточной и западной стен. У северо-восточного угла мечети вплотную к стене пристроен кубический фундамент минарета.

Совершенно иную планировку имела большая мечеть (рис.7). Площадь ее исследована на две трети. Здание было прямоугольным, вытянутым с запада на восток. Ширина его - 11,4 м, длина предположительно - 22,8 м. Западная стена не перпендикулярна: с северной она образует угол 80°, а с южной 100°.

Фундамент стен был сложен из речного булыжника на известковом растворе, а сами стены - из подтесанных камней, обожженного кирпича и блоков песчаника. Упавшая стена позволяет определить высоту мечети - до 6 м. В южной стене мечети была сделана прямоугольная (1,35х1,0 м) михрабная ниша, которая выступала наружу. Она расположена не посередине стены, а ближе к ее западному концу, в 7,5 м от северо-западного угла здания. Пол михраба, а возможно, его стенки были украшены изразцами с бирюзовой поливой.

В западной стене мечети, напротив минарета, был сделан дверной проем, который служил для сообщения с ним. Основной вход в мечеть находился напротив михраба: здесь был об-

0 1 2 м

Рис. 6. Малая мечеть Верхнего Джулата

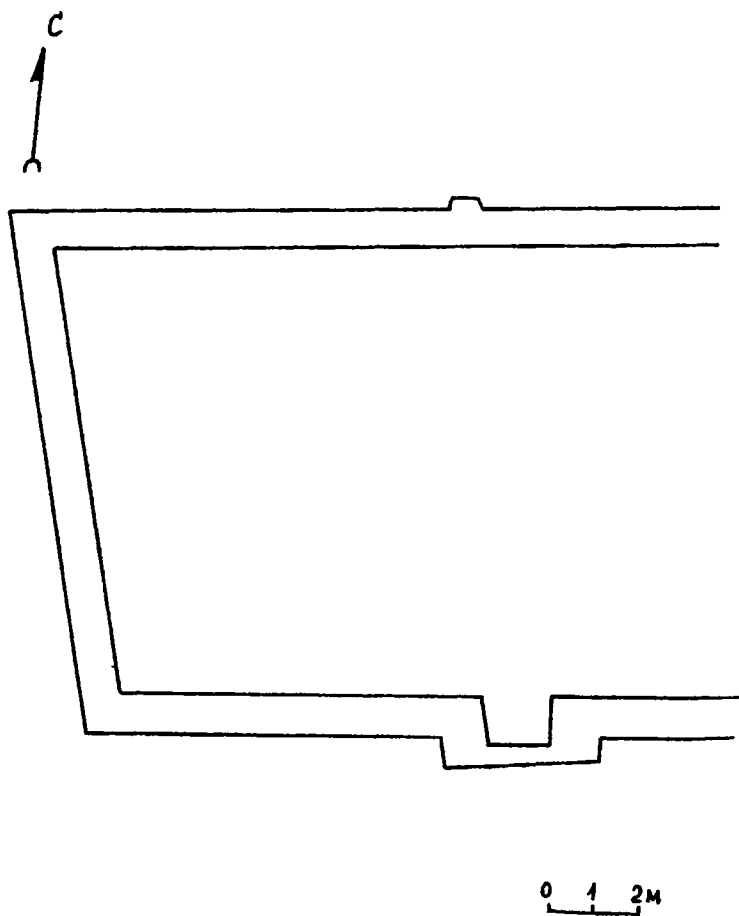

Рис. 7. Большая мечеть Верхнего Джулата

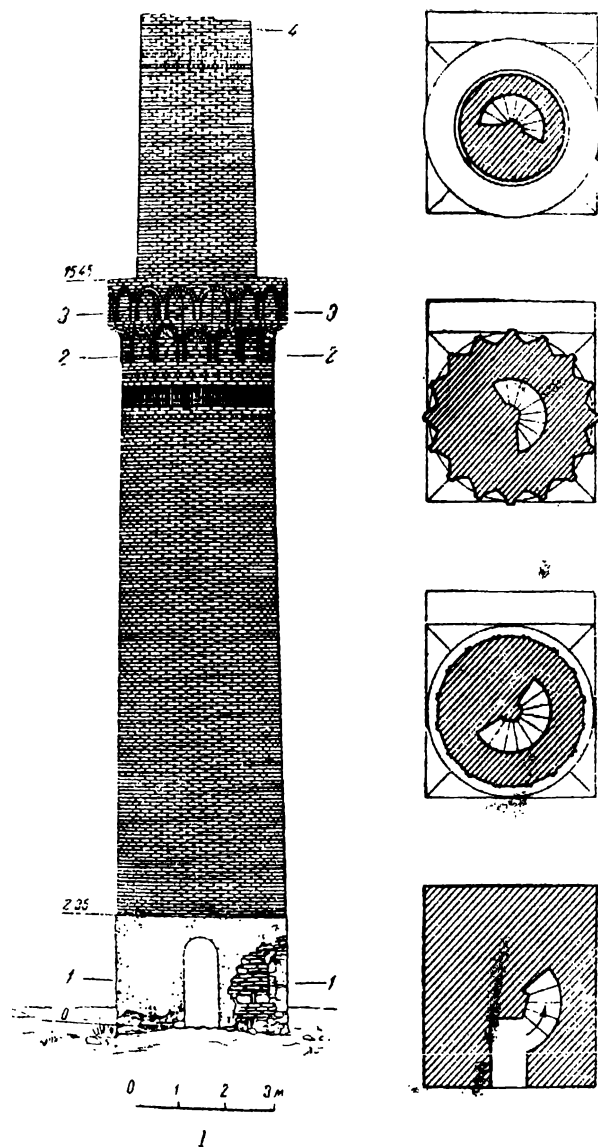

Рис. 8. Татаргупский минарет

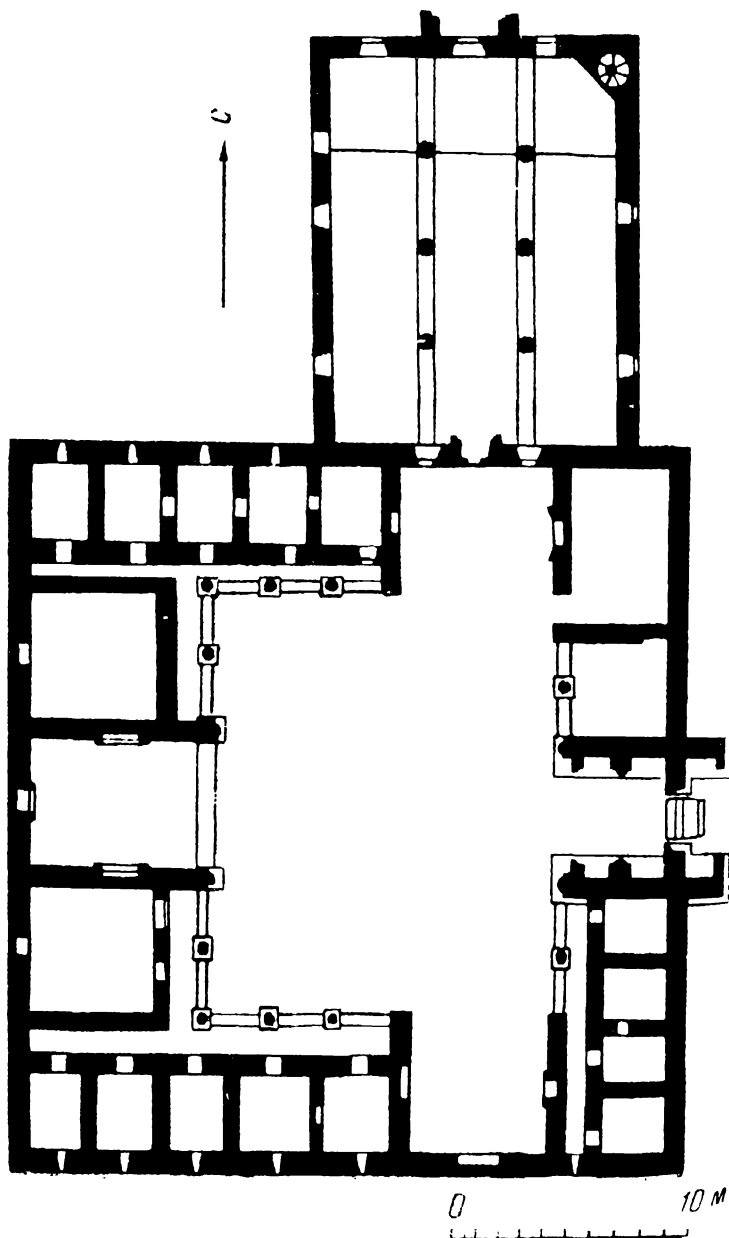

Рис. 9. Мечеть-медресе "Узбека" в Крыму

наружен небольшой наружный пилон, вероятно, являющийся остатком портала.

Пол мечети был фигурно выложен крупными кирпичными плитами, часть которых покрыта бирюзовой поливой, обычными кирпичами и мелким булыжником. Стены были оштукатурены и, возможно, расписаны. Непонятно, каким было перекрытие здания, так как никаких следов устоев или колонн не обнаружено. Скорее всего, можно согласиться с О.В.Милорадович, считавшей его плоским с двускатной крышей, опиравшимся на деревянные столбы (25, с.79). Покрытие крыши было черепичным.

К этой мечети относился известный на Кавказе Татартупский минарет (рис.8). Минарет сохранился практически на полную высоту, которая составляла 20,8 м, отсутствовало лишь покрытие его. Цоколь минарета был прямоугольным в плане (3,55х4,25х2,35 м). Он сложен из кирпича и каменных блоков. Ствол минарета имел коническую форму и состоял из двух частей высотой 13,1 м и 5,35 м. Их расчленял двойной сталактитовый пояс, который раньше поддерживал балкончик для муэдзина. В цокольной части находилась дверь в виде арки с полуциркульным окончанием. Такая же дверь выходила на балкон. В нижней части ствола минарета были сделаны два окошка. Внутри вокруг пятиугольного столба висела кирпичная лестница.

Ствол минарета был украшен несколькими орнаментальными поясами, основным из которых является сталактитовый. Прямо под ним шли две полосы бирюзовых поливных дисков, чередующихся с кирпичными ромбиками. Между ними располагался орнаментальный пояс, подражающий куфической надписи. Верх ствола также украшен фигурной кирпичной кладкой. Татартупский минарет был разрушен в 1985 году в результате реставрационных работ.

Обе мечети и минарет в Верхнем Джулате датируются XIV в.

Западные районы

Наиболее известным памятником монументального зодчества на западе Золотой Орды является мечеть-медресе города Крым (Солхат). Ей посвящены многочисленные исследования (28, с.122-145; 29, с.108-126; 30, с.271-302; 31, с.256-265; 32, с.113-169; 33, с.104-108; 34). Здание мечети, полностью сохранившейся до наших дней, представляет собой базилику с тремя

парами восьмигранных устоев, соединенных стрельчатыми арками (рис.9). Размеры здания 17,5х13,5 м. Устои поддерживают деревянное стропильное перекрытие и двускатную черепичную крышу. В северо-восточный угол здания встроены цилиндрический ствол минарета. Вход в мечеть обрамлен порталом со сталактитовой нишей и резными каменными фризами, в которых большинство авторов видит влияние сельджукского искусства. Аналогично оформлена и михрабная ниша.

На резном портале мечети сохранилась подпись, которая датирует ее 1314 годом, то есть временем правления Узбека. Сюда к мечети примыкает медресе в виде обширной квадратной постройки с открытым двором посередине. Все исследователи сходятся на том, что мечеть-медресе "Узбека" по планировке повторяет караван-сарай сельджукской Малой Азии. "Следует признать, что сами татары в основной массе своей кочевники, так и не создали своей монументальной архитектуры, заимствованной ими из Малой Азии", - писал А.Л.Якобсон (33, с.107).

Однако, как показали раскопки отдела востока Государственного Эрмитажа под руководством М.Г.Крамаровского, мечеть и медресе не являлись одновременными постройками (35-38). Медресе было построено в начале XIV в., в то время как мечеть была пристроена к нему в XVI в. Надпись же на портале, также как и весь декор портала и михраба были взяты из другой, более ранней мечети, действительно построенной при Узбеке. И, хотя в целом нет оснований отвергать тезис о сельджукском влиянии на архитектуру Золотой Орды, особенно в Крыму, вряд ли в этом комплексе следует усматривать копию караван-сарая Малой Азии.

Крамаровским М.Г. были исследованы и две другие мечети г.Крыма, о которых остальные исследователи упоминали лишь вкратце. Так называемая "мечеть Бейбарса" находилась всего в 80 м от медресе. Она представляла собой трехнефную базилику длиной 7,7 м и шириной 3,7 м в михрабной части и 4,2 м у порталной стены. Внутри сохранились остатки аркады в виде трех пар фундаментов под базы колонн. В южной стене сохранились остатки полукруглой ниши михраба, а в северо-западном углу постройки фундамент обрамляют два прямоугольных пилона. По нумизматическому материалу мечеть датируется временем Тохтамыша.

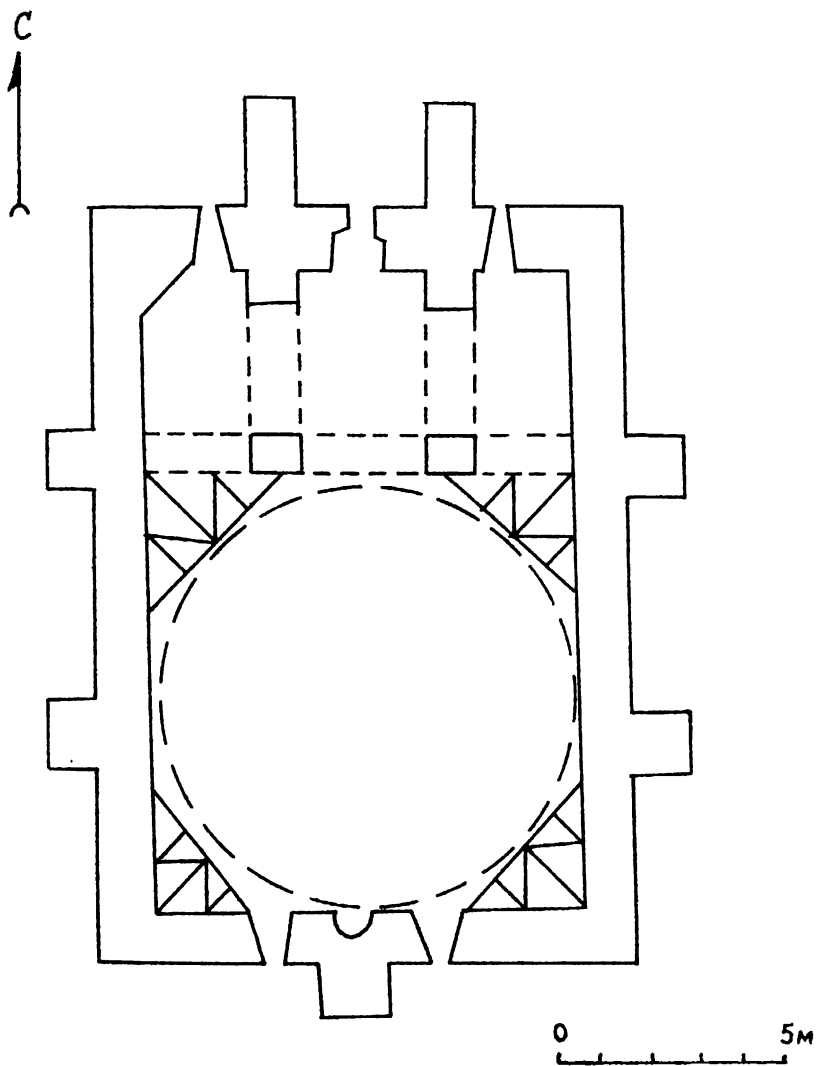

Рис. 10. Куршун-Джами в Крыму

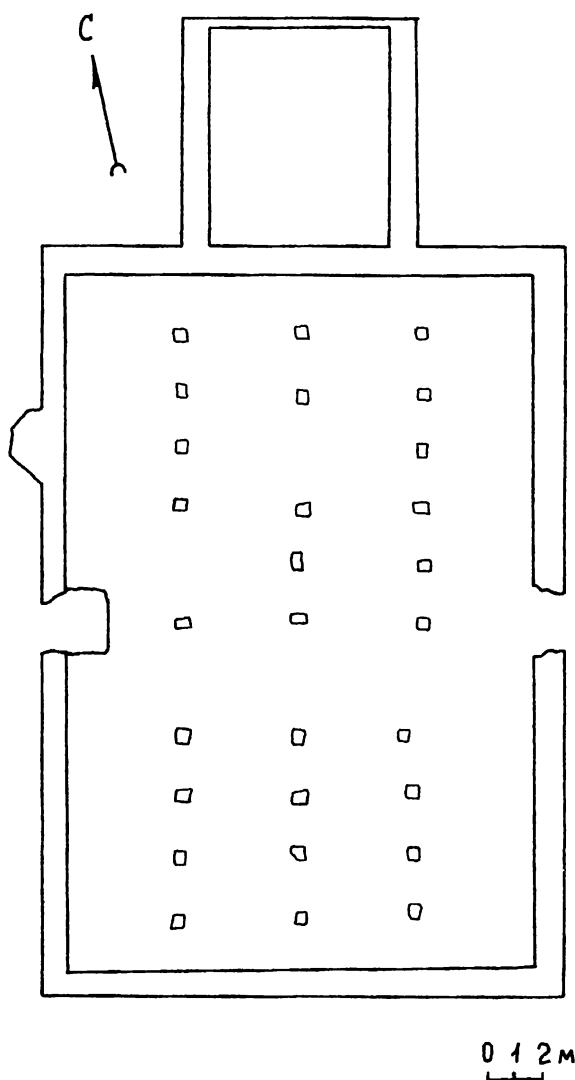

Рис. 11. Мечеть Кучугурского городища

В бывшем имении Айвазовского была расположена мечеть, носящая название "Свинцовая" (Куршун-Джами). Прямоугольное здание (12,5х17,7 м) было построено из рваного камня на известковом растворе (рис.10). Вход в мечеть обрамляют пилоны портала. Западная и восточная стены усилены парными контрфорсами. Южная стена имеет один контрфорс, который расположен позади подпрямоугольной михрабной ниши, сильно вдающейся в толщу стены. В северо-восточном углу сохранились остатки основания минарета. Все здание разделено на две неравные части. Квадратное помещение (10,5х10,6 м) с михрабом в южной стене было увенчано куполом на парусах. Прямоугольная (10,5х4,5 м) северная комната имела перекрытие в виде трех коробовых сводов (28, с.132). По сведениям Эвлии Челеби, Куршун-Джами первоначально являлась дервишской обителью (текке). Она была сооружена в 1396 г. по распоряжению Бай Бутлы Хатун, внучки Кутлуг Тимура, а в 1398 году здание текке было обращено в квартальную мечеть (41, с.27). Этим, вероятно, объясняется не совсем обычная для подобных сооружений планировка "Свинцовой мечети".

Недалеко от города Запорожье, на Кучугурском городище, были исследованы остатки большой соборной мечети, расположенной в самом его центре (42, с.177-181). Прямоугольное здание мечети было вытянуто с севера на юг, размеры его составляли 26,0х17,85 м (рис.11). С севера находился обширный (8,5х6,5 м) айван, также вытянутый в меридиональном направлении. Стены постройки были сложены из обожженного кирпича на известковом растворе. Внутри помещение мечети было вымощено жженым кирпичем. Пространство было разделено на четыре нефа шириной 4,0 м тремя рядами колонн, расстояние между которыми составляло около 2 м. Количество колонн в рядах неодинаково: оно колеблется от 9 до 11. При раскопках были найдены базы колонн из серого песчаника размерами 0,5х0,5х0,5 м. В верхней части баз углы срезаны для придания им формы восьмигранника. На некоторых над восьмигранником сохранился крут несколько меньшего диаметра. В центре южной стены находилась михрабная ниша, полукруглая в плане, шириной 0,8 м и глубиной 35 см.

Пол айвана также вымощен кирпичем, а вдоль восточной, а возможно, и западной его стен была сооружена узкая суфа. У входа в мечеть были обнаружены остатки деревянных конструкций, вероятно, дверей. Кроме того, в западной и восточной стенах основного помещения, как раз по центру, име-

лись два проема шириной около 1,5 м. Судя по плану, к западному входу изнутри был пристроен входной тамбур.

Мечеть Кучугурского городища имела минарет, который был встроен в западную стену в 6,0 м от северного ее конца. Цоколь минарета имел форму восьмигранника диаметром 2,5 м и высотой 1,25 м. В завале были найдены обломки круглого ствола минарета с остатками деревянной лестницы внутри. Длина этого завала составляла более 5 м. Мечеть, как и все городище датируется XIV в.

Самой западной в пределах Золотой Орды является мечеть Старого Орхоя (43, с.24-35). Это поистине грандиозное сооружение имело размеры 57,7х51,5 м (рис.12). Стены здания были сложены панцирной кладкой из слегка подтесанных глыб известняка на известковом растворе. Толщина стен достигала 130 см, а фундамента 170 см. В северной стене здания находился вход, который снаружи оформляли два массивных пилона. По мнению П.П.Бырни, они являлись основанием портала, который имел ширину 7 м, а в высоту мог достигать 10 м (43, с.29). Арка портала была шириной 3,8 м и глубиной 4 м. Она была украшена резьбой по камню в виде чередующихся ромбов и шестиугольников. Сохранились также блоки дверного проема, ведущего внутрь мечети. Высота его 230 см, ширина - 150 см.

Восточная и западная стены в 18 м от их северного конца имели прямоугольные контрфорсы, которые ввиду их незначительной величины являлись скорее всего декоративными. В середине южной стены был полукруглый выступ диаметром 260 см, который соответствовал михрабной нише. Северовосточный угол здания охвачен цоколем минарета. Цоколь шестиугольный в плане, со сторонами 305-340 см.

Мечеть, как и остальные монументальные здания Старого Орхоя, не была достроена. В ней не было найдено никаких следов внутренних конструкций, однако среди архитектурных деталей находилось несколько баз колонн размерами 30х30х20 см со скошенными для перехода к восьмиугольнику углами. Скорее всего, как и другие крупные мечети Золотой Орды, эта постройка должна была представлять собой зал, разделенный на нефы рядами колонн. Небольшой диаметр колонн и огромные размеры здания позволяют предположить, что мечеть должна была иметь плоское перекрытие и, возможно, скатную крышу.

Датируется мечеть Старого Орхоя серединой XIV в.

Таким образом, на основе приведенного обзора можно видеть, что большая часть известных в настоящее время мечетей Золотой Орды относится к одному типу. Это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад. Прямоугольные мечети чаще вытянуты в меридиональном направлении, но могут быть и в широтном, как Большая мечеть Верхнего Джулата. Главный вход в мечетях расположен в большинстве случаев против михраба и обрамлен порталом. При значительной площади здание может иметь дополнительные боковые входы, как например - в Болгарах, Сарае, на Кучугурском городище.

Представляется необходимым рассмотреть, как и откуда попал в Золотую Орду этот довольно единообразный и хорошо разработанный тип планировки. На связь таких памятников, как "мечеть Узбека" в Старом Крыму и Четырехугольник в Болгаре с сельджукским зодчеством указывал еще А.С.Башикиров (29, с.110; 28, с.30-52). За эталон этот исследователь принимал мечеть-медресе в Старом Крыму, сравнивая его с караван-сараями Ак-Хан и Султан-Хан в Конии. Поздняя датировка комплекса мечети-медресе доказала неправомерность такого сравнения. Что же касается планировки "мечети Узбека", то она близка с "мечетью Бейбарса", относящейся действительно к XIV веку. А резной сталактитовый портал и ниша михраба, о "сельджукском" стиле которых было немало написано, перенесены из другой, более ранней мечети, относящейся ко времени Узбека, о чем свидетельствует надпись на портале. То есть, несмотря на позднее происхождение, "мечеть Узбека" по праву может относиться к сельджукской строительной традиции. Однако, аналогии мечетям Золотой Орды следует искать не в караван-сараях, а в мечетях же Малой Азии. Как уже упоминалось, последние представляли собой прямоугольные залы, разделенные на нефы рядами столбов или колонн, соединенных балками или аркадами, то есть базилики с плоским перекрытием. Характернейшей чертой сельджукских мечетей является наличие в крыше светового люка, под которым находится сильно редуцированный внутренний дворик с фонтаном. Над предмихрабной частью мог быть возведен небольшой купол. Так одна из простейших построек сельджукско-анатолийского периода, мечеть Махмуд-бея близ Кастамони, представляет собой трехнефный зал с двумя рядами деревянных колонн, балочным перекрытием и двускатной крышей. Улу-Джами в Шивазе и

Афийоне - это большие, многоневные залы с трансептом, ведущим к михрабу, и плоским перекрытием на аркадах (12, р.16-17; 13, р.100-102). Можно привести и другие примеры.

Надо отметить, что мечети в виде залов с рядами колонн, характерные для Малой Азии сельджукского периода, в виде исключения встречаются в более раннее время, и в других регионах. Это бывает обычно, если под мечеть перестраивались христианские базилики или другие здания. Такова, например, мечеть ал-Акса в Иерусалиме (XII в.) (1, р.211, fig.41). Однако, вряд ли следует приводить эту омейядскую мечеть, лишенную внутреннего двора, в качестве аналогии золотоордынским постройкам.

Следует отличать также базиличные мечети сельджукской традиции от таких зданий, как Джума-мечети в Хиве (44, с.145-181) и Хазараспе (11, с.109), которые относятся к типу столпных построек с плоским перекрытием (11, с.108-112). По происхождению они близки к столпно-купольным, но проще их по исполнению. Площадь таких мечетей делится на стандартные квадраты со стороной, равной длине балочного перекрытия (3,5-4,5 м), поэтому здесь нельзя говорить о наличии нефов. Такое строение имеет в Средней Азии огромное количество небольших гузарных мечетей. При сильном разрастании здания получается тип мечети, названный Л.Ю.Маньковской "лес колонн". Исследовательница считает, что таких построек в Средней Азии было много, но ввиду того, что они строились из дерева, сохранилось всего лишь две, да и то поздние, XVIII в.

В мечетях Золотой Орды мы имеем зал, разделенный на нефы. Это хорошо прослеживается в Четырехугольнике в ранний период, в мечети Кучугурского городища и, конечно, в мечетях "Узбека" и "Бейбарса" В постройках Нижнего Поволжья расстояние между рядами колонн и колоннами в ряду одинаково, но наличие трансепта в мечети Селитренного городища говорит о ее принадлежности к базиличной планировке. На близость этой мечети к сельджукским указывает также наличие внутреннего двора с водоемом в центре.

Для малоазийских мечетей XI-XII в. типично также наличие купола, перекрывающего пространство перед михрабом, для выделения его из всего объема здания. Представляется вероятным, что квадратная площадка, окруженная столбами, перед михрабом мечети Водянского городища служила той же цели. Конечно, здесь не было сферического кирпичного купола, так как он не мог опираться на деревянные столбы. Балочное

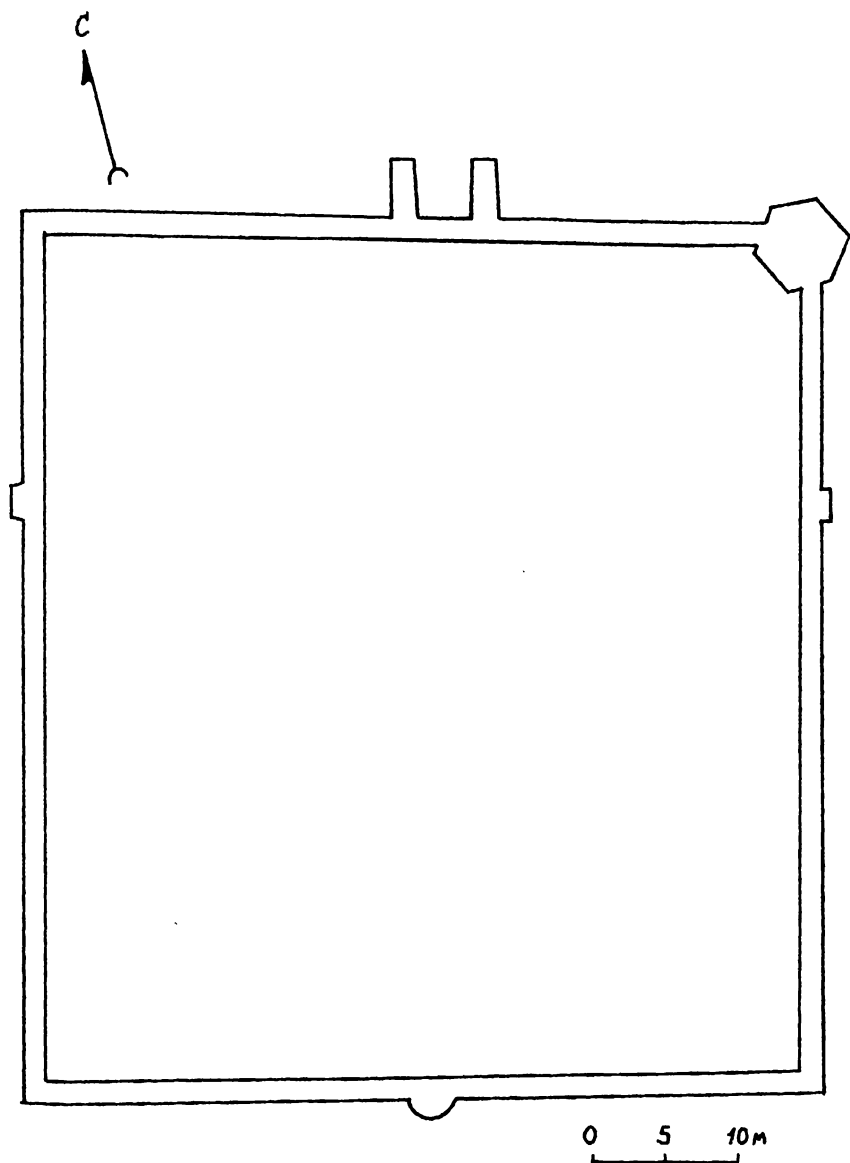

Рис. 12. Мечеть Старого Орхя

перекрытие пролета более чем 8 м шириной также представляется маловероятным. Можно предположить, что был сооружен деревянный венчатый купол, возможно, со световым люком в зените.

Как уже говорилось, прямоугольные в плане золотоордынские мечети вытянуты по оси север-юг. Исключение составляет только Большая мечеть в Верхнем Джулате. Образцом для нее могла служить Джума-мечеть в Дербенте (VII-XIV вв.), перестроенная из христианского храма (45, с.159-162). Очевидно, такая ориентировка культовых зданий получила распространение в Закавказье, примером чему являются базиличные мечети в селах Дундук и Тпиг (XV в.) (46, с.71,79). Наличие портика перед входом в этих постройках напоминает о позднесельджукской архитектуре (12, р.18-19).

Далее следует остановиться на такой архитектурной детали золотоордынских мечетей, как развитой, выступающий за пределы здания портал. С.С.Айдаров (20, с.41), а вслед за ним и П.П.Быря (43, с.31) считают, что в культовых постройках Золотой Орды возводился мощный пештак с входным проемом в виде стрельчато-арочной порталной ниши. С этим положением нельзя согласиться. В большинстве порталных сооружений мусульманского зодчества ниша пештака утоплена в толщу лицевой стены. В том случае, если она выступает за пределы основного объема здания, распор арки погашается контрфорсами в виде декоративных минаретов и боковыми пристройками. Наличие пештака со стрельчатой аркой можно предполагать только у мечети Сарая, в строительной технике которой вообще много среднеазиатских черт. Пилоны ее портала отличаются особой толщиной, а западный укреплен еще сложенной вперевязку с ним стеной дополнительного помещения. Что касается Четырехугольника, мечетей Водянского городища и Старого Орхоя, то в них толщина пилонов не превышает толщины стен здания. Учитывая связь с архитектурой Малой Азии в планировочном построении и технике каменного строительства, здесь скорее следует ожидать портал со сталактитовой нишей и резьбой по камню, подобный известному нам в мечети-медресе Крыма.

Особо следует выделить мечеть Кучугурского городища. В ней разрастание портала привело к тому, что он превратился в обширное помещение в виде айвана или, в случае наличия двери в северной части, входного тамбура. Второе пред-

ставляется более вероятным, так как вдоль одной из стен помещения была сооружена теплая суфа.

Кроме больших пятничных мечетей базиличного плана в Золотой Орде существовали и другие. Мечеть Куршун-Джами в Крыму, состояла из двух объемов; больший из которых имел купольное покрытие, а меньший был перекрыт тремя коробовыми сводами. Сравнивая Куршун-Джами с более поздней мечетью в Судак, А.С.Башкиров и Б.Н.Засыпкин считали, что обе они также построены под влиянием сельджукского зодчества (28, с.124; 32, с.132). Особенно четко это прослеживается по форме парусов купола в виде парных треугольных выпусков, образующихся между ребрами тромпа. Близкие по форме паруса действительно часто встречаются в постройках Малой Азии, таких как купольный зал медресе Ала-ед-Дина в Конии (XIII в.) (47, s.99, ill.44).

Что касается Малой мечети Верхнего Джулата, то вопрос о ее перекрытии не может быть решен однозначно. По плану она более всего напоминает небольшие столпные сооружения Средней Азии, такие как трехкупольная мечеть при мавзолее Хаким-ат-Термези (XI в.) и двухкупольная мечеть при мавзолее Ходжа-Иса (XI в.) в Тохаристане (48, с.118). Разница состоит лишь в том, что эти здания вытянуты в широтном направлении, а верхнеджулатская мечеть - в меридиональном.

Другой вариант при данной планировке сводчатое перекрытие с подпругной аркой, характерное для сельских мечетей Азербайджана, например, в хане на р.Пирсагат и в поселке Ханлар (XIII в.) (45, с.93, рис.27, с.159, рис.83). В пользу второй гипотезы свидетельствует и близкое сходство Татартупского минарета с минаретом в Шамхоре, известном по рисункам (45, с.91, рис.25). Разница между ними заключается в том, что в шамхорском минарете кубический цоколь переходит в восьмерик, отсутствующий у минарета Верхнего Джулата. Пропорции же обоих сооружений и их архитектурный декор удивительно схожи. Пожалуй, эти два минарета не имеют близких аналогов ни в Средней Азии, ни в Закавказье, так как у среднеазиатских минаретов не бывает высокого, расчлененного цоколя, а азербайджанские значительно более приземисты и массивны.

Подводя итог всему вышесказанному, следует подчеркнуть, что культовое зодчество Золотой Орды складывалось под сильным влиянием сельджукской Малой Азии. Сельджукская строительная традиция распространялась через Закавказье.

где сохранились такие ее образцы, как мечеть Мануче в Ани (49, таб.100). Не исключено также, что мечети сельджукского типа существовали в Средней Азии и близлежащих регионах. Мечети с залом, разделенным на нефы, были известны в домонгольское время и Волжской Болгарии (50, с.21-46; 51, с.46-62).

Взяв за основу базиличную планировку с плоским перекрытием, золотоордынские мастера творчески переработали ее, сообразуясь с местными условиями и вкусами заказчиков. В результате этого возникли оригинальные архитектурные решения, такие как башнеобразные контрфорсы Четырехугольника, административная пристройка в мечети Сарая, входной тамбур мечети Кучугурского городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Creswell K.A.C. A short account of early Architecture. Middlesex: Pelican Books, 1958.
2. Crabar O. The formation of Islamic Art. New Haven and London, 1973.
3. Веймарн Б., Кантерева Т., Подольский А. Искусство арабских народов (средневековый период). М.: Искусство, 1960.
4. Encyclopaedia of Islam. Vol.2 London-Leiden, 1927.
5. Hertzfeld E. Archaeological History of Iran. London: Oxford University Press, 1935.
6. Godard A. L'Art de l'Iran. Paris: Artkaud, 1962.
7. Прибыткова А.М. О "красивой" мечети Дандакана. //Архитектурное наследство. 1964. № 17.
8. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма //Труды ЮТАКЭ. М.: Изд. АН СССР, 1958.
9. Прибыткова А.М. О некоторых местных традициях в зодчестве Средней Азии в IX-X вв. //Архитектурное наследство. 1958. № 11.
10. Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии IX-XII вв. М.: Стройиздат, 1973.
11. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент: Фан., 1980.
12. Unsal Benzet. Turkish Islamik Architecture. Seljuk to Ottoman. New-York, 1973.
13. L'art en Turguie. Friborg, 1981.
14. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. СПб, 1884. Т.1.
15. Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань: Госиздат ТССР, 1926.
16. Башкиров А.С. Памятники Булгаро-Татарской культуры на Волге. Казань: Татполиграф, 1928.
17. Смирнов А.П. Волжские Булгары. М.:Изд-во ГИМ, 1951.
18. Егоров В.В. Архитектура города Булгара //МИА. № 61. 1958.
19. Воскресенский А.С., Смирнов А.П. Археологическое исследование соборной мечети "Четырехугольника" в Великих Болгарах //СА. 1966. № 1.
20. Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Болгарах //Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970.

21. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянской городище //Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976.
22. Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Булатов Н.М. Отчет о раскопках Селитренного городища Астраханской области в 1983 год //Архив ИА РАН, № 9275.
23. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках Селитренного городища Астраханской области в 1985 год //Архив ИА РАН, № 10760.
24. Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л. Отчет о раскопках Селитренного городища Астраханской области в 1986 году //Архив ИА РАН, № 11755.
25. Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат //МИА. 1963. № 114.
26. Семенов Л.П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
27. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М.: Наука, 1985.
28. Башкиров А.С. Художественные памятники Солхата //Крым. 1927. № 1.
29. Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве //Крым. 1926. № 2.
30. Бороздин И.Н. Солхат //Новый восток. 1926. № 13-14.
31. Бороздин И.Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму //Новый Восток. 1927. № 16-17.
32. Засыткин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар //Крым. 1927. № 2.
33. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры. М.-Л.: Наука, 1964.
34. Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб-Харч. Симферополь: Таврия, 1978.
35. Крамаровский М.Г. Исследования на городище Солхат. Отчет экспедиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа за 1978 г. //Архив ИА Украины, №№1978/86.
36. Крамаровский М.Г. Исследования на городище Солхат. Отчет экспедиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа за 1979 год //Архив ИА Украины, №№1979/8м.
37. Крамаровский М.Г. Исследования на городище Солхат. Отчет экспедиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа за 1980 год //Архив ИА Украины № 1980/69.
38. Крамаровский М.Г. Исследования на городище Солхат. Отчет экспедиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа за 1981 год //Архив ИА Украины, № 1981/84.
39. Крамаровский М.Г. Исследования на городище Солхат. Отчет экспедиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа за 1984 год //Архив ИА Украины, № 1984/185.
40. Крамаровский М.Г. Исследования на городище Солхат. Отчет экспедиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа за 1986 год //Архив ИА Украины № 1986/88.
41. Григорьев А.П. "Книга путешествий" Эвлии Челеби - источник по истории Крыма XII-XVII вв. //Историография и источниковедение истории стран Азии Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. Вып. III.
42. Довженюк В.И. Татарске місто на Нижньому Дніпрі часів Пізнього середньовіччя //Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: Изд. АН УССР, 1961. Т.10.
43. Бырня П.П. Каменное сооружение 1 в Старом Орхее //Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье Кишинев: Штиинца, 1985.
44. Воронина В.Л. Колонны соборной мечети в Хиве //Архитектурное наследство. 1985. № 11.

45. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М.: Наука, 1966.
46. Хан-Магомедов С.О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана //Архитектурное наследство. 1958. № 11.
47. Grube Ernst I. Islamiske uteni. Pracha, 1973.
48. Бородин И.Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X-XV вв. //Архитектурное наследство. 1974. № 22.
49. Арутюнян В.М., Сафарян С.А. Памятники армянского зодчества. М.: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1951.
50. Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети //Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
51. Айдаров С.С., Забирова Ф.М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети //Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.

ТОРГОВЛЯ НИЖНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Нам уже приходилось писать о торговле городов Золотой Орды (1, с. 213-220). Сейчас мы располагаем многочисленными новыми фактами, свидетельствующими о том, что золотоордынские города были важнейшими центрами международной торговли и местами оживленного внутреннего торгога. Мы снова обращаемся к этой теме, ограничиваясь главным образом торговлей золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Золотоордынской торговле покровительствовали ханы и аристократия, которые извлекали большие доходы из торговых оборотов. Были объединения торговцев, в которые могли входить и входили видные аристократы и члены дома Джучидов (2, с.153). Эти объединения могли организовать крупную караванную торговлю.

Возможно, одним из значений термина "ортакчи", упомянуемого в ярлыках ханов и хрониках без разъяснений было - купец, член такого объединения: известно, что ортакчи хана Берке занимались торговлей и коммерческими делами в Иране, владея в Тебризе большим имуществом. Купцы-ортакчи при Берке занимались торговыми сношениями между Ираном и Ордой (3, с.51,57,58,81,82). Вероятно, ортакчи обслуживали ханский двор и имели доступ к средствам ханской казны для своих весьма крупных торговых оборотов.

Купцам ханы выдавали в некоторых случаях специальные грамоты, знаки, дававшие им привилегии и безопасность. Купцы в ряде случаев ссужали ханов деньгами (4, с.169).

Ханы не только поощряли торговлю, но и обеспечивали почтовую связь и безопасность дорог. В XIII веке действовала общеимперская почта со станциями-ямами с охраной, снабжением продовольствием и сменными лошадьми. Флорентийский финансист Б.Пеголотти писал в XIV веке: "Путь из Таны в Китай по словам купцов, совершивших это путешествие, вполне безопасен и днем и ночью; только если купец по дороге туда и обратно умрет, то все его имущество передают государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками, но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он - брат умершего, то ему и будет отдано имуще-

ство умершего, и оно, таким образом, будет сохранено" (5, с.21-23).

Хорошо изучена причерноморская торговля Золотой Орды со странами Средиземноморья через такие портовые города, как Каффа, Солдая, Азак, Аккерман (Белгород-Днестровский) и другие. Известны тесные связи обоих Сараев и других городов Поволжья с Крымом, Азаком и через них с Причерноморьем и Средиземноморьем, в частности, вывоз через эти города рабов (6, с.11,35; 7, с.178 и сл.; 8, с.54-58; 9; 10, с.166-167; 11, с.126 и сл.; 12; 13; 14, с.39; 15). "Из них - кыпчаков

большая часть войска египетского, ибо от них (происходят) султаны и эмиры его (Египта), с тех пор как ал-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Эйюб... стал усердно покупать кыпчакских невольников", писал ал-Омари (4, с.232). Известно, например, что купец ал-Кербелаи накопил в 1338 году в Золотой Орде невольников и невольниц от их отцов и матерей, которые нуждались в средствах и были вынуждены продавать детей в рабство (4, с.235).

Причерноморские города были лишь внешними воротами золотоордынской работорговли. Внутри страны она широко велась повсюду. Есть факты о работорговле в Сарае (16, с.46). Через Причерноморские города из Золотой Орды вывозили кожу, меха, шелк и другие восточные товары (*merces subtilles*) - пряности, драгоценности, красители, дорогие ткани. Некоторые сорта вывозимого шелка назывались *organinum*, *carusmisna*, то есть ургенчскими или хорезмскими. Шелковые ткани шли из Средней Азии, Кавказа и с Дальнего Востока. Вывозили также рыбу, икру, зерно. Из Средней Азии и Ирана через причерноморские порты вывозили кроме шелка и пряностей, рис, драгоценные камни, парчу, шафран, лекарства, жемчуг, хлопчатую бумагу. Пеголотти сообщал о высоких качествах пшеницы, вывозимой из Каффы и Монкастра золотоордынского порта в устье Днепра (5, с.21-23,42). Восточные товары в Северное Причерноморье доставляли через города Нижнего Поволжья. Хорошо известны путешествия братьев Поло, Карпини, Рубрука в XIII в. Их путь лежал через Нижнее Поволжье. Из Азака в Поволжье, далее на Сарайчик вело два пути. Один - на Хаджи-Тархан через степи и далее по Волге и Ахтубе до Сарая с ответвлением на Маджар и Дербенд. Другой - по Дону до места наибольшего сближения с Волгой и далее по Ахтубе вниз на Новый Сарай и степью до Сарайчика. От Сарайчика открывалась дорога на Восток (11, с.117; 17, с.10-15). Есть сведения о

торговых и дипломатических путешествиях в XIV в. из причерноморских и приазовских городов в Сарай. Например, в 1338 г. начал свое путешествие посланник папы в Ханбалык Джованни Мариньолли. Он выехал из Авиньона в Каффу, затем в Тану, оттуда в Новый Сарай и далее в Ургенч (18, с.121-122). Сохранились сведения о путешествии в 1374 году купца из Генуи Лучино Ариго в Тану и далее по Дону вверх, затем сушей до Итиля (Волги) и по Волге до Каспийского моря (11, с.117; 19, с.172). В 1391-1392 годах торговое путешествие из Таны в Хаджи-Тархан совершил венецианский купец Пьетро Сторнелли (20, с.194,210).

По Пеголотти от Таны до Хаджи-Тархана было 25 дней пути на волах и 10-12 на лошадях (5, с.21). От Крыма до Поволжья было 20 дней пути (4, с.63).

Соперничество венецианцев и генуэзцев, сложная позиция Византии в вопросах Черноморской торговли, столкновения итальянцев с золотоордынскими властями в Причерноморских и Приазовских городах все это создавало напряженность в этом регионе, которая время от времени разряжалась дипломатическими переговорами между итальянскими городами и администрацией золотоордынских ханов. Известны договоры золотоордынских ханов с венецианцами в Тане и генуэзцами в Каффе.

Причерноморская торговля с Золотой Ордой и далее транзит и прямые пути на Дальний Восток для Европы были в XIII-XIV веках тем более важны, что старые более южные пути на Восток через Левант были потеряны после поражения крестоносцев в XII-нач. XIII веков, а в XIII-XIV веках эти пути не вернули своего бывшего значения из-за египетско-иранских конфликтов.

Торговля с Западом привлекала в золотоордынские города много иностранцев. В Маджаре Ибн-Баттута встретил еврея из Андалусии. Кроме того он сообщает, что в Маджарах были купцы из Багдада, "факиры из Византии", а также иранцы и турки (4, с.287,288). Еврейский и греческий кварталы были в Азове-Тане (11, с.121,122). Причерноморские и приазовские города были полны итальянцами, главным образом, генуэзцами и венецианцами. В Крыму было много выходцев из Малой Азии (21, с.150). Ибн-Баттута писал: "В нем (Сарае, имеется в виду первая столица) живут разные народы, так то монголы... некоторые из них мусульмане, асы, которые мусульмане; кыпчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый

народ живет на своем участке отдельно; там и базары их. Купцы и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, и Сирии и других мест живут в (особом) участке, где стены окружают имущество купцов" (4, с.306). В Сарае жил некий Маркус Делорса, торговец из Таны (15). Были иностранцы-торговцы и иностранцы-ремесленники. Египетские матера-строители работали в Крыму (4, с.435).

Около Старого Крыма сохранился армянский монастырь XIV века. Аланы и кыпчаки были частично христианизированы (4, с.279). В Маджаре видимо был христианский храм (22, с.58).

Гончар-армянин работал, возможно, в Сарае и оставил на стенах сосудов отпечаток своей печати, на котором было арабскими буквами написано его имя "Ананд сын Саркиса" (23; 24). Мы знаем о большой группе армян-купцов и торговцев в Сарае в конце XIII века, которые были затем переселены в Крым (24, с.102; 25, с.13). В 1319 году в Сарае была написана на армянском языке рукопись, заказанная архиепископом Погосом. Торговцами были и аланы, составлявшие как армяне некоторую примесь к населению золотоордынских городов (26, с.46; 4, с.55,63; 27, с.68).

Вслед за торговцами с Запада через Крым и Азов в золотоордынское Поволжье попадало и католическое духовенство. В 1318 году было создано католическое епископство в Каффе. В Сарае также было католическое епископство, где в 1362 году епископом был назначен трапезундский минорит Косьма.

Еще в XIII веке был учрежден Аквилонский викариат с двумя округами: Газария (Крым, Подунавье, Приднепровье) и Сарай (18, с.57-58).

Христианское население уживалось в городах с мусульманским, имело свои кладбища и церкви (28).

Установление дипломатических связей Золотой Орды с Египтом, несмотря на некоторое противодействие Византии стимулировало торговлю Золотой Орды со Средиземноморьем.

После разгрома волжских городов Золотой Орды Тимуром торговые пути на Восток изменились. Пряности и шелк в Средиземноморье стали доставлять южным путем через страны Среднего и Переднего Востока, о чем писал Барбаро: "...до того как он (Астрахань) был разрушен Тамерланом, все специи и шелк шли в Астрахань, а из Астрахани в Тану (теперь они идут в Сирию). Только из одной Венеции в Тану посылали шесть-семь больших галей, чтобы забрать эти специи

и шелка. И в те же времена ни венецианцы, ни представители других заморских наций не торговали в Сирии" (8, с.157).

На золотоордынских городищах Нижнего Поволжья находят вещи, свидетельствующие о торговле с Западом через Причерноморские и Приазовские города.

И.В.Волков выделил среди керамического материала Селитренного и Маджарского городищ фрагменты характерных причерноморских амфор, в том числе крымских, танских, трапезундских; они есть в Азове (29, с.29; 30, с.6). Селитренном городище были найдены фрагменты причерноморских амфор, в том числе с оттисками клейм греческими буквами (31, рис.15; 9; 32, рис.10; 2; 1, рис.53,5). Селитренном городище был найден фрагмент амфоры с оттиском европейского, может быть венецианского клейма, содержащего изображение льва и латинской круговой легенды (33, рис.7; 2, 8). Есть находки двуручных сосудов с плоским дном, привезенных из городов Средиземного или Черного морей (1, рис.47, 2; 34, рис.4, 5, 12, с.5). На золотоордынских городищах Поволжья находят фрагменты крымской поливной посуды (35, с.57-69; 36, рис.13,6). Заслуживает внимания стеклянная иконка византийской работы, найденная в Селитренном городище (14, с.53-54). Там же была найдена свинцовая вислая печать с крестом западноевропейского происхождения. В Маджаре была найдена латунная аптечная ступка западноевропейской работы (37, с.284-285). Белореченских курганах на Кубани есть венецианские стеклянные изделия (38, с.174; 39, с.177). Там же были найдены три больших серебряных блюда, происходящих: одно мастерских Дубровника, два видимо, из восточных итальянских колоний (40, рис.263,272,273; 41, рис.139-144). Есть находки западноевропейских вещей в Азове. Был найден, в частности, железный панцирь западноевропейской работы в жилище, датированном 1360-1370 годами (42), а также итальянские арбалетные стрелы и навершие западноевропейского меча (44, с.176, рис.3,5). Среди керамики из Азова есть привозная Дунайской Болгарии с монограммами (45, с.19).

Возможно из Египта был привезен мраморный подсвечник с арабскими надписями, найденный на Царевском городище при раскопках А.В.Терещенко (2, рис.32; 46, рис.108).

На золотоордынских городищах находят украшенные эмалью стекло, обломки полихромных египетских позолоченных стеклянных ламп (47, с.85; 48, таб.VII, 1-4). На Мечетном го

дище близ Волгограда был найден фрагмент передневносточного сосуда с изображениями барса и зайцев (49, с.160). Ближневосточное стекло-найдено в золотордынских памятниках Крыма и Северного Кавказа, в курганах у Белореченской, где проходил один из путей от Причерноморских портов к Нижнему Поволжью. Привозные сосуды имеют тонкое прозрачное бесцветное стекло. Они обычно расписаны эмалями с позолотой фольгой (1, рис.90,10). Была осуществлена попытка реконструкции некоторых форм этих сосудов на основании найденных фрагментов и аналогии им (50, с.53-54, таб.VIII).

Интересен фрагмент блюда из Селитренного городища с росписью золотом и разноцветными эмалями с внешней стороны блюда, так что рисунок смотрится через толщу стекла с внутренней стороны. От росписи сохранился круг с четырьмя журавлями среди побегов с листьями и плодами (50, рис.2). Все эти фрагменты привозного стекла имеют аналогии в стеклоделии средневековой Сирии и Египта XIII-XIV веков. Довольно много, привезенного с Переднего Востока темного почти черного непрозрачного стекла, украшенного вдавленными в размятое стекло белыми нитями непрозрачного стекла. Сосуды из такого стекла часто имеют рифление (1, рис.90,7,8). Есть сосуды с такой же белой инкрустацией по прозрачному темно-коричневому или темно-красному стеклу.

Возможно из стран Средиземноморья или Переднего Востока были привезены в золотоордынские города бронзовые литые рамки с муфточкой в центре и с головками драконов, а иногда с фигурками птичек на концах. Они служили своего рода подставками, но их точное назначение не ясно. Такая рамка была найдена в Увее, на Камаевском городище в Татарии, в Новгороде в слоях XII-XIII веков (14, рис.31; 51, рис.4,3).

Бронзовая рамка или ручка сосуда с шаровидным утолщением в центре была найдена на Водянском городище. Она имеет точную аналогию среди средневековых древностей Коринфа и, видимо, была привезена из Средиземноморья (52, № 901).

Вещи из Египта и других стран Средиземноморья могли поступать в Золотую Орду в качестве подарков. Известно, что египетские султаны-мамлюки и золотоордынские ханы поддерживали оживленные дипломатические сношения, обменивались посольствами и подарками. В источниках мы находим списки подарков египетских султанов ханам, изобилующие роскошными изделиями Востока и Италии, экзотическими жи-

вотными, рабами, драгоценностями и предметами религии (4, с.100,152,189,263,325,362,363,526; 6, с.21).

От Узбека к Египетскому султану посылались в качестве подарков драгоценное оружие, невольницы, соколы, шкуры белых зайцев и другие дары. Договоры между правителями Золотой Орды и Египта предоставляли торговые привилегии купцам обеих стран (6, с.18).

В Причерноморье и Приднестровье встречаются монеты трапезундской (53), византийской, итальянской, немецкой чеканки. Венецианский дукат XIV века был найден в Астраханской области.

В мавзолее на поселении у п.Комсомольский близ Астрахани при раскопках В.В.Плахова была найдена золотая монета египетского султана XIII века Бейбарса. Половинка монеты Бейрута XII века была найдена на Царевском городище (54, с.158). В западных районах Золотой Орды обращались вместе с джучидскими монетами пражские гроши и некоторые другие монеты центральноевропейской чеканки. В кургане у с.Старицы на Нижней Волге были найдены два мейсенских гроша маркграфа Фридриха III (1349-1381 гг.) (55, с.191).

С Востока на Запад через кыпчакскую степь к городам Поднестровья в Азак и Крым шли такие товары поволжских городов Золотой Орды, как кашинная и штампованная керамика, которую изредка находят в Белгороде Днестровском (56, с.93-95), в Старом Орхее (57; 58, с.72-80; 59, рис.3,7; 60, рис.3,6), Каффе (7, с.183), Азове (Азаке) (61, с.139). Кашинные золотоордынские чаши доходили до Балкан (например чаши, вмонтированные в стены храма в Фессалониках (62)).

Имели место торговые связи городов Поволжья со Средней Азией (63). Особенно они были оживленными с Хорезмом. В керамическом материале из нижневолжских городов известна серо- и черноглиняная керамика, привезенная из Хорезма. Имеются привезенные и Хорезма миски темно-серой, почти черной глины. Они имеют лощеный орнамент, а иногда полосы вертикальных вмятин на внешней поверхности. Из Хорезма были привезены и большие кувшины с круглыми в сечении массивными ручками, отличными от овальных или почти плоских в сечении ручек золотоордынских кувшинов. Ручки имеют некоторое сдавливание сверху и иногда в месте прикрепления к тулову - веерообразные нарезанные широкие линии. Ручки прикреплены наверху к венчику и подняты над его уровнем. Тулово имело горизонтальное рифление и обычно украшено

вертикальными и наклонными линиями, проведенными острым зубчатым штампом (1, рис.60,2). Сероглиняные хорезмские кувшины находят в Азове (64, с.5). Эти кувшины породили в золотоордынских городах Поволжья местные подражания. На Селитренном городище найден был красноглиняный сосуд с круглой в сечении ручкой, имевшей такое же украшение в основании.

Красноглиняная золотоордынская посуда, в частности, кувшины с овальными ручками из городов Поволжья, транспортировались в Хорезм и их обломки найдены в ряде городов Хорезма и в караван-сараях на усть-уртском торговом пути.

В золотоордынских городищах Поволжья находят вырезанные из мягкого талькохлорита каменные сосуды (65, рис.30,8; 1, рис.95,11,109,4,6). Эти изделия привозились, видимо, из Хорезма, где, как сообщают источники, велась разработка этого камня. Об этом свидетельствуют и геологические наблюдения (66, с.352; 4, с.242). Это обычно котлы с толстыми вертикальными стенками и горизонтальным дном. На стенках помещался орнамент в виде горизонтальных и вертикальных валиков, треугольных и трапециевидных выступов иногда с вертикальными каналами для продевания ремней или веревок для подвешивания. Встречаются миниатюрные сосудики из этой породы камня (67, с.131; 1, рис.109,5). Каменные котлы на запад доходили до Днестра (68, рис. 2,3)

Торговлей был занесен из Дешт-и-Кыпчака (половецкой степи) в район Самарканда найденный там колчан с богато орнаментированными накладками, которые часто встречаются в кочевнических погребениях Золотой Орды, но производились, видимо, в золотоордынских городах (69; 70). В Самарканде была найдена кашинная чаша с изображенной водоплавающей птицей, несомненно золотоордынского производства, вероятнее всего, привезенная из какого-либо города Нижнего Поволжья.

Путь в Хорезм из Сараев шел или морским путем по Каспийскому морю до Мангышлака и далее по Кара-Кумам, или через Сарайчик и Усть-Урт. На пути в Хорезм из Поволжья на реке Урал (Улу-Су) был построен мост из связанных между собой кораблей (4, с.307). Торговый путь через Усть-Урт был очень оживлен и благоустроен, о чем говорит линия караван-сараев по этому пути и письменные источники. Вытянувшаяся почти по прямой караванная дорога через Усть-Урт от Сарайчика до Хорезма была обстроена в XIV веке серией караван-сараев: Коксудук, Кунтам, Чурук, Болеули, Коббулак, Джи-

гельды, Учкудук - прямоугольными в плане постройками ра-
мерами от 29х24 до 39х33,5 м, сложенными из каменных плит
кирпича с округлыми башнями на двух или четырех углах,
квадратными или прямоугольными дворами внутри и жилы-
и хозяйственными помещениями вдоль стен. Караван-сар-
были двухэтажными. Рядом с некоторыми из них были крыты
водохранилища для хранения дождевой воды для караванов
карьеры для добычи строительного камня, а также могильни-
Находки в этих караван-сараях дают картину смещения п-
волжской и хорезмской керамики (71; 72; 73; 74).

Ехали на четырехколесных крытых телегах и арбах, з-
пряженных верблюдами (4, с.307-308). Заметим, что на други-
торговых маршрутах использовали быков и лошадей (26, с.8
90; 4, с.281).

Путь из Сарая в Хорезм через Усть-Урт занимал 40-
дней, из Сарая до Сарайчика - 10 дней (4, с.242,307,308). 1
Пеголотти путь из Сарая до Сарайчика длится 8 дней, а из С-
райчика в Хорезм занимал 20 дней на верблюдах (5, с.21). Пу-
из Хорезма в Крым длился примерно три месяца. Иб-
Арабшах писал, что "выезжали из Хорезма караваны на тел-
гах спокойно без страха, без опаски вплоть до Крыма" (4, с.461).

В золотоордынских городах Поволжья и в Азове наход-
фрагменты красноглиняных сосудов главным образом низки-
чаш и блюд часто с горизонтальным иногда с вертикальн-
венчиком, зеленые или с гравировкой и полихромной роспис-
под бесцветной или желтой прозрачной поливой, привезенны-
видимо, из Закавказья (35, рис.2,1; 75, таб. VI, 11; сравните 7
таб. XXXVIII, XL; 77, рис.38,58,60,61). На чашах иногда имею-
ся клейма (круг с сеткой). Есть на нижневолжских золотоо-
дынских городищах несколько образцов неполивной ярк-
расной лощеной керамики из Закавказья, известной, в час-
ности, в предмонгольских слоях Двина в Армении.

Из Хорезма дорога шла на Дальний Восток и через Сре-
нюю Азию в Иран и Индию. Торговля с Ираном шла и чер-
Кавказ, и через Каспий. Военные действия не препятсвовал
торговым сношениям с Ираном. О каких-то товарах из Дешт-1
Кыпчака в Иране сообщается, например, в переписке Раши-
ад-Дина (78, с.237). Купец Шамс-ад-Дин Мухаммед из Шираз-
в 1438 году ездил с товарами в Поволжье, перевез товары
Сарая в Герат, что доставило ему огромную прибыль (79).

Из раскопок А.В.Терещенко на Царевском городище прои-
ходит привозной люстровый, видимо, иранской работы сосу-

Фрагменты лютровых сосудов, находимые на золотордынских городищах Поволжья, все привозные, видимо, из Ирана, так как в самих этих городах лютровой керамики не делали. На Селитренном городище был найден большой фрагмент вазы с плотным серо-белым синеватым кремнеземистым тестом, очень близким к фарфору. На внешней стороне сосуда имеется рельефный рисунок с надглазурной росписью с позолотой. Рельеф образован сгущениями высококремнеземистой массы, нанесенной на опакую поливу. Цвет поливы голубоватый. На сосуде помещен китайский мотив - мостик через реку, водоросли и цветы на воде, надпись арабскими буквами. Этот сосуд определяется как изделие иранских мастеров, подражающих китайскому фарфору (80). Но не исключено, что это изделие китайское для иранского или среднеазиатского рынка, примеры таких вещей хорошо известны (81, с.103).

В XV веке в Иран из Золотой Орды вывозили верблюдов и лошадей (8, с.149). Нам известно о торговле лошадьми и Индией. Вывоз золотоордынских лошадей в Индию носил характер больших торговых предприятий. Отправляли караваны по 6 тысяч лошадей (4, с.286-287). Из раскопок А.В.Терещенко на Царевском городище происходит костяная пластина с ажурным орнаментом и изображением слона и обезьяны, вероятно, индийской работы. На Селитренном городище были найдены необработанные заготовки привозной слоновой кости (65, рис.29,12). На реке Осеред притоке Битюга, притоке Дона, у с.Гвазда была найдена бронзовая буддийская статуэтка с санскритской надписью, по которой можно установить, что она была сделана в Непале в 1306 году (82, с.197). Довольно много находят на золотоордынских городищах раковин каури. Они служили украшениями и может быть использовались в качестве мелкой разменной монеты. Они были привезены с берегов Индийского океана. Особенно ярко говорят о торговле Золотой Орды с Индией золотые индийские монеты, чеканенные султанами Дели. Эти монеты были найдены во многих городах Золотой Орды: в Болгарах, обеих Сараях, в Маджаре. Они содержались в симферопольском кладе драгоценностей, встречаются вместе с дирхемами вкладах золотоордынских монет (83; 84; 85; 86; 87).

В Ургенче был найден клад, содержащий серебряные и золотые хорезмийские монеты XIV века и около сотни больших золотых динаров. Основную массу золотых монет составляли индийские. Было в нем несколько золотых монет чеканенных в

Багдаде и Египте. Этот клад отражает всю сложность торговых путей, их переплетения и скрещения.

Из Сарайчика шел прямой степной путь в Китай через Отрар и Алмалык. Он был хорошо охраняем. Через каждый день пути на дороге из Отрара в Алмалык можно было встретить военный охраненный пост. Путь от Дербента через Сарай в Китай занимал 5 месяцев (4, с.236). Был и другой путь в Китай из Сарая через Хорезм. О нем уже говорилось. Может быть он был более предпочтителен. Пеголотти писал, что тот, кто захочет отправиться из Венеции и Генуи с товарами в Китай, тому следует везти с собой ткани и ехать в Ургенч и там продать их за серебро и ехать дальше в Китай (5, с.21). Был путь в Китай, который пролегал севернее. Ал-Омари писал, что за Богарами лежит страна Сибирь-Ибирь, Башкирид и Чульман (р.Чулым), затем "земли хатайские". Видимо, из Болгар шли в Сибирь, в район реки Чулым и далее к Каракоруму и в Китай. На запад, от Чульма ехали, видимо, через Волжскую Болгарию в землю русов и далее в страну франков к "Западному морю", видимо, к берегам Атлантики (4, с.225,236,238).

Так или иначе, в Китай золотоордынские купцы ездили и оттуда в их страну привозили китайские товары и приезжали китайские торговцы. Китайцы входили в состав администрации первых великих монгольских каанов и не могли не знать о делах западных земель монгольской империи.

Из Китая поступало много шелка. Привозные шелковые ткани зафиксированы письменными источниками (4, с.285, 292) и они были найдены во многих погребениях на кладбищах золотоордынских городов (88, с.370, 400). В одном из погребений близ мечети на Водянском городище была найдена шелковая ткань полотняного переплетения, может быть иранской работы (89, с.149). В одном из погребений в мавзолее, открытом на Селитренном городище в 1975 году была обнаружена шелковая ткань, то же - в мавзолее на Мечетном городище (90, с.25). В погребении на Царевском городище при раскопках А.В.Терещенко были найдены темно-синий шелк и желтая парча, вышитая золотыми нитками. Золотые нити от парчевой ткани были в богатом доме на усадьбе в восточном пригороде Царевского городища (54, рис.6,1; см.90, с.77) и в погребении одного из мавзолеев на Водянском городище (91, с.85-86).

В мавзолее Увека в 1913 году, в богатом женском погребении был обнаружен зеленый шелковый узорчатый халат с длинными узкими рукавами. Халат расширялся к низу, доходя

до колен. Он был украшен пуговицами и петлями из черного шелкового плетеного шнура. Пуговицы представляли собой узелки из такого же шнура. Поверх этого халата был другой - широкий, до пят, с широкими рукавами, с серебрянными ткаными узорами, отороченный тесьмой (92, с.118,129). В Увеке был найден также шелковый кафтан, скроенный и сшитый в талию (2, с.174,рис.18). Кафтан имел короткие полы, был без рукавов, застегивался до ворота, который был невысоким. Там же был найден футляр для зеркала из шелковой ткани (90, таб.19), шелковый кисет с кистями и кошелек (92, с.119,122). Привозились, несомненно китайские зеркала, но находят на городищах обычно местные подражания.

В Прикамье было найдено два китайских серебряных слитка (каждый обрезанный) XII-XIII веков, несомненно завезенных сюда торговлей в эпоху Золотой Орды. Встречаются несколько типов китайского фарфора. Это различные варианты так называемых "селадонов" - "лунцюань-яо" Их фарфоровидное тесто покрыто светло-зеленой полупрозрачной поливой, иногда с рельефом или гравировкой под поливой. Есть по определениям Б.П.Денике в материалах из Селитренного городища корейский селадон (35, с.56,57; 93; 94, с.1; 65, рис.24,7). Известна из Селитренного городища одна целая селадоновая чашечка с рефлеными стенками. Есть фарфор с синей кобальтовой росписью по белому фону под прозрачной поливой (93, с.2). Есть также фарфор с темно-коричневой росписью по фону цвета слоновой кости "Цичжоу-яо" (2, рис.43; 93, с.1-2; 1, рис.54,8). Есть единичные фрагменты фарфора типа "дин-яо" с тонкой белой глазурью с подглазурным рельефом черепка (93, с.1-2). Есть фарфор, покрытый черно-коричневой краской с гравировкой - так называемая посуда "хэнаньского типа", в том числе фрагменты бутылей с горизонтальным рифлением тулова. На Селитренном городище найдено изделие из фарфора в виде прямоугольной коробочки на низких ножках предмет употреблявшийся в Китае как подставка под голову во время сна (65, рис.23,6). Встречается фарфор с голубой поливой типа "Ю" или "Чун", а также сунский фарфор с черной и серой поливой типа "Чиен-яо" (93, с.2). По сравнению с местной поливной керамикой фрагменты фарфора составляют незначительную долю (около 1%). Китайский фарфор есть в Азове (64, с.5; 30, с.53; 95, с.53), в Маджарах (22, с.60; 96, с.116), он доходил до Белгорода Днестровского (56, с.95), встречается в Каффе (7, с.183). Видимо из Китая привозили изделия из нефрита.

Хотя и редко в золотоордынских городах встречаются китайские монеты. На Селитренном городище был найден небольшой клад китайских бронзовых монет XIII в.

В научной литературе много писалось о русских в Золотой Орде. Об этом сохранились сведения в письменных источниках и археологические свидетельства. Мы видели, что в золотоордынских городах Поволжья были католические священники. Но их роль была незначительной. Именно русские, именно православная церковь (в Сарае была православная русская епархия) не допустили католичество в золотоордынском Поволжье. Но оно было сильно в западных частях Золотой Орды, особенно в Крыму.

В культурном слое многих золотоордынских городищ находят русские вещи: нателные кресты, иконки, русскую посуду (97, рис.20; 98; 99; 100; 14; 46, рис.91-93, 107, с.176; 1, рис.112,2,3).

Костяная бляха с изображением крылатого фантастического существа с головой женщины и хвостом дракона, в точности повторяющая бляху XIV века, найденную в Новгороде, была обнаружена в Азове (101). Известно, что русские купцы посещали золотоордынское Поволжье. По Волге и Дону ходили русские суда (4, с.63). Есть находки русских вещей в золотоордынских городах. Но трудно сказать, какие из них доставлены торговлей, а какие были в быту русских, живших в золотоордынских городах, где ими и изготовлялись. Известны вещи, завезенные из Золотой Орды в русские города - находки богатой золотоордынской керамики в Новгороде, Москве, Владимире-Волынском, в Суздальско-Нижегородских городах, в Старой Рязани (102, с.327; 103, рис.4; 104; 105, с.158; 106; 107; 108, с.73). Во Владимире находят обломки хорезмских талькохлоритовых котлов (находка 1993 г., например). Через золотоордынские города Поволжья на Русь поступали изделия из сердолика, горного хрусталя, лазурита и другие, привозившиеся из Индии и стран Среднего Востока (109) через Русь в города Поволжья поступал янтарь. Известно о вывозе из Золотой Орды на Русь соли (26, с.90), которую морем вывозили и в Западную Европу. Золотоордынские купцы в составе больших торговых караванов совершали торговые экспедиции через Волжскую Болгарию на север (4, с.297), откуда везли главным образом, меха. До городов Волжской Болгарии торговля по Волге доносила серо-черную хорезмскую керамику. Некоторое количество изделий золотоордынской торевтики найдено в Прика

мье, Приуралье (110) и в Приобье. Сюда их занесли старые пути торговли, проложенные еще в 1 тыс. до н.э. (110; 111).

Натуральность хозяйства кочевников-степняков не была полной. Видимо, они покупали некоторые изделия в городах. Например, степь вывозилось из городов вино (26, с.95). В погребениях кочевников XIV века встречаются привозные шелковые и парчевые ткани, поступавшие туда костяные украшения от колчанов, возможно производившиеся в городах, некоторые виды зеркал также продукты городского ремесла, богатые сканные украшения и т.п. Иногда, но редко в этих погребениях встречаются кашинные и красноглиняные сосуды из городов. Кашинные сосуды транспортировали в деревянных футлярах (38, с.174). Встречаются в погребениях также и золотоордынские монеты.

И.В.Волков попытался выделить характерные особенности керамики каждого золотоордынского города. Это открывает перспективы исследования межгородских внутренних торговых обменов в Золотой Орде. Выделенная этим исследователем неполивная маджарская керамика встречается в нижневолжских городах. В Маджарах, кроме местной с красным ангобом и лощением, а также пористой желтой и оранжевой керамики, отмечена нижневолжская, крымская (29).

Следует отметить, что денежные и торговые отношения затронули западную часть Дешт-и-Кыпчака значительно более сильно, чем восточную (казахстанские и западно-сибирские степи).

При кочевых ставках ханов и аристократии имелись базары (26, с.121). Иногда они получали название Орда-Базар.

В степи не было того интенсивного товарообмена, мелкого розничного каждодневного торга, который имел место в золотоордынских городах. Этот торг был характерным явлением золотоордынской цивилизации. Огромное количество монет, главным образом медных; находят в культурном слое золотоордынских городищ. Достаточно сказать, что во время раскопок А.В.Терещенко на Царевском городище в 1843-1849 годах было найдено 25766 монет (88, с.410).

Деньги носили в матерчатых кошельках, шелковых или кожаных (89, таб. VI, 1; 92, с.122). Хранили золотые и серебряные монеты чаще всего в земле. Это привело к большому количеству кладов золотоордынских монет, зарытых в сосудах или обернутых в материю и кожу. Клады встречаются как на городищах, так и в местах, далеких от городов. Часть этих кладов

была зарыта купцами в момент опасности и сельскими жителями в период тревожных политических обстоятельств. Встречаются очень большие клады - до 30 тысяч монет. Кроме серебряных и медных монет в денежном обращении Золотой Орды ходили палочковидные серебряные слитки - сумы, так называемые ладьевидные. Они были короче, чем русские. Клады таких слитков были найдены на Царевском городище и в Старом Крыму (88, с.387). О суме писал Вассаф, приравнивая его к 20 ходячим динарам (неизвестно каким) и сообщая, что у сума "каждые две стороны приподняты" (существенное уточнение текста этого сообщения было сделано А.А.Ивановым 112, с.70, 71; 3, с.88). Это сообщение Вассафа соответствует внешнему виду золотоордынских слитков. Перерасчет на итальянские весовые единицы, приведенные у Пеголотти дает нормативный вес - сума (соммо) в Тане около 204-207 грамм.

Серебряные слитки в качестве платежного средства вообще были в ходу в монгольской империи, в том числе и в Золотой Орде в XIII веке. Их упоминает Рубрук под названием "яскот". Вероятно, это искаженное тюркское "ястуг". Сами монголы называли слитки драгоценного металла, имевшие хождение как платежное средство - "сухэ" (топор). Есть другое название - персидское, употребляемое также Рубруком для этих серебряных и золотых слитков - "балиш" (26, с.132,151,234). Сум - тюркское название слитков в Улусе Джучи.

В Золотой Орде в ходу было несколько весовых систем, им соответствовали разного рода гири. При раскопках на Царевском городище А.В.Терещенко был обнаружен набор разновесов. Они состояли из фунта, четверти, восьмой и двенадцатой доли. Вес фунтовой гири, то есть ратля, составлял 468 грамм. Были найдены на Царевском городище и в Увече медные четых и восьмиугольные гири в 455,7 и 46,3 грамма. Это ратль и 1/10 ратля. Ратль очевидно составлял 100 весовых мискалей в 4,68 грамм (113, с.32-33). Это вес, распространенный на мусульманском Востоке, соответствует сарайскому и новосарайскому дирхему, который весил очевидно около 1,56 грамм, что составляет 2 даника по 0,78 грамм. Даник же в свою очередь приравнивался к 1/6 мискаля в 4,68 грамм. Были и другие весовые единицы и системы.

Золотоордынские гири обычно не имели обозначения кратности, и потому их теоретический вес трудно восстанавливается. Но все же большинство гирь может быть увязано фракциями ратля, равного 100 мискалям или 144 весовым дир

хемам. По внешнему виду это чаще всего бронзовые шести- или восьмигранные невысокие призмы, а также правильные многогранники (114, таб.V, 25), цилиндрики или розетковидные толстые пластины. Есть бронзовые гири с петлей, аналогичные дальневосточным. Сходные гири встречаются в Средней Азии (48, таб.1,14; сравни 115, рис.45,21; 116, рис.142,1-3).

На Селитренном городище была найдена мраморная гиря в виде восьмигранной призмы с округлым верхом, весом 1850 грамм (может быть 4 ратля). На Царевском городище при раскопках А.В.Терещенко была найдена большая бронзовая гиря с изображением льва.

Для взвешивания использовали весы с круглыми бронзовыми чашечками, имевшими по три петли с кольцами. На Царевском городище кроме этих чашечек было найдено коромысло от весов и стрелка с рамкой, к которой коромысло крепилось. На Селитренном городище была найдена рамка от весов (1, рис.101,17). Для взвешивания мелких тяжестей, может быть, монет, служили костяные весы - безмены в виде "щипчиков". Такие предметы известны в слоях XIV века русских городов, в средневековых памятниках Болгарии (один экземпляр есть в музее Стара-Загора), в Сирии, например, при раскопках Хамы найдены аналогичные предметы (44, с.177,рис.8).

О ценах на товары почти ничего не известно. Лошадей в 1330-х годах в Сарайчуке по свидетельству Ибн-Батутты можно было купить за 4 динара (примерно 37 г серебра) за голову, что было очень дешево (4, с.308) и Ибн-Батутта в другом месте сообщает о цене коня в 50-60 дирхемов (то есть около 10 динаров), это примерно 93 г серебра, что как он замечает, было тоже дешево (4, с.286). В середине XIV века 100 ратлей (примерно 46 кг) - ноша пшеницы в Сарае и Хорезме стоили 2,5 динара (примерно 28 г серебра), столько же ноша чечевицы. Ноша ячменя 2 динара (примерно 18,7 г серебра), 3 ратля (1,4 кг) баранины стоили 1 дирхем (примерно 1,56 г серебра) (4, с.242). Бочка "латинского вина" в Азаке в середине XIV века стоила 1,5 сума (около 300 г серебра).

По словам Йезди и Самарканди после разгрома войсками Тимура Хаджи-Тархана в суровую зиму 1396-1397 гг. цены подскочили, и 1 ман (3 кг) зерна стали стоить 70 динаров кепеки (0,59 кг серебра, то есть примерно в 300 раз дороже, чем при Ибн-Батутте), баран стал стоить 100 динаров кепеки (0,84 кг серебра), а корова 200 динаров кепеки (1,68 кг серебра) (117, с.203; 3, с.185).

Стоимость рабов сильно колебалась. Например, в конце XIII века в Каффе рабыня стоила 200-600 аспров (примерно 0,2-0,6 кг серебра). За беглого раба давали 3,5 сума (примерно 0,7 кг серебра). Мальчиков продавали в среднем за 4,4-5,5 сумов (около 0,9 кг серебра). Сорокалетняя женщина рабыня стоила 140 аспр (около 0,14 кг серебра) (смотри также: 11, с.126-127). В 1362 году имело место резкое понижение цен на рабов из-за обилия предложений (10, с.166; 14, с.39; 15). Цена составления юридического договора в Сарае в 1350-х годах равнялась 1 ярмаку и 1 хаббе, то есть, видимо, 1 дирхему и 1 пулу (примерно 1,6 кг серебра), что зафиксировано в "Нахдж ал-Фарадиз" (118, с.235). Стоимость дома консула в Тане в 1358 году составляла 80 сумов (примерно 16 кг серебра).

Итак, не будет преувеличением сказать, что Золотая Орда была великой торговой державой средневековой эпохи. И торговля велась главным образом в городах и через города. При всех тяжелых последствиях монгольского нашествия и образования монгольских государств в том числе и Золотой Орды, несомненно огромное значение этих событий в установлении контактов Востока и Запада. Первые трансконтинентальные путешествия связали Средиземноморье с Центральной Азией и Китаем. Золотая Орда пролегла между миром европейских государств Запада, славянским миром Средней Азии и дальневосточными странами. Связующим оказался тюркско-монгольский этнос. Диалог Запада и Востока получил в XIII-XIV веках новый мощный импульс. В этом диалоге золотоордынские города сказали свое веское слово. Парадокс истории заключался в том, что эту всемирно историческую роль Золотая Орда сыграла благодаря мощной деспотической власти, завоевавшей и подавлявшей народы.

Упадок сильной центральной власти ханов и вслед за этим упадок городов и, в первую очередь, их торговли, был связан тем, что основные трассы Великого шелкового пути перенесены были на юг и вновь прошли по старым маршрутам через Среднюю Азию, Иран и Левант. Это было обеспечено созданием мощной империи Тимура и Тимуридов.

1. Fedorov-Davidov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984.
2. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
3. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. 2.
4. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
5. Pegolotti F.B. La Pratica della Mercatura. Cambridge-Massachusetts, 1936.
6. Амин ал-Хали. Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв. М., 1960.
7. Бадаян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIII-XIV веках // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
8. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
9. Еманов А.Г. Развитие торговых связей Каффы в XIII-XIV веках // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов на Дону, 1989.
10. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв. Проблемы торговли. М., 1990.
11. Ковалевский М.М. К ранней истории Азова // Тр. XII Археологического съезда. М., 1905. Т. 2.
12. Лучицкий И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV-XV веках. Киев, 1886.
13. Лучицкий И. Русские рабы и рабство в Русильоне в XIV-XV вв. // Известия университета св. Владимира за 1886 г. Киев, 1886.
14. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой орде. М., 1978.
15. Verlander Ch. La colonie de la Tana, centre de la traite des esclaves au XIV e et au debut du XV e siecle // Studi in onore di G. Luzzatto. V.II, Milano, 1950.
16. Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
17. Тихомиров М.Н. Путь из России в Византию в XIV-XV вв. // Византийские очерки. М., 1961.
18. Свет Я.М. После Марко Поло. М., 1968.
19. Старокадолская М.К. Солхат и Каффа в XIII-XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
20. Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV века // Причерноморье в средние века. М., 1991.
21. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
22. Волкова Н.Г. Маджары (из истории городов Северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Т. 5. М., 1972.
23. Зайковский Б.В. Штемпель на золотоордынском ссуде, хранящемся в Историческом музее Саратовской Ученой Комиссии. Саратов, 1910. № 26.
24. Крамаровский М.Г. Гончар-армянин из Сарая ал-Джедид // Тр. Государственного Эрмитажа. XIX. Л., 1978.
25. Микаелян В.А. На Крымской земле. История армянских поселений в Крыму. Ереван, 1974.
26. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
27. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев, русских в начале XIII в. // Византийский временник. 1928. Т. 25.
28. Милорадович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат. Средневековые памятники Северной Осетии // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 114. М., 1963.

29. Волков И.В. Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара //Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990) Грозный, 1991.
30. Бойко А.А. Новые находки керамических импортов из раскопок средневекового Азака по материалам 1989-1990 гг. //Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990). Грозный, 1991.
31. Волков И.В. Импортная аморфная тара золотоордынского города Азака //Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
32. Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике. //Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980.
33. Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор //Донские древности. Вып.1. Азов, 1992.
34. Волков И.В. Импорт из Святой Земли? (амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и города древней Руси) //Проблемы истории: Тез. док. и сообщений науч. конф. (Ростов-на-Дону, 1994). Ростов-на-Дону, 1994.
35. Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах //Вестн. Москов. ун-та. История, 1969. № 2.
36. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 //Советская археология. 1964. № 1.
37. Минаева Т.М. Новые находки на городище Маджара. //Советская археология. 1968. № 1.
38. Левашева В.П. Белореченские курганы //Археологический сборник: Тр. Государственного Исторического музея. Вып. XXII. М., 1953.
39. Путеводитель по залам отдела Востока. Л., 1939.
40. Смирнов Я.А. Восточное серебро. СПб., 1909.
41. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
42. Горелик М.В., Фомичев Н.М. Рыцарские доспехи XIV века из Азова //Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
43. Волков И.В. Атрибуция нескольких золотоордынских вещей из Азова //Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Азов, 1988.
44. Волков И.В. Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака //Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
45. Ларенок В.А. Некоторые типы поливной керамики Азака //Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Азов, 1988.
46. Fedorov-Davidov G.A. Die Goldene Horde und ihre Vorgänger. Leipzig 1972.
47. Бусятская Н.Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока и территории Восточной Европы (X-XIV вв.) //Вестн. Москов. ун-та. История. 1972. №2.
48. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. //Поволжье средние века. М., 1970.
49. Зайковский Б.В. Исторический очерк древнего городища на правом берегу Волги в 17 верстах выше Царицына //Тр. Саратовской ученой архивной комиссии. № 32. Саратов, 1915
50. Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII-XIV вв.) //Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
51. Фахрутдинов Р.Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-1971 годов) //Советская археология. 1984. № 4.
52. Corinth. V. XII. The Minor Objects, 1952.

53. Молчанов А.А., Фомичев Н.М. Находки монет Трапезундской империи в Азове //Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1988 году. Азов, 1989.
54. Мутамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы Новом Сарая //Советская археология. 1970. № 3.
55. Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции. СПб, 1993.
56. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.). Киев, 1986.
57. Абызова Е.Н. Кашинный сосуд из Старого Орхеля //Советская археология. 1981. № 2.
58. Абызова Е.Н. Жилые постройки поселения XIV в. у с.Костешты Кутузовского района //Средневековые памятники Днестровско-Прутского Междуречья. Кишинев, 1988.
59. Бырня П.П. Ювелирная мастерская XIV в. из Старого Орхеля //Археологические исследования в Молдавии (1973г.). Кишинев, 1974.
60. Бырня П.П., Щербакова Т.А. Краткие итоги археологических исследований в Старом Орхеле в 1971 г. //Археологические исследования в Молдавии 1970-1971 гг. Кишинев, 1973.
61. Переводчиков В.И. Кашинные чаши из фондов Азовского краеведческого музея //Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Азов, 1991.
62. Buenger J. Morphologica analysis of medieval fine pottery: Provenance and trade patterns in the mediterranean World //Archaeological Approaches to Medieval Europa. Kalamazoo. Mich. Western Michigan University. 1981.
63. Чиперис А.И. К вопросу о торговых связях Средней Азии с Крымом и с Восточной Европой в XIII-XIV вв. //Уч. зап. Туркменского ун-та. Т. 31. Ашхабад, 1964.
64. Бойко А.Л. Спасательные раскопки в Азове в 1989 г. //Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990.
65. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища //Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
66. Пругер Е.Б. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане //Советская археология. 1975. № 2.
67. Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджар //Советская археология. 1971. № 1.
68. Рябой Т.Ф. К вопросу о "больших" домах из Старого Орхеля //Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1988.
69. Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей //Города Поволжья в средние века. М., 1974.
70. Полякова Г.Ф. Заготовка обкладки колчана из Болгар //Советская археология. 1992. № 1.
71. Бижанов Е. Юго-Восточный Устьурт: некоторые итоги и перспективы археологического изучения //Вестн. Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Нукус, 1970. № 3.
72. Бижанов Е., Лохвиц В. Устьуртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье //Вестн. Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Нукус, 1969. № 2.
73. Мамылов Ю.П. Итоги изучения караван-сарая Центрального Устьурта XIV в. (в пределах Каракалпакской АССР) //Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

74. Маньков Ю.П., Юсупов Н.Ю. Караван-сарай Центрального Устьюрта пределах Каракалпакской АССР // Советская археология. 1982. № 1.
75. Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
76. Мицинишвили М.Н. Поливная керамика Древней Грузии IX-XIII вв. (грузинском языке). Тбилиси, 1969.
77. Наджафова Н. Художественная керамика Азербайджана XII-XV Ваву, 1964.
78. Рашид ад-Дин. Переписка. М., 1971.
79. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 19 Т.2.
80. Булатов Н.М. Иранская ваза с Селитренного городища // Советская археология. 1979. № 2.
81. Пугаченкова Г.А. Самаркандская керамика XV века // Среднеазиатского Государственного университета. Новая серия. Ташкент, 19 Вып. XI
82. Зверев С. Материалы по археологии Дона // Памятная книжка Воронежской губернии на 1884 г. Воронеж, 1894.
83. Быков А.А. Находки средневековых индийских монет в Восточной Европе // Эпиграфика Востока. XIX. Л., 1969.
84. Ртвеладзе Э.В. Два динара делийских султанов с городища Мадж // Советская археология. 1972. № 1.
85. Симферопольский клад. М., 1980.
86. Фасмер Р.Р. О двух редких золотых монетах делийских султанов // Итоги археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 19 Т. XXXIII, ч. 4.
87. Федоров-Давыдов Г.А. Две заметки по золотоордынской нумизматике // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
88. Терещенко А.В. Археологические поиски в развалинах Сарая // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. Т. II. СПб., 1850.
89. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
90. Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи. М.-Петроград, 1923.
91. Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища // Советская археология. 1980. № 1.
92. Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году // Тр. Саратовской учено-архивной комиссии. № 32. Саратов, 1915.
93. Денике Б. Китайская керамика среди золотоордынских находок. собрания Центрального музея Татарской ССР // Материалы Центрального музея Татарской ССР. Казань, 1929. № 2.
94. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 г. // Вестник Академии наук СССР. 1985. № 4.
95. Булатов Н.М. Археологические исследования культурного слоя г. Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Азов, 1988.
96. Дудко О.А. Поливная золотоордынская керамика по материалам городища Маджар // Сб. докл. на VI и VII Всесоюз. конф. М., 1963.
97. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. Л., 1937.
98. Кузнецов В.А. Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе // Древние славяне и их соседи. М., 1970.
99. Полубояринова М.Д. Русские вещи на территории Золотой Орды // Советская археология. 1972. № 3.
100. Полубояринова А.Д. Иконка с Селитренного городища // Советская археология. 1973. № 2.

101. Чалый В.В., Фомичев Н.М. Древнерусская костяная бляшка из Азова // Советская археология. 1985. № 3.
102. Археологические открытия за 1976 год. М., 1977.
103. Латышева Г.П. Торговые связи Москвы в XII-XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1954-1960 гг. в Московском Кремле) // Древности Московского Кремля. М., 1971.
104. Монгайт А.Л. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XIX. М., 1948.
105. Монгайт А.Л. Старая Рязань. М., 1955.
106. Панова М.Д. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. 1986. № 1.
107. Медведев А.Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 117. М., 1963.
108. Самойлович Н.Г. Привозная керамика древнего Ростова // Сообщения Ростовского Музея. II. Ростов, 1991.
109. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Волгара и Золотой Орды. М., 1991.
110. Генинг В.Ф., Крамаровский М.Г. Ивдельская находка. Л., 1973.
111. Крамаровский М.Г., Федорова Н.В. Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Л., 1991.
112. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские суммы // Сообщения Государственного Эмитажа. XLV. Л., 1980.
113. Янина С.А. Золотые анонимные монеты Хорезма 60-70-х гг. XIV века в собрании Государственного Исторического музея // Нумизматический сб. IV. М., 1972.
114. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
115. Атаггарьев Е. Средневековый Дехистан. Л., 1986.
116. Древнемонгольские города. М., 1965.
117. Сейфеддини М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII-XV вв. Кн. II. XIV-XV вв. Баку, 1981.
118. Борынгы татар эдебияты. Казань, 1963.
119. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. Нумизматика и эпиграфика, V. М., 1965.

**ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА И МОГИЛЬНИКА
ПЕСЧАНЫЙ ОСТРОВ (АЛЕКСЕЕВСКОГО У ДАМБЫ)
В ТАТАРИИ. В 1993-1994-м гг.**

Памятники расположены на песчаном останце левого берега р.Курналинки, левого притока р.Камы, в Алексеевском районе Татарстана. Открыты они были в 1992 году (1, с.118), тогда же двумя раскопами была исследована площадь около 600 м². Работы продолжались в 1993-1994 годах Новостроечной экспедицией Министерства культуры Татарстана*. Была вскрыта, практически вся доступная для исследования площадь останца (рис.1). Всего за 1992-1994 гг она составила 2115 м². Раскопки 1992 года показали, что культурные отложения здесь относятся к эпохе бронзы и средневековью, причем последние датируются раннезолотоордынским (елище) и позднезолотоордынским (могильник) временем (2, с.121-139). Предполагается, что часть кремневого материала относится к усть-камской мезолитической культуре (3, с.8-11).

Судя по раскопам III-VII наиболее насыщенной сооружениями и находками была прибрежная часть (рис.2; 3) останца. Стратиграфическая ситуация на этих раскопах несколько различается, хотя везде прослеживается общее деление культурных отложений на два горизонта (2, с.121). Первый горизонт темно-серая супесь, более гумированная в верхних пластах, имеет мощность 20-45 см, причем верхний (поздний) стратиграфический слой этого горизонта из-за распахки сохранился лишь частично (рис.4/2,4,6,7), например, в западинах ям (рис.4/5). Почти на всех раскопах 1993-1994 гг. первый горизонт перекрыт слоем балласта в виде кирпичной крошки от со-

* Благодарю Е.П.Казакова за консультации при работе с материалом, Н.А. и Д.Г.Бугровых за помощь в экспедиции и обработку коллекции находок; а также своих коллег и товарищей принимавших участие в раскопках: Т.Е. и А.А.Чежевских, Ж.Р.Алфееву, Н.М.Капленко, В.В.Хабарова, Р.Р.Шайхутдинова, К.Н.Мионову и многих других. Особо хочу поблагодарить Истомина К.Э. начальника НАЭ, администрацию Алексеевского района, руководство ПО "Татавтодор", треста Татгидромеханизация, а также экипаж катера "Гидролог" и вахтовые бригады земснарядов за помощь и содействие в работе экспедиции 1992-1994 гг.

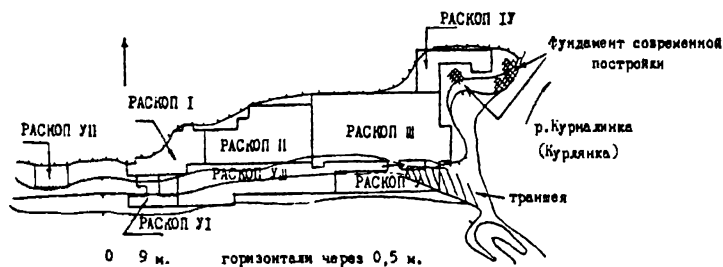
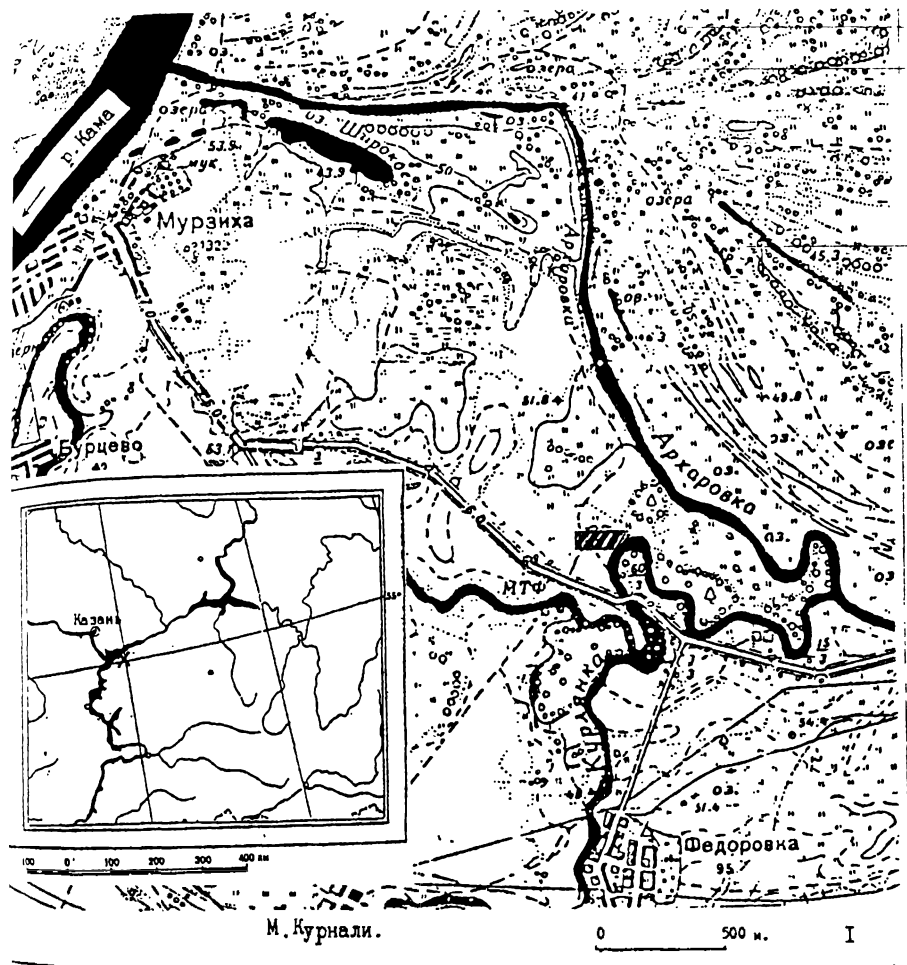

Рис.1. Селище и могильник Песчаный остров. 1 - общее расположение и топографический план местности (в настоящее время вся территория затоплена водохранилищем; заштрихованный участок-островок, где находится поселение), 2 - схема раскопов 1992-1994 годов на острове Песчаный.

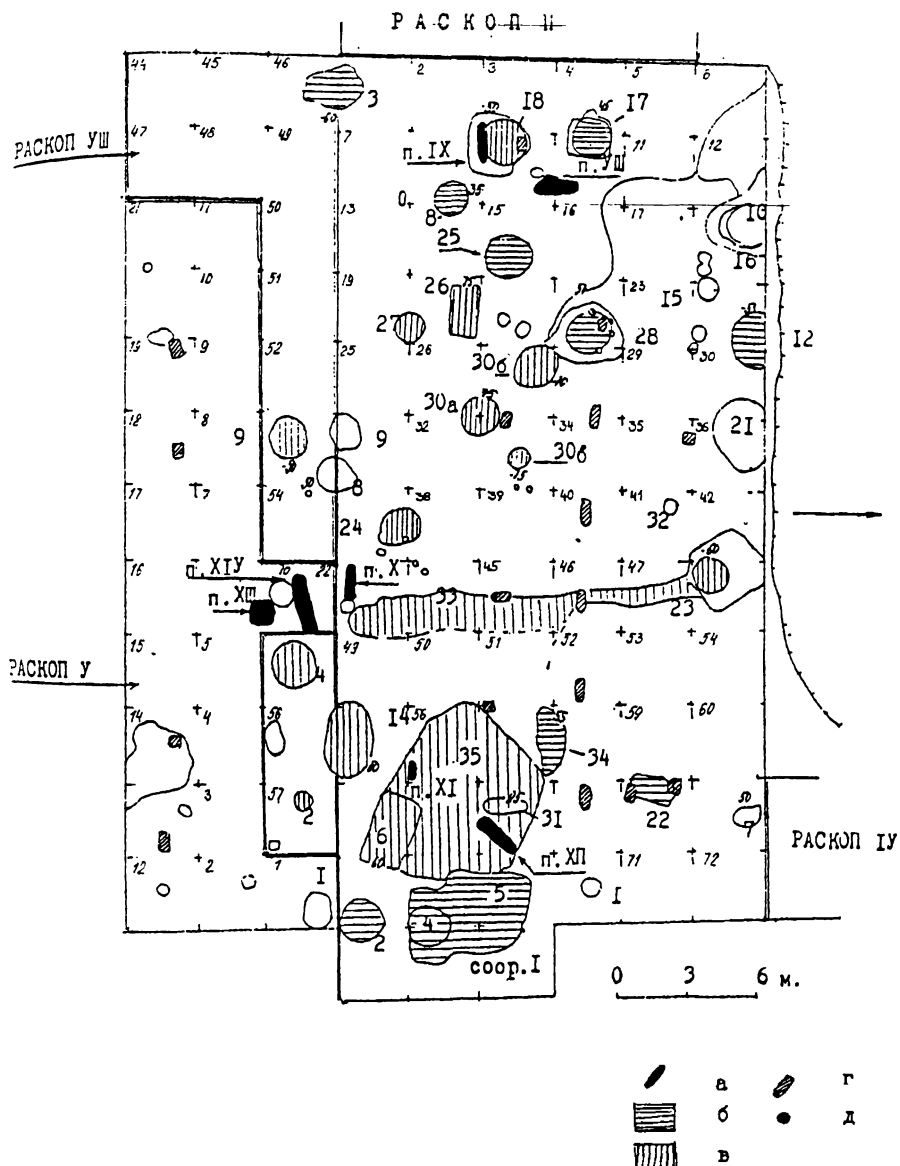

Рис.3. Общий план раскопов III, VII, VIII а - погребения, б - средневековые сооружения, в - сооружения эпохи бронзы, г - современные столбовые ямы, д - ямы от ограды усадьбы средневекового времени.

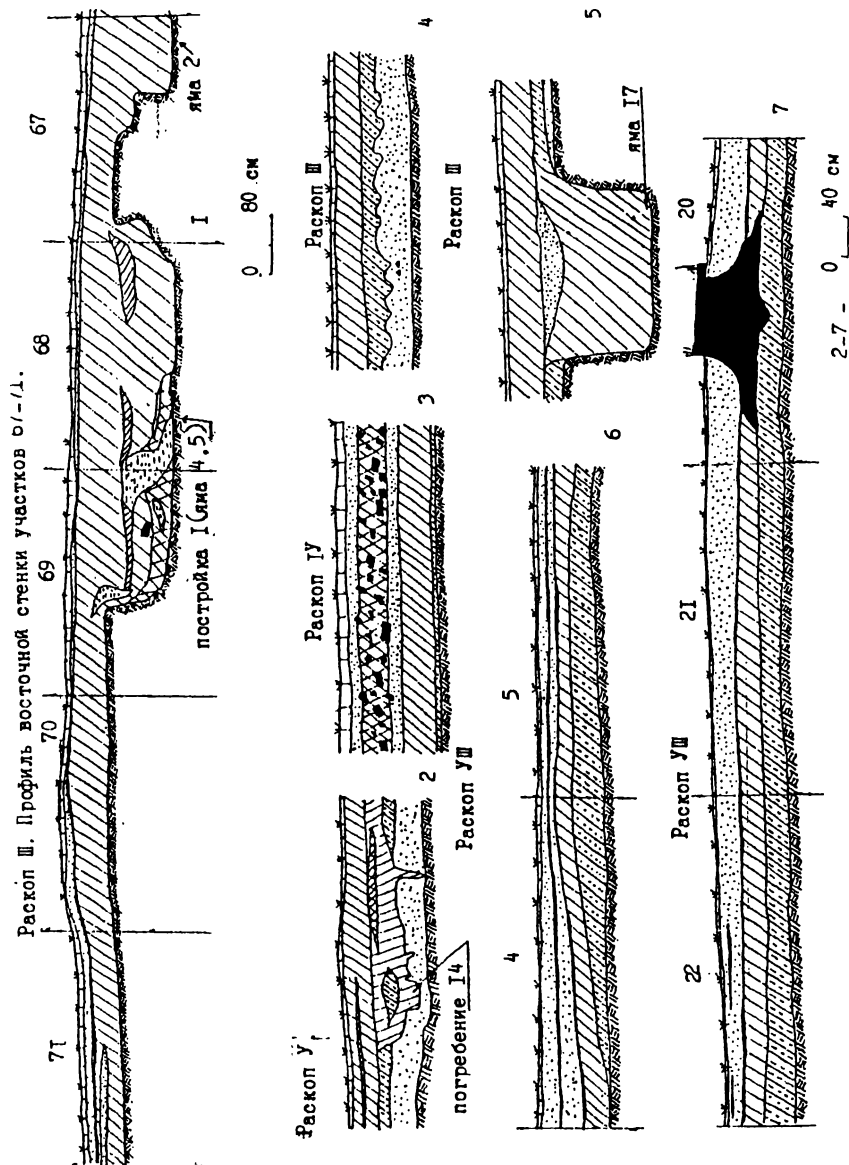
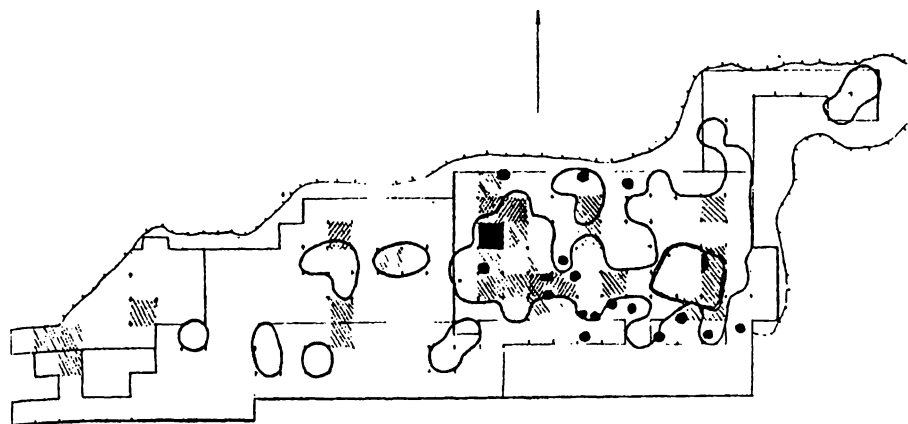
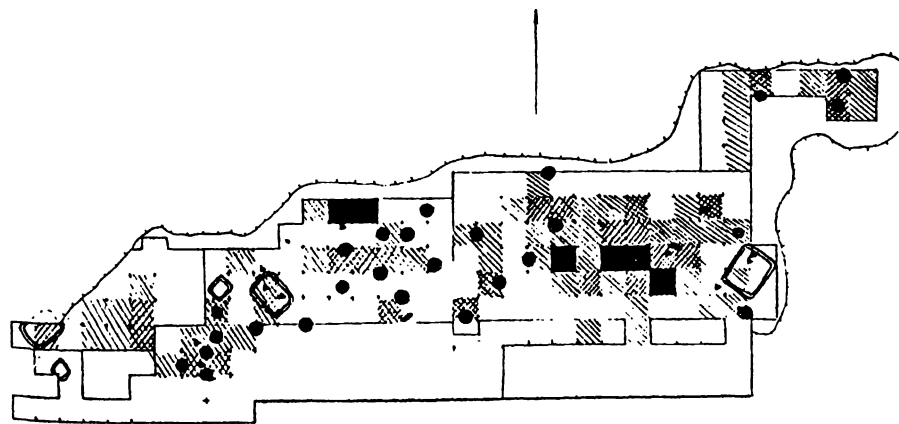

Рис.4. Профиль: 1 - восточной стенки уч. 67-71 раскопа III; 2 - восточной ст. уч. 22, раскопка V; 3 - восточной стенки уч. 14, раскопка IV; 4 - восточной ст. уч. 11, раскопка III; 5 - восточной стенки уч. 4, раскопка III; 6 - западной ст. уч. 4, 5 раскопка VIII; 7 - восточной стенки уч. 20-22, раскопка VIII.
а - темно-серая гумираванная суперсмесь, б - углистая прослойка, в - бурокоричневая, сероватая супесь, г - материк, д - серо-желтая супесь (песок), е - пестроцвет, ж - дерн, з - глина.
Количество

I

2

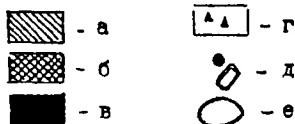
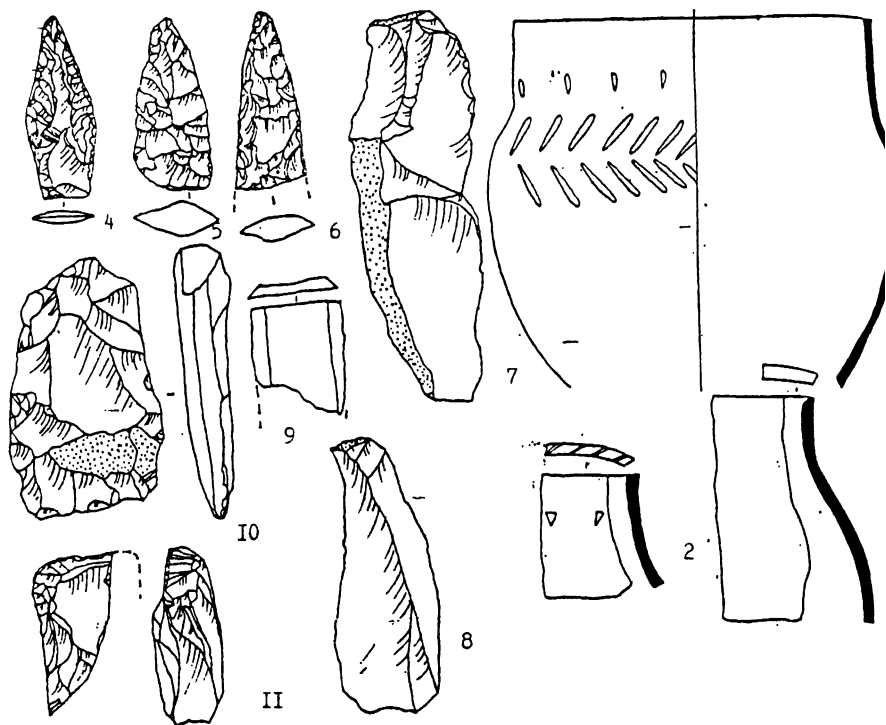

Рис.5. 1 - сосредоточение кремневых находок на раскопках I-VI, VIII; 2 - сосредоточение керамики эпохи средневековья на раскопках I-VI, VIII. Количество находок на участок: а - не более 10 штук, б - 10-20 штук, в - более 20 штук (незаштрихованные места обозначают участки, где было найдено меньше 5 экземпляров), г - находки средневековой керамики с шамотом (группа Б), д - сооружения эпохи бронзы (позиция 1) и средневековья (позиция 2 - обозначены двойным контуром), е - распространение керамики эпохи бронзы (позиция 1).

I-3 - 0 2cm

4-II - 0 1cm

I2, I3 0 1cm.

Рис.6. Находки эпохи бронзы. 1-3 керамика, остальное кремнь.

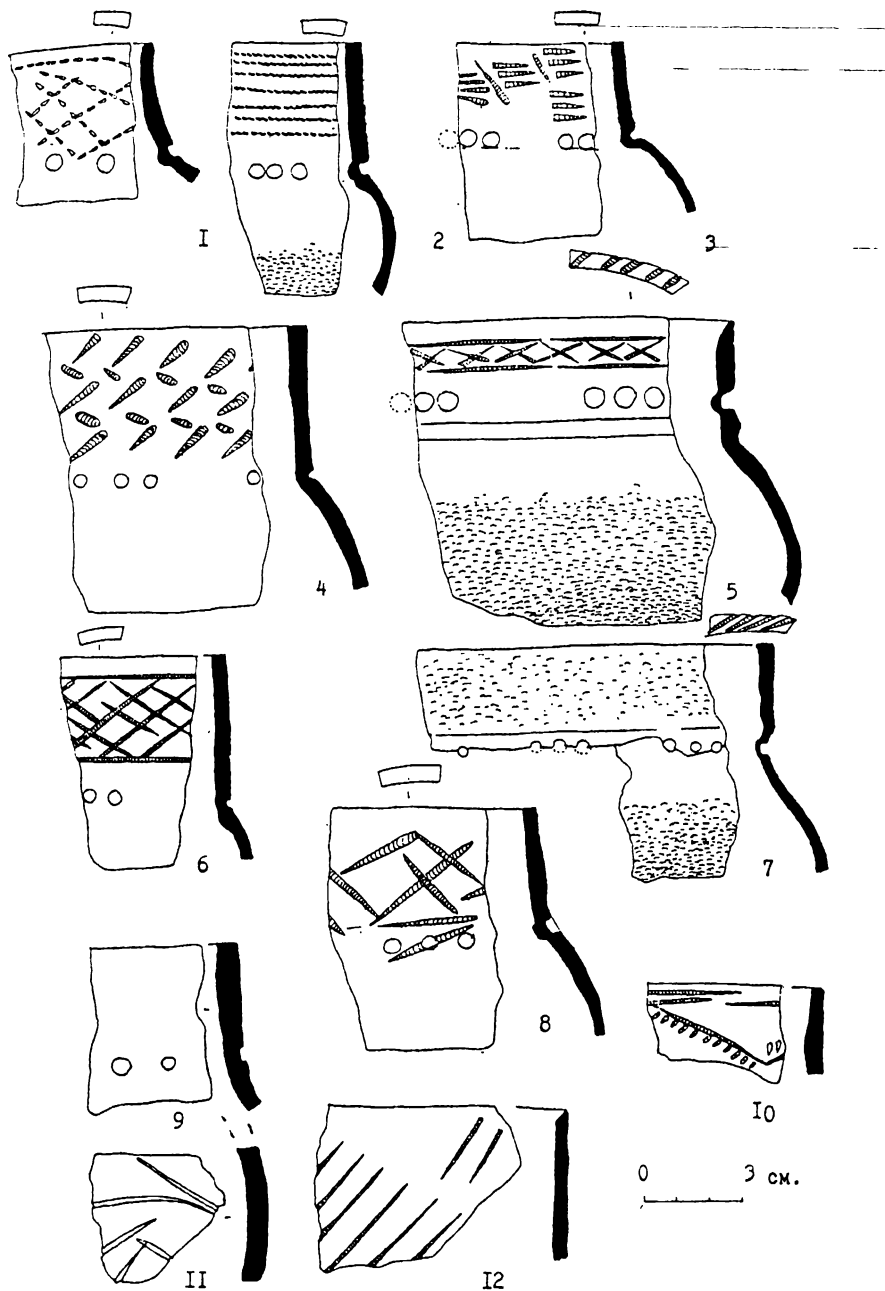

Рис.7. Керамика эпохи бронзы.

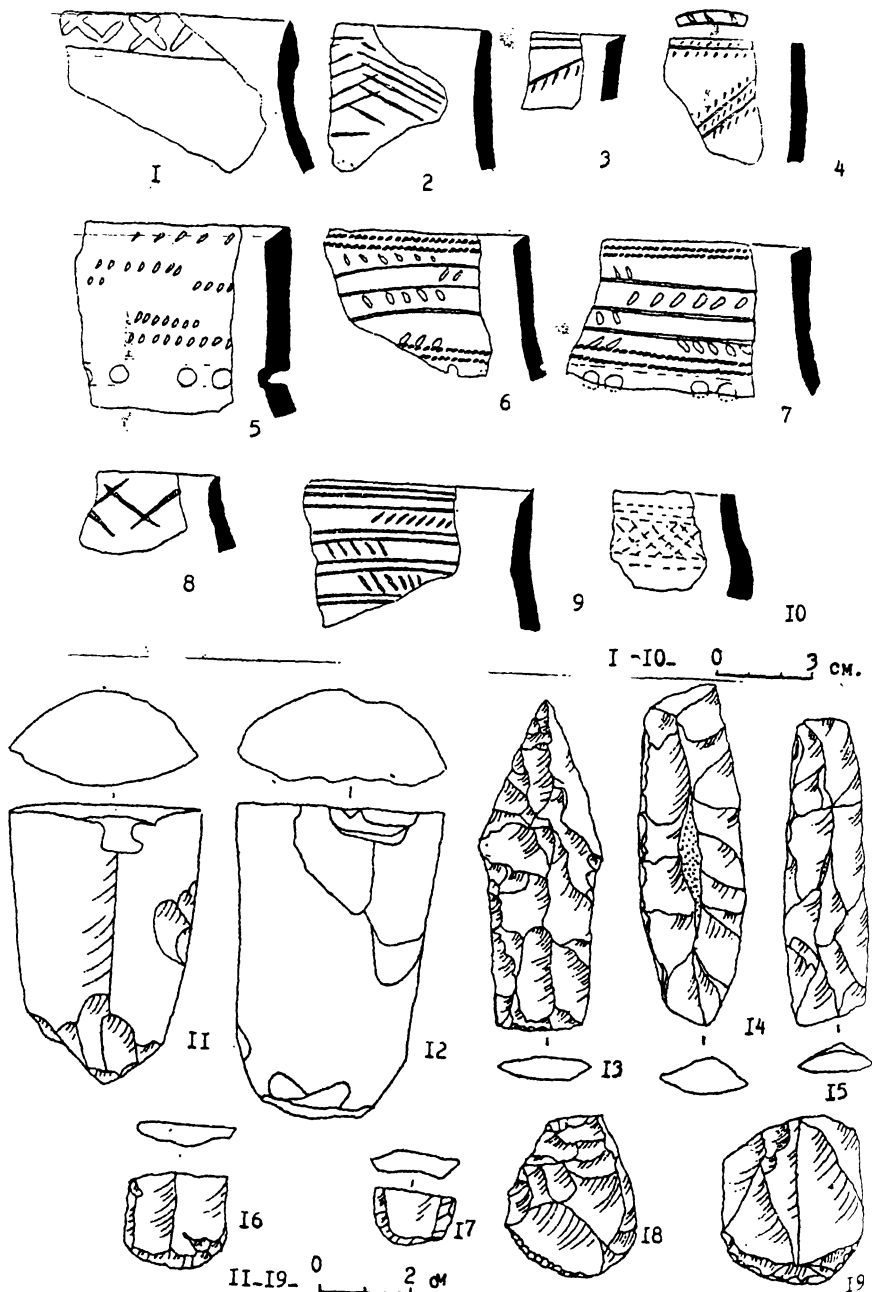

Рис.8. Находки из слоя эпохи бронзы. 1-10 керамика, остальное кремнь.

временных построек (рис.4/3) и наносного песка, отложившегося при периодических паводках (рис.4/1,3; 6, 7) толщиной от 10 до 45 см. Датируется балласт монетами 1957-1990-х годов. Хронологические рамки первого горизонта - конец XIII-XIV вв.

Второй горизонт в центральной части останца (раскоп III) также может быть разделен на два слоя (рис.4/2,4). Верхний слой серо-коричневой супеси содержит фрагменты керамики и кремневые находки эпохи бронзы; нижний слой серой, более светлой супеси, практически без находок предматерик (рис.4/2,4,5). В единичных случаях в нижнем слое встречаются фрагменты керамики эпохи бронзы и кремни, попавшие сюда из кротовин или "затоптанные" из вышележащего слоя (рис.4/4). В пониженной, южной части останца (раскоп VIII) отложения 2-го горизонта практически одного цвета и стратиграфически не разделяются. В восточной части этот горизонт переработан в средневековый период (рис.4/1) и прослеживается только в виде отдельных линз. В целом, граница между слоями 2-го горизонта очень размыта (рис.4/4). Общая мощность отложений его от 1 до 40 см.

Ко второму горизонту относится дневной уровень 11 ям, в заполнении которых встречен материал только эпохи бронзы (рис.2; 3). Самая крупная яма № 35, включающая ямы 6 и 31, видимо, являлась жилищем. Это подтверждают расчищенные здесь развалы сосудов (рис.6/1), остатки очага и кремневые отходы (рис.5/1). Неясно функциональное назначение ямы 33 в виде канавки шириной от 60 до 120 см длиной около 15 м и глубиной до 35 см от дневной поверхности. Заканчивается канавка неглубокими круглыми ямами - 23 и 33а, диаметром до 150 см. Стенки и дно канавки частично обожжены.

Интересно сосредоточение ям этого времени на участках 19, 20, 27, 32, 33 раскопа III (№№ 30а,б,в, 26, 27). Здесь зафиксированы развалы сосудов (рис.7/5), кремневые сколы и заготовка наконечника стрелы. Не исключено, что это также остатки жилища.

Материалы эпохи бронзы представлены изделиями из кремня, отходами кремневого производства и керамикой. Как

Коллекция находок хранится в Госмузее Татарстана, полевая опись: ПО-93,94. №№ коллекции 23 247; В-18880.

видно из схемы (рис.5/1) и кремьнь и керамика эпохи бронзы встречаются вместе на одних и тех же участках, а также на одной глубине (верхний слой 2 горизонта) если отложения не потревожены. Изделия из кремня (наконечники стрел, скребки, тесла) найдены, в основном, на глубине 40-60 см от современной поверхности, т.е. в верхнем слое 2 горизонта. Датируются они II-началом I тыс. до н.э. (4, с.158,рис.81-6,8,26; 82-10,11) (рис.6,4-13; 8,11-19). Керамический комплекс (рис.6,1-3; 7; 8,1-10) характерен для памятников маклашеевского круга X-IX вв. до н.э. (5, с.38-40,таб.59). Причем. очевидна связь данного материала с керамикой памятников поздней бронзы Марийского Поволжья (6, с.71,73,рис.3,4; 7, с.173-175,рис.36,37; 8, с.38-51; 9, с.177,178). В целом, 2-й горизонт культурного слоя поселения можно датировать X-IX вв. до н.э.

Основной материал селища относится к концу XIII-первой половине XIV вв. (2, с.126). Как видно из схемы (рис.16/4) четко выделяются 3 группы средневековых сооружений. Первая, самая западная, находится в глубине поселения и состоит из жилища (соор.1, раскопа 1) и подсобной постройки (яма 1, раскопа VI; рис.2). Жилище было наземным (320x280 см) с незначительно углубленным земляным полом. Внутри него находился очаг и неглубокая яма (рис.16/1). Центром второй группы является постройка 1 раскопа II прямоугольной формы (480x360 см) ориентированная с севера на юг, с отклонением к западу. Она имела внутри небольшую земляную ступеньку с южной стороны, а также, почти в центре, круглую хозяйственную яму (рис.16/2). Конструкция сооружения была, по-видимому, каркасно-столбовая; пол земляной. Судя по обилию углей и углистых линз и прослойке (до 5 см), дом сгорел во время пожара. В эту группу, также входят ямы 2, 3 раскопа II и ямы 1, 3, 7, 10 раскопа VIII. Третья группа включает в себя основной массив хозяйственных сооружений раскопов II-IV, а также постройку 1 (яма 4, 5), раскопа III (рис.13, А-Г). Послойная фиксация отложений постройки и ее стратиграфический разрез (рис.4/1) показали, что это остатки подпола наземного дома. Перекрытие подпола держалось на опорных столбах, фиксировавших одновременно и деревянную обкладку котлована. В западной части дома находилась печь, сложенная из кирпича (20x20x8-10 и 20x13x6-8 см), сырцового и обожженного. с использованием мелких камней на глиняном растворе. Анализ стратиграфических данных и комплекса находок (рис.11-13) позволяет предположить, что наиболее ранней является

вторая группа сооружений - усадьба Б, и почти одновременной с ней. Жилая постройка 1 (яма 4, 5) усадьбы А - датируется концом XIII века. После пожара начала XIV века, возникают сооружения 1 группы, в рамках усадьбы Б, и перестраивается постройка 1 усадьбы А. Судя по материалам последней, центр усадьбы первой трети XIV в. составлял жилой дом, за которым находился довольно большой двор. На задворках располагались ямы-зернохранилища, обнесенные легкими деревянными конструкциями, крепившимися на каркасе из вертикальных бревен, стоявших по периметру котлована. Стенки ям были обожжены. Рядом с ямами находился небольшой погреб (яма 28, раскопа II) имевший каркасно-столбовую конструкцию (рис.16/3). Возможно стенки его были сделаны из плетня (16, с.202). Аналогичную конструкцию имела яма 12 раскопа II, использовавшаяся для хранения зерна или каких-либо других продуктов. Судя по схеме (рис.5/2) выброс мусора на усадьбе осуществлялся за пределы жилых сооружений на задворки или во двор.

Наземные дома усадьбы Б имеют параллели на булгарских (17, с.67) и верхнекамских поселениях XI-XIII вв. (18, с.16-19). В XII-XIV вв. близкие конструкции зафиксированы на вятских селищах (19, с.102-106). Дома на подклете, по данным Р.Ф.Шарифуллина, для булгарских домонгольских памятников нетипичны и встречены только в Биляре, в верхних слоях (17, с.73). Вместе с тем, они хорошо известны на древнерусских памятниках XII-XIII вв. (20, с.191-192) юго-восточной части лесной зоны (21, с.130).

Использовавшийся при сооружении печи постройки 1 усадьбы А кирпич по размерам близок золотоордынскому - 22x22x5 см (22, с.80,81; 23, с.140, прим.8). Булгарский домонгольский кирпич (26-27x26-27x5 см) (24), как и древнерусская плинфа (15-17x25-27x3-3,5 см) (25, с.307; 26, с.50) имеют другие размеры. Наземный дом с подпольем усадьбы А имеет близкие аналогии на мордовских селищах XIV в. (Полянки, Шаверки IV) (27, с.148,153).

Изделия из цветных металлов немногочисленны, это медная блесна (рис.9/21), аналогичные которой надены на VI Меллятамакском селище XIII-XIV вв. (10, с.28, рис.2,6-8) и часть оплавленного бронзового изделия (рис.9/19). В яме 28 раскопа III и яме 3 раскопа VIII найдены 2 зеркала (рис.9/18; 11,215). Первое, диаметром 6 см, имеет приостренный, утолщенный бортик со скошенными краями. Тыльная часть его украшена

орнаментом в виде круга с расходящимися от центра внутри него линиями-лучами (рис.9/18). Второе, диаметром 7 см имеет аналогичный бортик и в центре ушко с отверстием. Украшено оно крестообразным орнаментом из 2 пересекающихся линий (рис.11/25). Аналогии этим поделкам есть в коллекции ГОМТР из Болгар (№№ 5363, 7719).

Изделия из железа более разнообразны. Это обломок серпа из ямы 22 раскопа III (рис.9/15), косы (рис.9/14), рыболовный крючок из ямы 15 раскопа II (рис.9/2), шило, пробойник и зубильце (рис.9/3-5). Найдены, также железное кольцо диаметром 65 мм (рис.9/12) и обломок неопределенного предмета (рис.9/13). Наиболее многочисленны ножи (10 экз.). Это массивные изделия с четко выраженным уступом при переходе от черешка к лезвию (рис.9/8-11; 13,4). Длина их колеблется от 145 до 165 мм. Выделяется специализированное изделие длиной 190 мм с узким (ширина 7-9 мм), сильно изогнутым лезвием (рис.9/8). Над ямой 28 из раскопа III найден сильно коррозированный корпус цилиндрического навесного замка высотой 43 мм (рис.9/16), а на глубине 50 см от поверхности (основание 1 горизонта) - ключ от замка (рис.9/17). На дне постройки 1 раскопа III обнаружен обломок кресала (рис.13/5).

Интересны фрагменты чугунных котлов (6 экз.) с цилиндрическим туловом резко переходящим в округлое дно (рис.9/6,7). Чуть утолщенный венчик сосудов имеет резкий скос внутрь. Толщина стенок котлов 4-5 мм, диаметр, не менее 30 см, высота до 20 см; вместимость 2-2,5 л. Эти находки сделаны в верхних отложениях 1 горизонта на глубине от 20 до 35 см, в основном, на территории двора (уч.48, 58, раскопа III) и хозяйственных сооружений (уч.11, 15, 18 раскопа III) усадьбы А (рис.3; 16/4). Распространение этих изделий можно связывать с последней фазой функционирования построек усадьбы. Фрагменты чугунных котлов найдены в южной части поселения - селище Дамба 1 (2, с.138, рис.8,6-8), а также не селище Дамба II и "Разбойничий остров", расположенных поблизости.

В яме 15, раскопа II найдена выщелоченая стеклянная бутылка (рис.9/). На раскопе III обнаружена костяная втулочка диаметром до 1,5 см и здесь же, в постройке 1 - обпиленный рог (9) животного (рис.13/3).

Из глиняных изделий встречаются напояла категории А и Б: круговые и лепные (11, с.64). Причем, последние имеют своеобразную форму. Так фрагмент напояла таблетковидной формы (рис.9/25) близок типу А III-16, имеет примесь крупнозер-

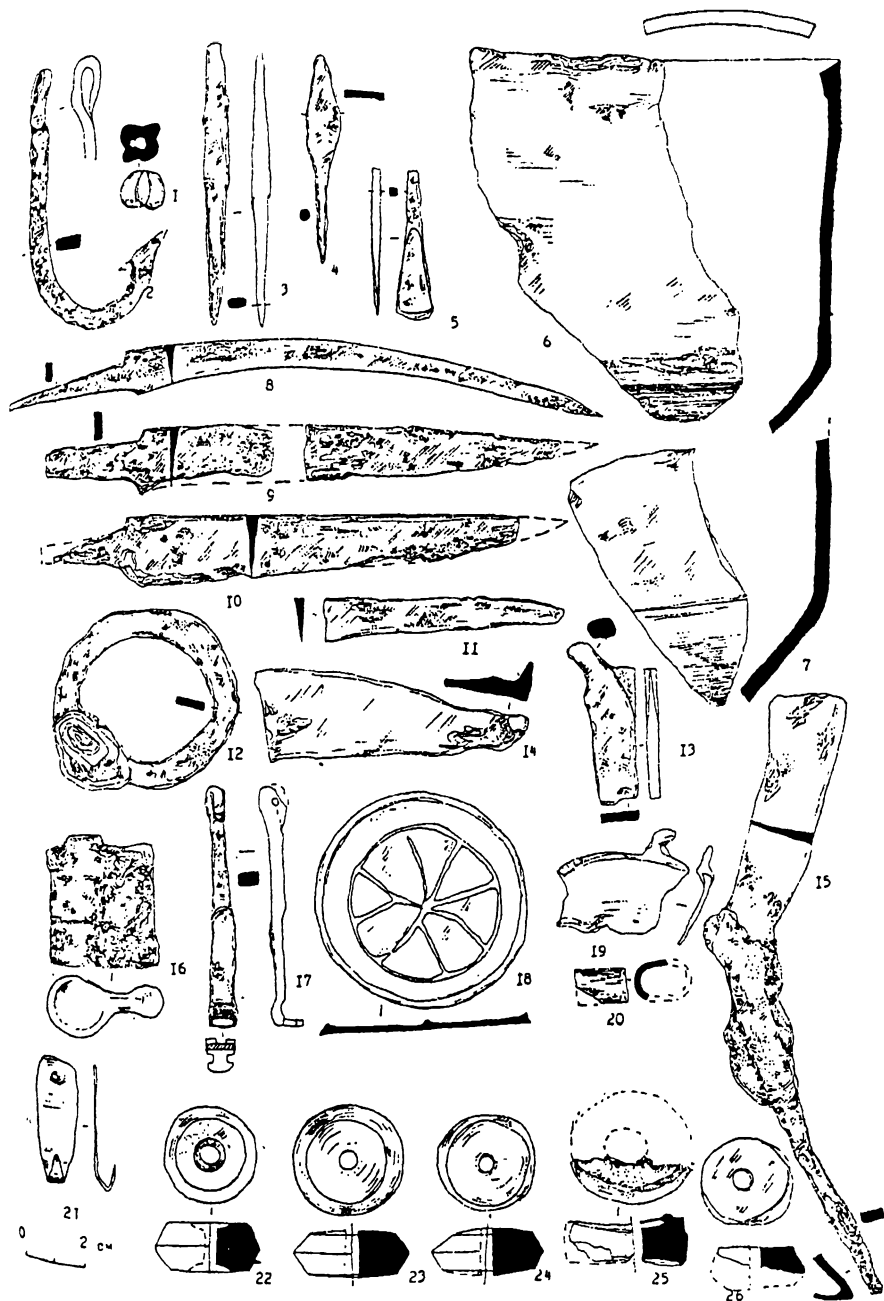

Рис.9. Находки из средневекового слоя 6-7 - чугун, 1 стекло, 19, 21 - бронза и медь, 20 - кость, 18 - зеркальный сплав, 22-26 - глина, остальное железо.

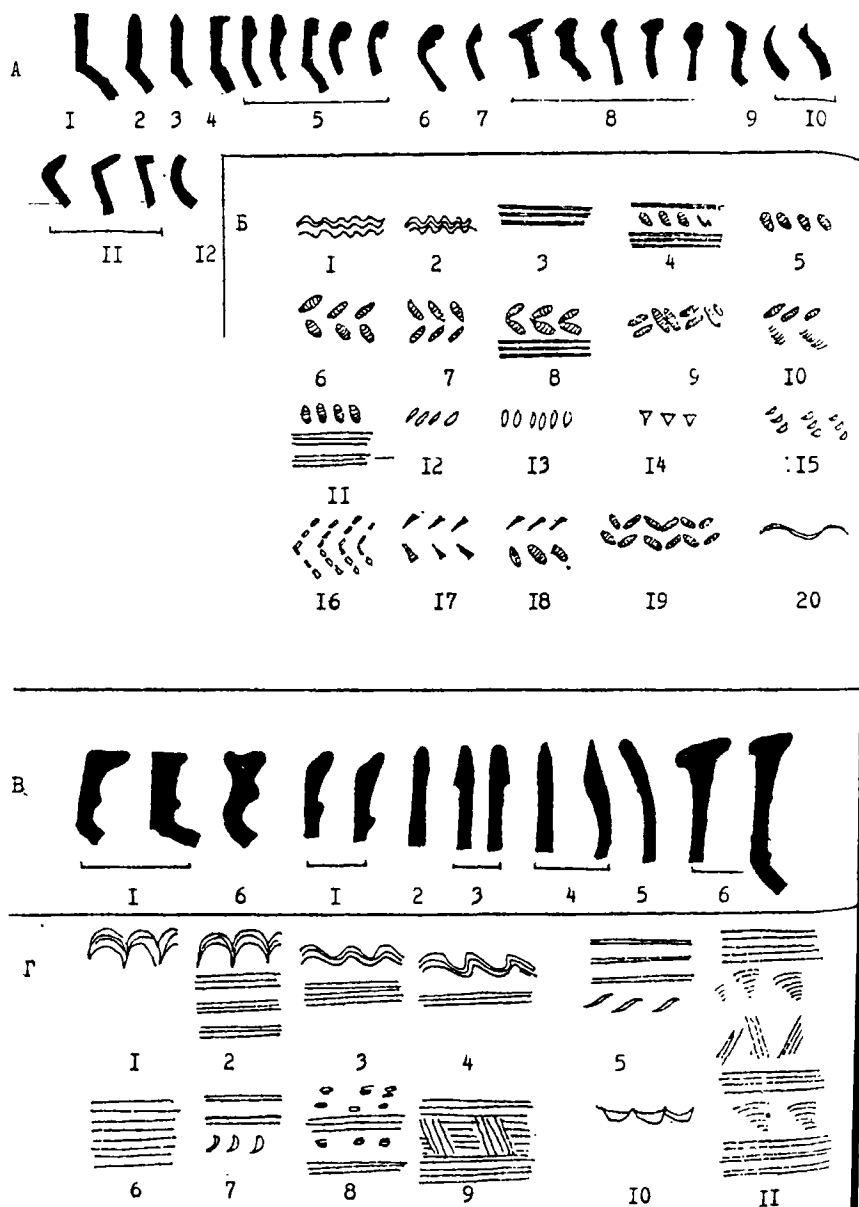

Рис.10. Средневековая легкая и ПК(А, Б) и круговая (В, Г) керамика: А, В - типы венчиков, Б, Г - орнаментальные композиции.

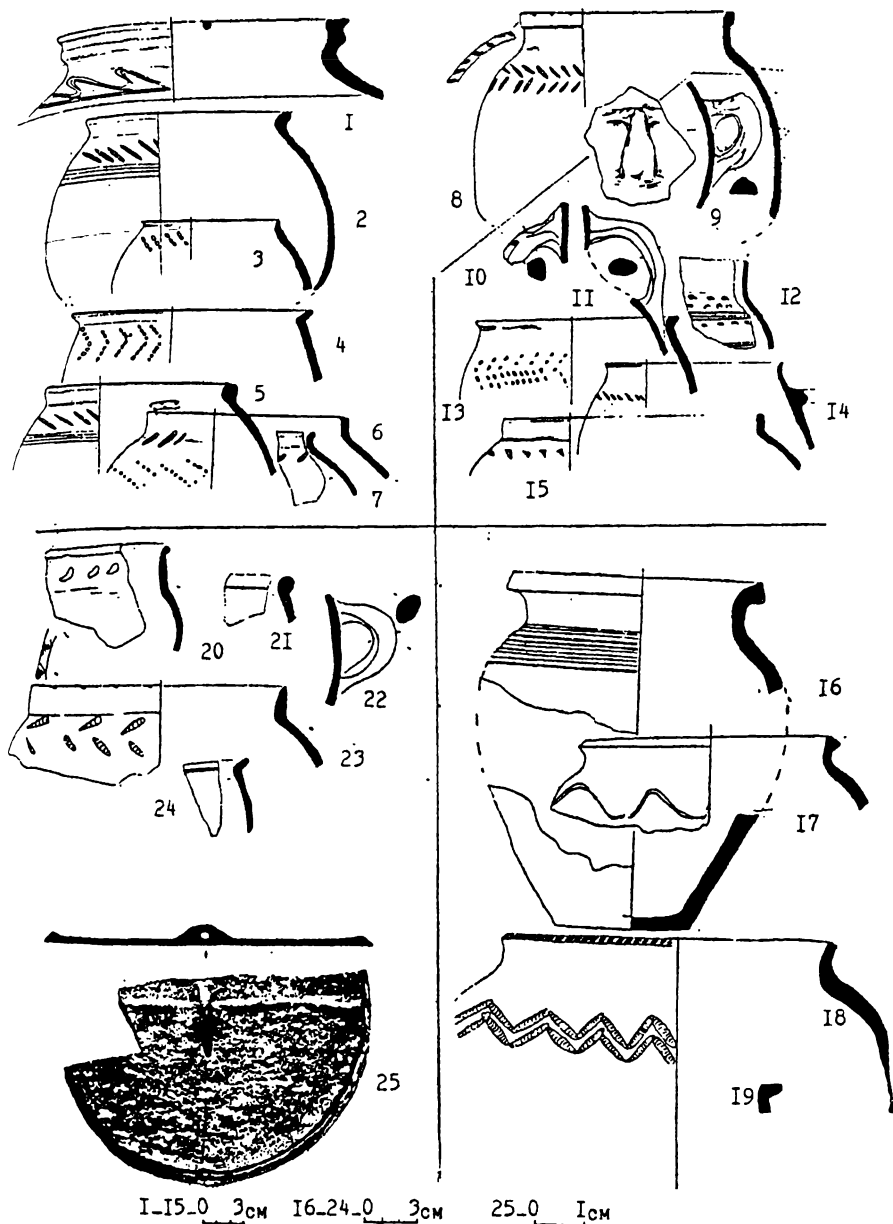
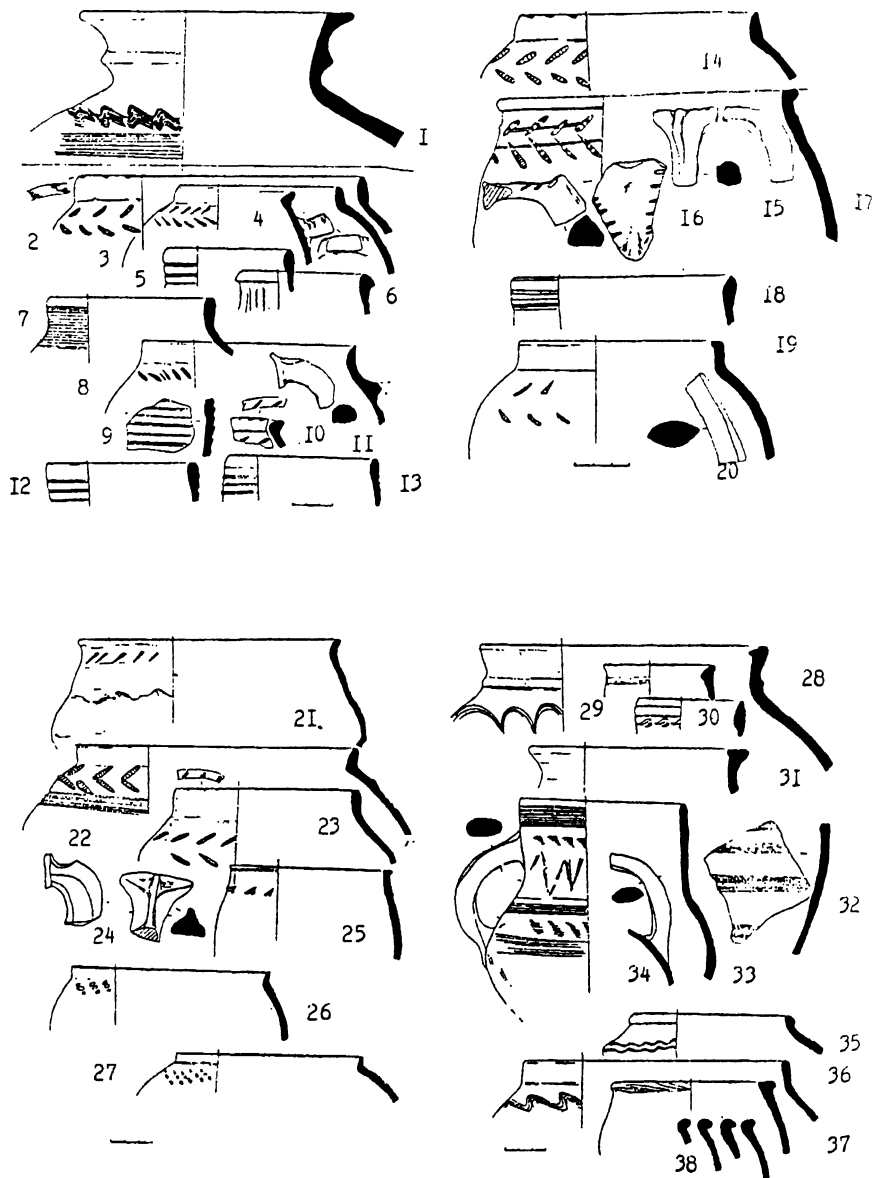

Рис.11. Керамические комплексы эпохи средневековья. 1-7 - яма 2, раскоп IV; 8 - сооружение 2, раскоп II; 9-15 - яма 2, раскоп IV; 16-19 - яма 10, раскоп VIII; 20-25 - яма 3, раскоп VIII. 25 - зеркало.

I-13, 21-38 - 0 3 см; 14-20 - 0 3 см

Рис.12. Керамические комплексы эпохи средневековья. 1 - подъемный материал; 2-13 "двор" усадьбы А, 1 - горизонт культурного слоя; 14-20 - яма 34, раскоп III, 21-38 постройки 1 (яма 4:6), раскоп III.

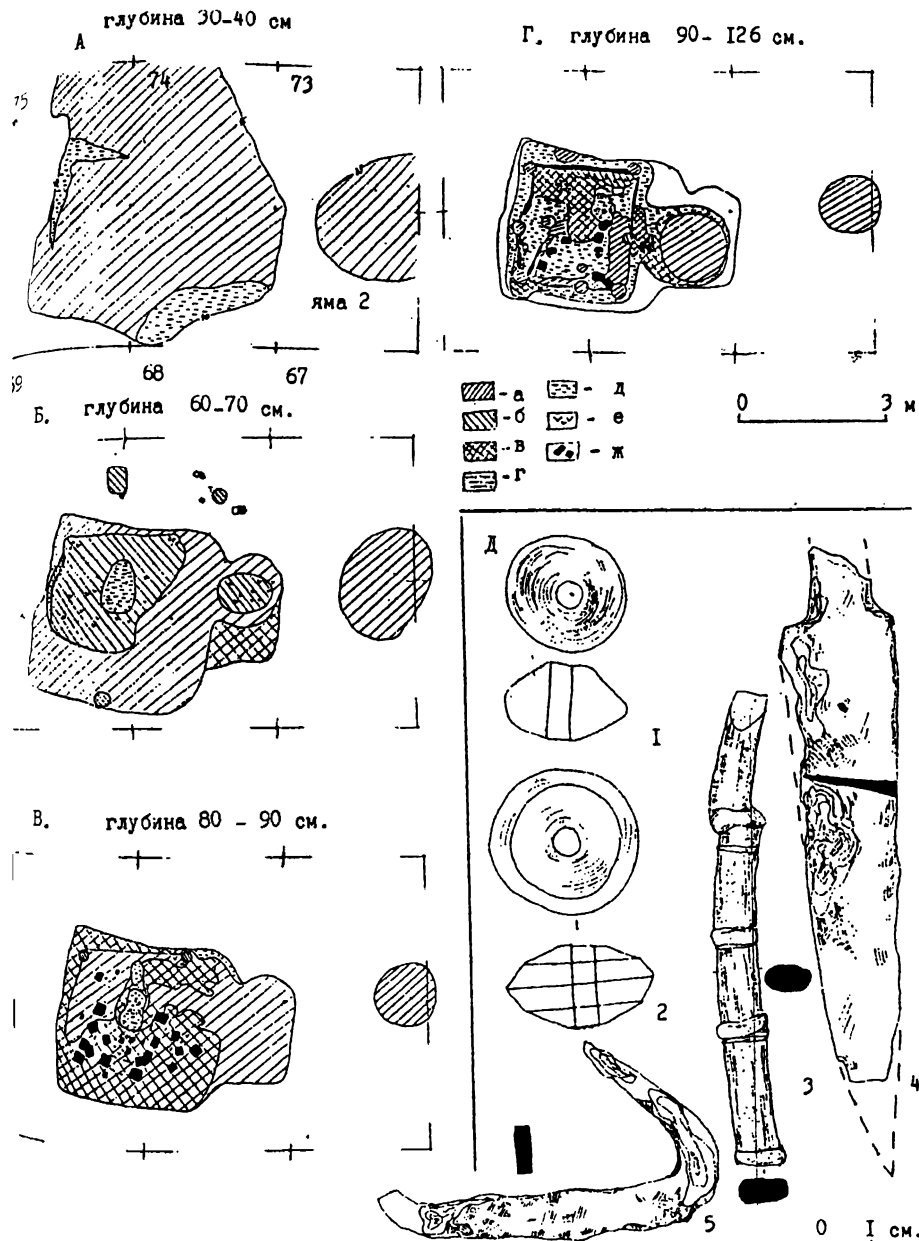

Рис.13. Постройка 1 раскопа III. А-Г послойная фиксация постройки 1 на уч. 67-69, 73-75 раскопа III. а - темная буро-серая супесь, в - пестроцвет, г - обожженная глина, д - необожженная глина, е - уголь, ж - обожженный и сырцовый кирпич. Д - находки из постройки 1. 1, 2 - глина, 3 - кость, 4, 5 - железо.

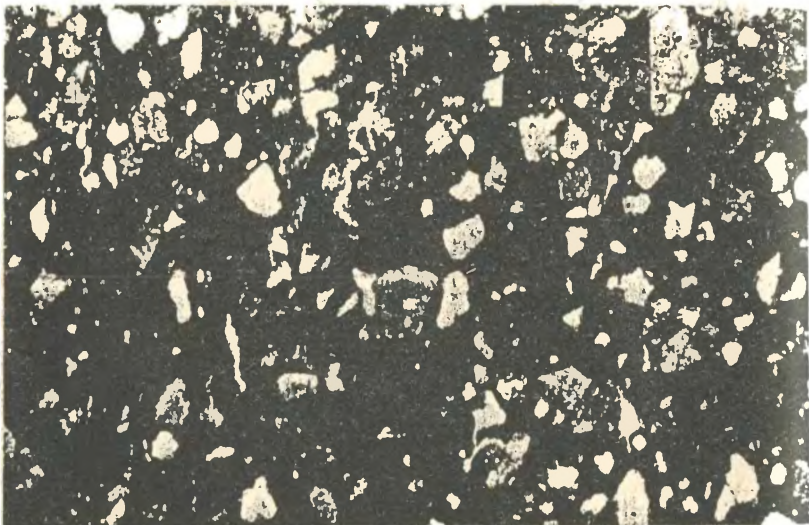

Рис.14. Образец ПО-92/309. Обилие обломочных зерен кварца, мелкие комки шамота в слабообожженной светло-коричневой глинистой массе. Никולי параллельные. Увеличение 40 раз.

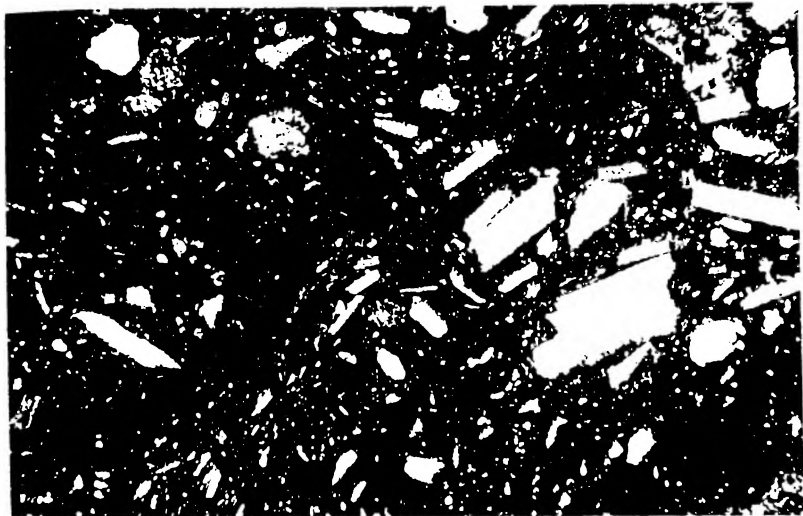

Рис.15. Образец ПО-92/217 Обломки створок раковин речных моллюсков. Сильно обожжены пятнами спекшаяся связующая глина. Николи скрещены. Увеличение 65 раз.

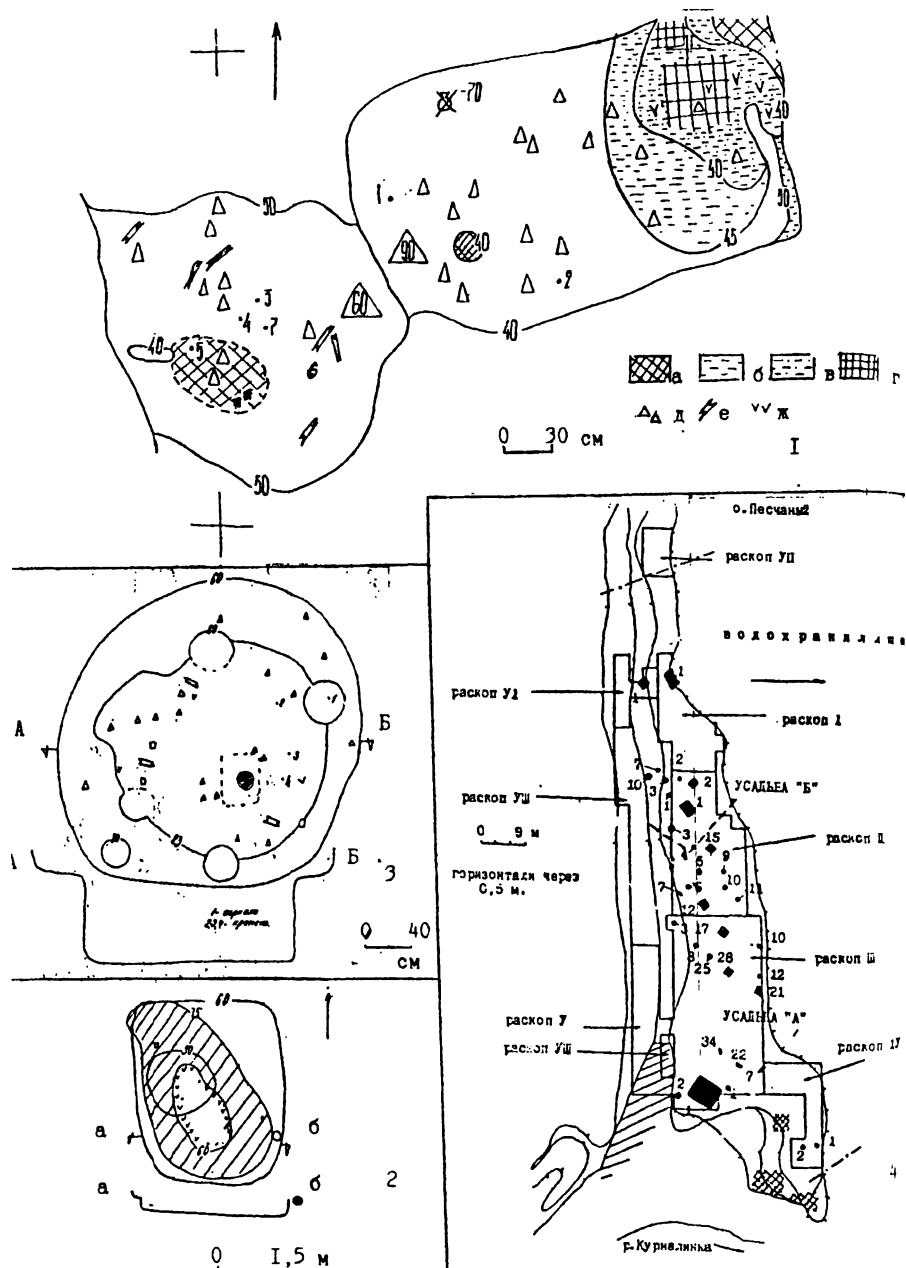

Рис.16. 1 - план сооружения 1 раскопа I. а - пестроцвет, б - глина, в - обожженная глина, г - провал, д - керамика, е - кость животного, ж - уголь; 2 - план постройки 1 раскопа II; 3 - план ямы 28 раскопа III; 4 - схема распределения средневековых сооружений по усадьбам.

нистого песка в тесте; другой - чечевицевидный с мелкими примесями (найден в постройке I, усадьбы А) (рис.13/1). Аналогии последнему встречены на чияликском VI Меллятамакском селище XIII-XIV вв. (10, рис.2-10,12). Остальные напрядла, изготовленные при помощи круга, относятся к типу 3 а отдела III (рис.9/23,24), в одном случае близки к поделкам отдела II (рис.11/2). К типу 3 б относится одно изделие (рис.9/22). В целом, по размерам и весу: 14; 16,5; 17; 20,5 гр. они характерны для золотоордынского периода (11, с.68). На участке 38 раскопа III в 1 горизонте найден обломок белоглиняной игрушки-птички, характерной для древнерусских памятников XII-XIV вв.

На участке 6 раскопа VIII обнаружен фрагмент кашинного поливного сосуда с ультрамариновой поливой и надглазурной росписью золотом. Такие изделия встречаются на нижневолжских городищах золотоордынского времени (12, с.108).

Неполивная керамика встречена круговая, лепная и примитивно-круговая или подправленная на круте (ПК). Лепная и ПК керамика по составу отощителя относится к трем группам (2, с.126): с преобладанием крупнозернистого песка (А), толченой раковины (Б) и шамота (В). Разновидностью группы А является посуда с добавкой в качестве отощителя толченой раковины и крупнозернистого песка одновременно. Для уточнения данных визуальных определений было проведено петрографическое исследование образцов керамики всех групп. Проанализировано 19 образцов. Шлифы выполнены в ЦНИИ Геолнеруд г.Казани Р.П.Архиповой, прочтение их сделано кандидатом геолого-минералогических наук с.н.с. А.М.Месхи. По данным петрографического анализа (13) рецепт составления глиняного теста различен для всех трех групп. Так сосуды группы Б ручной лепки ленточной техникой (рис.12/21) содержат в составе до 19% толченой раковины (образец 42; 2, рис.6,3). Сосуды группы А, примитивно-круговые, содержат до 20% кварца в составе отощителя (рис.14) (образец 309; 2, рис.6.8). Разновидность керамики этой группы содержит добавку толченой раковины 7-11% и кварца от 8 до 19% (рис.15) (образец 217; 2, рис.6,1). В целом, основной состав отощителя группы А более характерен для усадьбы А, разновидность - для усадьбы Б.

Проведенный анализ* обломочного материала отошителя керамики позволяет предположить, что изготавливалась на селище керамика группы А с добавкой песка из другого источника; в близлежащей округе производилась керамика группы Б. Керамика группы В не местная.

Керамический материал селища сильно фрагментирован. Всего из раскопов I-VIII изучен 1731 фрагмент: 244 из раскопа I, II (2, с.126,127), 1259 из раскопов III-VII, 228 из раскопа VIII. На раскопах 1993 года (III-VII) круговая керамика составляет 45%, лепная и ПК керамика - 55%. Среди круговой преобладают образцы желто-красного цвета 81%, красновато-коричневого цвета меньше - 13,6%. Образцов серого и желтого цвета 5,4%. Лепная и ПК керамика (693 экз.) группы А составляет 35,6%, вариант с толченой раковиной - 30,4%. Посуда группы Б составляет 1%, группы В - 2,6%. На раскопе VIII круговой керамики 53,4%, лепной и ПК - 46,6%. Однако в сооружениях она преобладает - 80-95%. Цвет круговой керамики красный, близкий, в ряде случаев к коричневому.

Отдельные фрагменты имеют буро-коричневый, кирпично-красный и малиново-красный цвет.

Стратиграфически (в основном по данным раскопа I, где имеются участки не подвергавшиеся распахке) в верхнем слое преобладают фрагменты круговых сосудов - 76%, а также ПК сосудов группы А - 93%. Лепная посуда группы В тяготеет ко 2-3 штыку, т.е. основанию 1 горизонта. С 1, ранним слоем этого же горизонта связывается и керамика группы В.

Установлено 6 типов венчиков круговой посуды (рис.10-В): вертикальные, отогнутые наружу с валиком в нижней части шейки от корчаг (№ 1, рис.12а,1,28); вертикальные с закругленным срезом венчика (№ 2); вертикальные утолщенные с наплывом наружу или внутрь (№ 3) характерные для небольших кружек (рис.12/33), горшковидных сосудов (рис.12/7,12,13) или небольших криночек (рис.12/6/30). Вертикальный с приостренным краем венчик (№ 4) и вертикальный отогнутый внутрь (№ 5) - видимо, также принадлежали горшковидным формам. Венчики с наплывом снаружи и изнутри (№ 6) принадлежат корчагам (рис.11/1; 12/31).

Орнамент круговых сосудов не отличается разнообразием (рис.10-Г). Преобладают линейные мотивы (б) в сочетании с

* Разбор петрографических данных будет сделан в отдельной статье.

арочным (2) и волнистым (3, 4), а также вдавлениями (7, 5), расчесами (9), оттисками широкозубой гребенки (8) или же штриховыми расчесами узкозубчатым штампиком (11). Неорнаментированная поверхность заглаживалась или лощилась. Зафиксировано лощение тонкими (1-2 мм) линиями, средними (4-7 мм) и широкими (10 мм) полосами; перекрестное лощение в виде ромбической решетки, сплошное и хаотичное (почти сплошное). Лощенные фрагменты составляют 10-15% от всего количества.

Более разнообразна лепная и ПК керамика. Венчики ее представлены 12 типами (рис.10-А). Это прямой с горизонтально срезанным верхом (1), с округлым верхом (2), с заостренным верхом (3), прямой с плоским срезом, выступающий наружу (4), прямой с наплывом наружу (5), с наплывом, отогнутый наружу и с желобком по утолщению (6), с наплывом наружу приотсранный (7), прямой утолщенный снаружи и изнутри (8), прямой отогнутый внутрь (9), без шейки, приотсранный (10), без шейки отогнутый наружу (11), отогнутый наружу с плоским срезом (12).

Сосуды, как правило, орнаментированы (рис.10-Б). Преобладает гребенчатый штамп трех видов: мелкозубый, широкозубый и личинковидный (14, с.79,82,рис.28). Встречаются простые вдавления палочкой (рис.10-Б, 11,12), реже - треугольные оттиски (рис.10-Б, 14). Широко распространен линейный мотив, меньше - в виде волны. Различаются 20 орнаментальных композиций (рис.10-Б). Кроме простых, состоящих из одного мотива встречаются более сложные. Особенно разнообразны вариации личинковидного штампа: парные оттиски в виде елочки (6,7) - этот орнамент выполнялся также и мелкозубым штампом (17,18) - иногда крупной гребенкой (15,16) в сочетании с линейным мотивом (8) или в паре с "расчесом" многозубной расщепленной палочкой (10). Личинковидный штамп использовался в композиции в виде ломаной линии в разных сочетаниях (9, 19) или же в варианте с линейным мотивом и пояском наклонных оттисков (4, 11).

По форме различаются сосуды округлодонные с уплощенным дном - группа А, Б и плоскодонные - группа В, горшковидных форм. В группе В можно рассматривать 2 типа сосудов. Тип 1 (рис.11/16,17; 2 экз.) - горшок с плоским дном. Диаметр венчика 15,5 см, наибольшее расширение в верхней трети тулова, переход от шейки к тулову пологий. Форма горловины - блоковидная, венчик 7 типа. Орнамент - горизонтальные про-

черченные линии (тип 3) или волна (тип 20). Тип 11 (рис.11/18; 1 экз.) - горшковидный или котловидной формы сосуд. Диаметр венчика 20 см. Максимальное расширение по середине тулова, венчик 12 типа. Сосуд орнаментирован личинковидным штампом по плечу (тип 19) и по срезу венчика. Керамика группы В встречается на раскопанной площади в нескольких местах (рис.5/2): яма 10, раскопа VIII, сооружение 1 раскопа II и отдельные фрагменты у постройки 1 (яма 4,5) раскопа III.

В группе Б выделяется тип чашевидных сосудов (рис.12/21; 3 экз.). Диаметр венчика 13-14 см, высота - 10-14 см. Наибольшее расширение в нижней половине тулова. Орнаментированы сосуды вдавлениями палочки под венчиком (12 тип орнамента) (2, рис.6-3,4). Разновидностью этого типа является сосуд более закрытой, близкой к горшковидной, формы с ручкой (2, рис.5-5).

Основная масса сосудов относится к группе А и ее вариантам. По формальным признакам ее можно сопоставить с XVIII этнокультурной группой болгарской керамики (15, с.185,193,194). По разработанной Н.А.Кокориной типологии (15, с.193,рис.13) здесь встречаются тип I (рис.11/2,3; 12/19,26), тип II (рис.11/5,6,7; 12/2,14,23,36) и тип III (рис.11/4,13; 12/17) горшков или, точнее, горшковидных сосудов. К типу I чашевидных изделий относится ряд фрагментов (рис.11/6,15; 12а,3,4,22,37). Интересен близкий к этому типу сосуд закрытой формы с венчиком типа 5, 10 (рис.12,27,35). К типу II можно отнести 2 сосуда (рис.11/14; 12/26) и к типу IV один сосуд (рис.12/17). В разновидности группы А выделяются сосуды баночной формы (рис.12/25), орнаментированные отпечатками палочки (2, рис.6,1) или несечками по венчику. Эти изделия лепные. Диаметр венчика их 11-12 см, высота до 4 см. Венчик типа 8,10.

Хронологически наиболее ранними являются сосуды группы Б и В вылепленные от руки, имеющие специфический состав примесей в отощителе и стратиграфически зафиксированные в нижних пластах 1 горизонта. Чуть позже, видимо, бытуют сосуды баночной формы, составляющие разновидность группы А. К основному периоду жизни на селище (первая треть XIV в.) относится значительная часть круговой и ПК керамики (последняя группы А). Причем примитивно-круговая керамика (ПК) имеет своеобразные подтреугольные в сечении (рис.11/9; 12/16,24) или уплощенно-овальные (рис.11/10; 12/4,15) ручки с

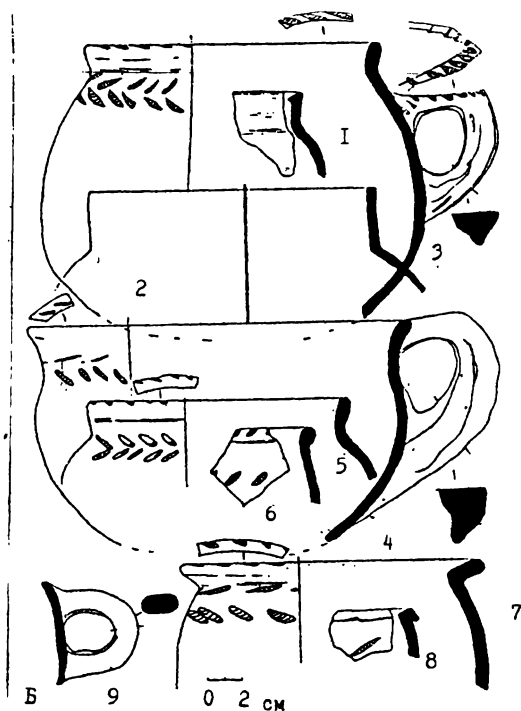
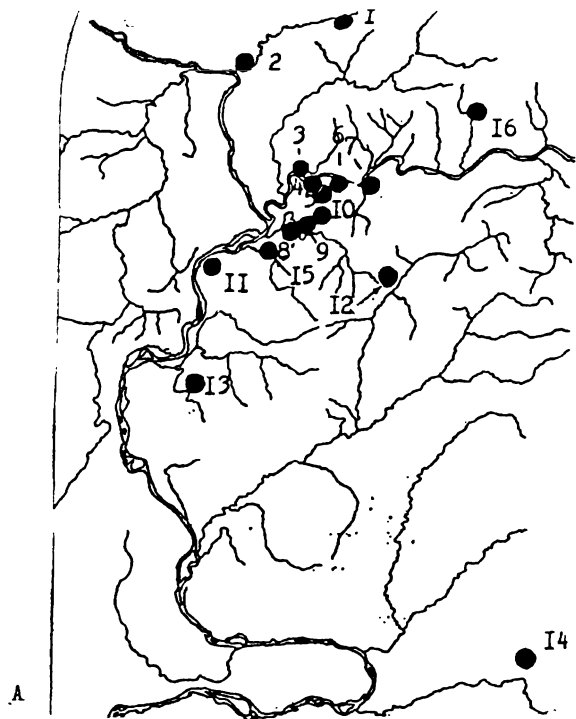

Рис.17. А - находки керамики XVIII группы в Прикамье и Поволжье. Городища: 2 - Казанский Кремль, 7 - Джуке-тау, 11 - Болгарское, 16 - Чаллыское. Селища: 1 - Урматское, 3 - Лаишевское, 4 - Мурзихинское, 5 - Песчаный остров, Дамба 1, 6 - Саконское, 7 - Данауровское II, III, 8 - V Семеновское, 9 - II Коминтерновское, 10 - Нижнемарьянское, 12 - Билярское III, 13 - Кременкинское, 14 - Сухореченское, 15 - Базяковское. (12, 15, 16 - по Н.А.Кокориной, 13 - по И.Н.Васильевой, 14 - по Г.И.Матвеевой). Б - керамика XVIII группы с Лаишевского селища. Подъемный материал.

плоской верхней площадкой иногда, с четко выраженным гребнем (рис.12/15,24).

Судя по керамике, население данного селища формировалось из нескольких разнородных (разноэтничных) групп, давших в процессе взаимодействия в пределах поселка своеобразный культурный симбиоз, отразившийся в керамике группы А.

Остеологический материал из раскопов III-VIII немногочисленен. Было проанализировано 88 определимых костей* от 39 особей. Из них 32% - крупный рогатый скот, 29% - мелкий рогатый скот и 39% - лошадь.

Материалы селища Песчаный остров находят широкие аналогии в сельских древностях Поволжья и Прикамья золотоордынского времени. Особенно выразительна керамика XVIII группы, имеющая прикамские (пермско-финские) истоки. По формальным признакам к ней можно отнести находки с 12 селищ и 4 городищ (рис.17,А)** Наиболее близкие аналогии керамики с Песчаного острова имеются на Лаишевском селище (рис.17,Б). Отметим также, что славяноидная керамика с примесью толченой раковины, встреченная на южной части селища Песчаный остров (2, с.127) - селище Дамба 1 (рис.18) появляется несколько позже посуды XVIII группы - где-то в середине XIV в.

После запустения Песчаноостровного селища, в 30-40-х годах XIV в., место на дюне начинает использоваться для захоронений. Всего здесь изучено 15 погребений. 5 из них опубликованы (2, с.121-123). Общая дата могильника - II половина XIV века. Не останавливаясь подробно*** на погребальном обряде и инвентаре из погребений, отметим, что этот некрополь оставлен другим населением, с сильными кочевническими традициями.

Итак, работы на селище Песчаный остров позволили практически полностью исследовать булгарскую сельскую усадьбу конца XIII-первой половины XIV века. Полученный материал характеризует материальную культуру булгарского села этого времени, что важно для датировки синхронных многослойных поселений, в том числе и сельских. Материалы селища свидетельствуют, что в раннезолотоордынский период сельское население булгарских земель формировалось из разноэтничных

Исследование и определение остеологического материала выполнено О.Г.Богаткиной.

* Использована карта составленная Н.А.Кокориной (15, с.209, рис.10) дополненная данными автора.

*** Материалы могильника будут рассмотрены отдельной статье.

групп, в том числе и финско-пермских. Не позднее середины XIV века в данном регионе четко фиксируется поволжско-финское и славяно-финское влияние. Со II половины XIV века, судя по материалам могильника Песчаный остров и ряду других памятников, усиливается проникновение в среду сельского населения этнических групп с сильными кочевническими традициями.

С начала XIV века материальная культура болгарского села испытывает сильное влияние ремесленных городских центров.

В целом, материалы поселения и могильника на Песчаном острове дают новые данные по периоду поздней бронзы - начала раннего железа и особенно, эпохе средневековья, что расширяет возможность исследования этнокультурных процессов в Волго-Камье в эти периоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руденко К.А. Исследования средневековых памятников в Приустьевом Закамье в 1991-92-х годах //Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
2. Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии //Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1994. Вып.23. Пробл. средневековой археологии волжских финнов.
3. Истомин К.Э. Новые мезолитические памятники в нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур //Древние памятники Приустьевого Закамья. Казань, 1993.
4. Эпоха бронзы лесной полосы СССР //Археология СССР. М.: Наука, 1987.
5. Халиков А.Х. Приказанская культура //САИ. М.:Наука, 1980. Вып.В1-24.
6. Соловьев Б.С. Поселение "Сосновая грива" //Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. 1984. Вып.7. Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края.
7. Никитин В.В., Соловьев Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Вып.1. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола, 1990.
8. Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности //Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1985. Вып.9. Древние этнические процессы Волго-Камья.
9. Патрушев В.С. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.
10. Казаков Е.П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии //Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987.
11. Руденко К.А. Глиняные напрасла X-XIV вв. из Волжской Булгарии //История и культура Волго-Вятского края: Тез. Киров, 1994.
12. Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) //СА. 1968. № 4.
13. Месхи А.М., Руденко К.А. К характеристике керамики нижнего Прикамья в XI-XIV вв. (по данным петрографического анализа). (В печати).
14. Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. JL, 1987.

15. Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики) //Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1994. Вып.23. Проблемы средневековой археологии волжских финнов.

16. Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. (середина XIX-нач.XX вв.). Казань, 1986.

17. Шарифуллин Р.Ф. О ранних жилищах волжских булгар (X-нач.XIII вв.) //Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань. 1993.

18. Черныт Е.М. Жилища племен Прикамья I тыс.до н.э.-пер. пол. II тыс.н.э.: Автореф. дисс... кандисторнаук М., 1992.

19. Макаров Л.Д. Поселение Искра-новый памятник в бассейне Средней Вятки //Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып.2.

20. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука, 1981.

21. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище //САИ. М.: Наука, 1975. Вып.Е1-32.

22. Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. //Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.

23. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище //Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976.

24. Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра //Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.

25. Юшко А.А. Кирпичеожигательная печь конца XII в. в Смоленске //Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966.

26. Варганов А.Д. Обжигательные печи XI-XII вв. в Суздале //КСИИМК. М., 1956. Вып.65.

27. Аксенова Т.В., Зеленева Ю.А., Шакиров А.Г. Поселение Шаверки IV //Новые источники по этнической и сициальной истории финно-угоров Поволжья I тыс. до н.э. - I тыс.н.э. Йошкар-Ола, 1990.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КРАСНОЯРСКОГО ГОРОДИЩА АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1989-90 гг.)

Из многочисленных золотоордынских городищ и селищ расположенных на территории Астраханской области, лишь немногие подвергались и подвергаются изучению. В связи с этим, археологические исследования на Красноярском городище, произведенные в 1989-90-х годах, предоставляют новые материалы, позволяющие восполнить существующий пробел (1, 2).

Городище находится в восточной части дельты Волги на Красноярском бугре, протянувшемся с СВ на ЗЮЗ по правому берегу реки Маячной в райцентре Красный Яр Астраханской области (рис.1).

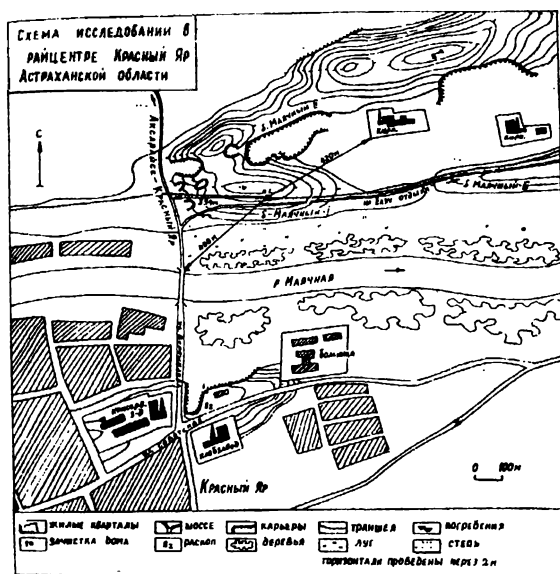
Исследования проводились к СВ от пересечения улиц Ворошилова и Советская, к В от консервного завода. Поверхность бугра среднезадернована с северной части и слабо в центральной и южной частях. Площадь бугра во многих местах нарушена карьерами и траншеями. Следует отметить, что городище практически полностью уничтожено жилыми постройками XVIII-XX вв. Общая площадь раскопов составила более 300 м².

В зонах, свободных от жилых и производственных строений, культурный слой претерпел значительные разрушения при строительстве дорог и прокладки водо- и газопроводов.

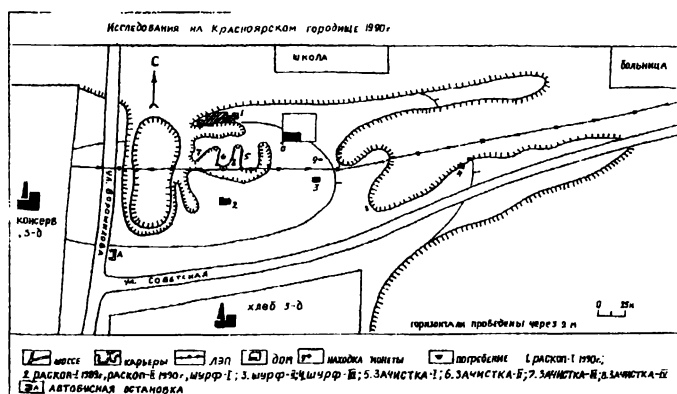
Раскопки носили охранно-спасательный характер. Исследования проводились отрядом Астраханского пединститута под руководством Казакова П.В. (1989 г.) и Шнайдштейн Е.В. (1990 г.).

История Красноярского городища времен Золотой Орды, в исторической литературе, практически не освещена. В "Трудах Астраханского губернского Статистического комитета" в разделе "Описание населенных местностей Красноярского уезда за 1875 г." сообщается о многочисленных "могильных холмах" в окрестностях Красного Яра (3). В то же время появляются сведения о случайных находках археологических предметов в Красном Яру (4, 5).

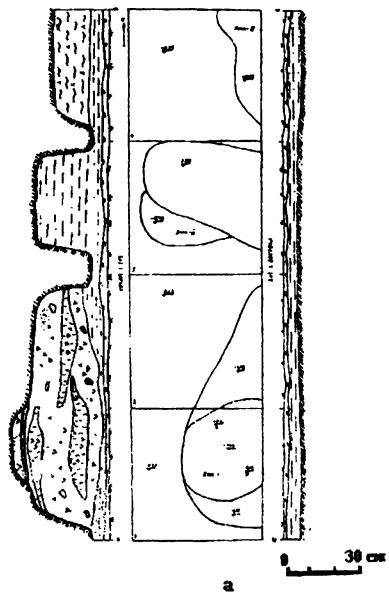
Раскоп I (1989 г.) был заложен к В от консервного завода, в 10 м к С от проезжей части улицы Ворошилова и в 120 м к

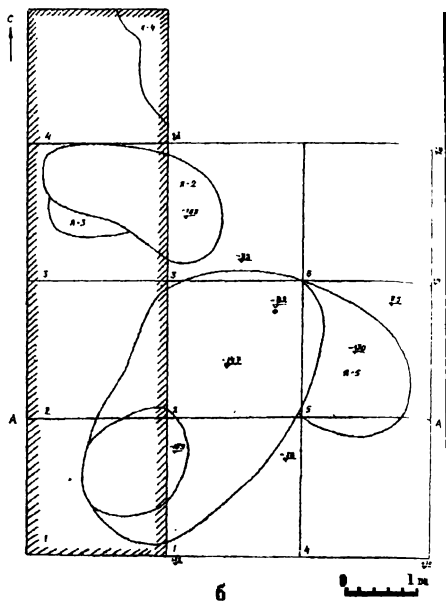
а) Схема исследований в райцентре Красный Яр в 1989 г.

б) Схема исследований в райцентре Красный Яр в 1990 г.

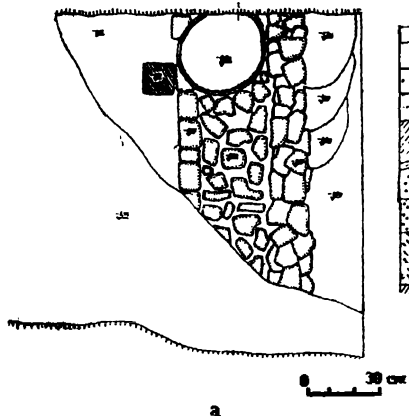

а

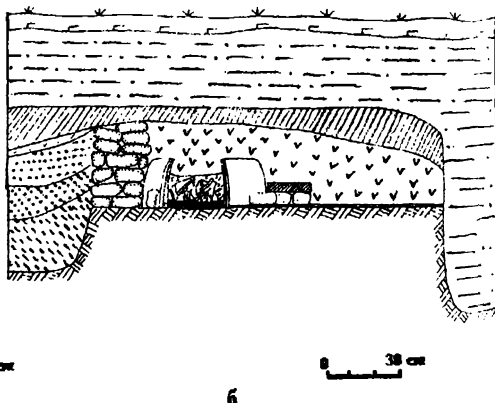

б

Рис. 2. а, б. Раскоп 1989 г. и 1990 г.

а

б

Рис. 3. а, б. Остатки дома

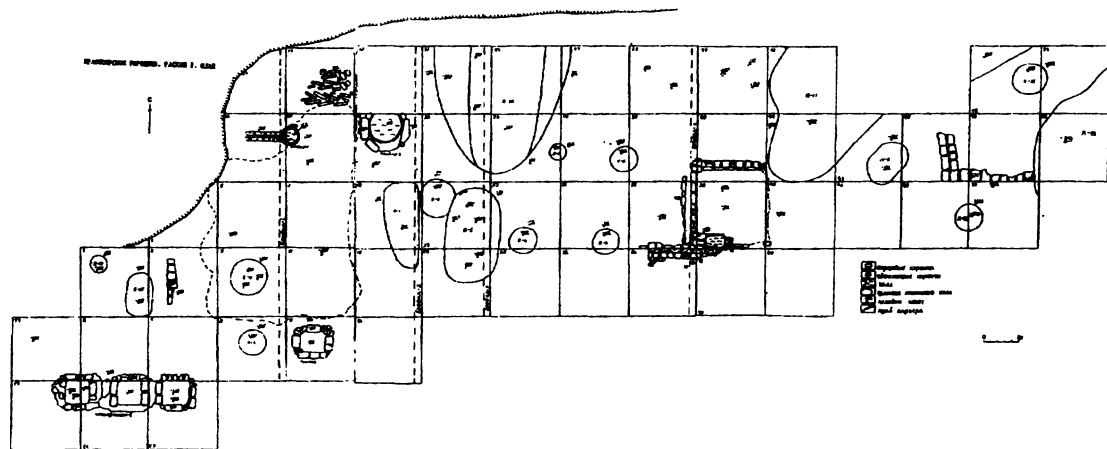

Рис. 4. План раскопа I 1990 г.

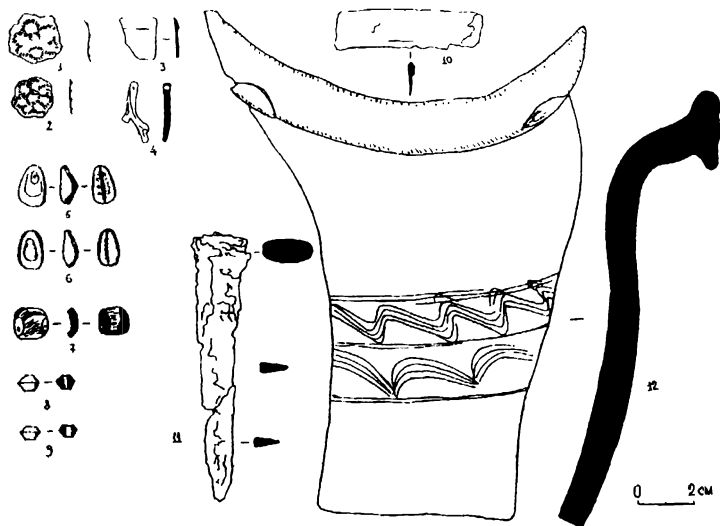

РИС. 13. - МЕТАЛЛ, 2 - ОБЛ. БРОНЗОВОГО ЗЕРКАЛА, РАКОВИНЫ КАУРИ,
- Г/СМ, - БРОНЗОВАЯ ПЛАСТИНА, 11 - НОЖ ЖЕЛЕЗНЫЙ, ОБЛ. КРАС

Рис. 5. Находки из дома № 13

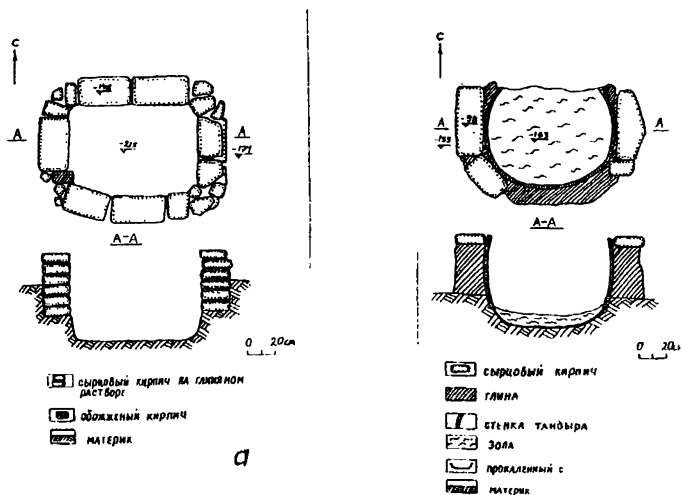

Рис. 6 а. тошна, б. тандыр

ВСВ от автобусной остановки на улице Советской, площадью 16 м² (рис.2).

Сверху залегал дерновый слой мощностью 5-10 см. В южной части раскопа была обнаружена яма № 1, полностью исследовать которую в 1989 г. не представилось возможным. В 1990 г. был заложен дополнительный раскоп площадью 24 м. В результате исследования выявлены размеры ямы, которые составили 4,6х2,6 м, глубина 1,56 м. В заполнении ямы, кроме многочисленных обломков красноглиняной гончарной керамики (557 фр.), найдены кости мелких (156) и крупных (31) домашних животных, обломки гончарных сероглиняных сосудов (83 фр.), фрагменты кашинных сосудов с полихромной подглазурной росписью (40 фр.), обломки верхней части тандыра, глиняное грузило (таш), костяная ручка ножа, 2 медных золотоордынских монеты.

В 20 см к СЗ от ямы № 1, была обнаружена яма № 2 (2,78х1,15 м, глубина 1,00 м) не содержащая находок.

С В к яме № 1 примыкала яма № 5 (1,5х1,8 м, глубина 0,9 м). Заполнение ямы заленовато-серого цвета суглинок с обломками костей животных (42) и красноглиняной гончарной керамики (38 фр.). По конструкции и характеру заполнения данные ямы являлись хозяйственными (мусоросборниками).

В том же 1989 г. в 80 м к СВ от раскопа I, в обрыве карьера были обнаружены остатки дома золотоордынского времени (рис.3). Было проведено доисследование и вскрыт участок площадью 6,5 м². В результате раскопок была вскрыта часть дома, нарушенная с южной и западной сторон хозяйственной ямой XIX в. Сохранилась часть восточной стены дома, сложенной из обломков сырцовых кирпичей. Толщина стены 25-30 см, высота до 40 см. К стене примыкала суфа высотой 23 см от глиняного пола. Со стороны комнаты суфа выложена из прямоугольных обломков сырцового кирпича. Непосредственно в суфу встроен тандыр (диаметром 53 см, высотой 24 см). Тандыр двуслойный снаружи стенки укреплены обломками золотоордынской круговой керамики. Со стороны комнаты тандыр имел отверстие шириной 15 см. Пол дома глинобитный, натоптанный. На полу дома были обнаружены: обломки красноглиняных гончарных сосудов (5 фр.), стенка кашинной чаши с подглазурной полихромной росписью. Внутри тандыра также были найдены обломки керамики (4 фр.) и коровий альчик со свинцовой заливкой.

В 1990 г. были продолжены исследования городища (рис.4). В 115 м к В от консервного завода, на краю карьера в северной части бугра, был заложен раскоп I (1990 г.), общей площадью 228 м². Стратиграфия на раскопе достаточно проста: 1 слой - дерн со средней травянистой растительностью (до 8 см); 2 слой - супесь с вещами XIX-XX вв. (до 40 см); 3 слой - серая супесь с немногочисленными находками керамики золотоордынского времени и единичными находками керамики XIX-XX вв. (до 45 см); 4 слой - коричневый плотный слой с находками вещей золотоордынского времени (до 36 см); 5 слой - коричневый суглинок без находок (до 35 см); 6 слой - материк.

Плотность сооружений на раскопе невелика. Исследованы 17 различных хозяйственных ям (конструкция неясного назначения), остатки минимум трех золотоордынских домов, разрушенных во время землеустроительных работ. Со всеми объектами связано значительное количество керамического материала. Здесь преобладает круговая керамика: большинство сосудов найдено в развалах, на них есть следы эксплуатации. Сосуды представлены различными сериями, разными по форме и размерам. Можно предположить, что на этом месте располагались жилые помещения. Следует отметить также находки различных бытовых предметов из кости, железа, украшения, монеты. Косвенным подтверждением наличия на данном участке не производственных, а жилых объектов, может служить обилие хозяйственных ям и большое количество костей животных: всего на раскопе их обнаружено: костей крупного рогатого скота 134, мелкого рогатого - более 1000, различных пород рыб (частик, осетровые) более 20.

Приведем характеристику объектов на раскопе I (1990 г.). Яма № 15 (участок 1) овальной в плане формы, размерами 1,2х0,7 м, глубиной 1,45 м. Заполнение - серо-зеленая супесь с прослойками золы. Находки - 17 обломков красноглиняных гончарных сосудов, 12 обломков кашинных поливных сосудов, 2 красноглиняных светильника со следами копоти внутри и снаружи.

Яма № 14 (участок 1) круглая в плане, диаметром 47 см, глубиной 53 см. Заполнение - зола. В яме найдено 2 обломка красноглиняного гончарного сосуда со следами лощения по тулову.

На участке 4 обнаружены остатки кладки из обломков плосколежащих сырцовых кирпичей, высотой в один кирпич. Кладка вытянулась по линии С-Ю на 1,35 м. В районе кладки

найденны - бронзовая проволочная подвеска и обломок костяной накладки на лук.

На участке 6, 7, 9, 10, 20 прослеживался слой извести толщиной до 5 см, под которым обнаружился глиняный напоя пола толщиной от 3 до 5 см. Под полом в центре участка 7 была обнаружена яма № 13, круглая в плане, диаметром 105 см, глубиной 64 см. Заполнение - серая супесь. Находки из ямы: 3 медные золотоордынские монеты, обломок бронзового зеркала, подвеска из веточки розового коралла, 2 подвески из раковин "каури", 3 стеклянные бусины, железный нож, обломок красноглиняного хума, бронзовая пластина, 2 фрагмента ткани, с вышитыми медной нитью цветками (рис.5).

Яма № 2 (участок 8) круглая в плане, диаметром 80 см, глубиной 45 см. Заполнение рыхлое, серо-зеленая супесь. Находки в яме: обломки гончарных красноглиняных (9 фр.) и серо-глиняных (2 фр.) сосудов, астрагал барана со следами обработки.

На участке 11 обнаружена кладка тошнау (рис.6/а). Тошнау сложено из целых и обломков сырцовых кирпичей на глиняном растворе. В кладку вмонтированы и обломки обожженных кирпичей. Размеры тошнау 140х107 см, глубина 65 см. Размеры целых сырцов 40х20х7 см. Кладка тошнау на 3 кирпича приподнята в материк. Заполнение плотное коричнево-серого цвета. Внутри тошнау находились: костяная орнаментированная рукоять, черешковый железный наконечник стрелы, кремь, бронзовые - серьга в виде знака вопроса, крючок, цепочка, подвеска, горошина речного жемчуга, обломки красноглиняной (2) и сероглиняной (1) гончарной керамики, 4 обломка кашинных поливных сосудов.

В северной части участка 13 обнаружен тандыр-1, северная часть которого не сохранилась (рис.6/б). Стенки тандыра обмазаны глиной (толщина обмазки до 20 см). По верхнему краю плоско уложены сырцовые кирпичи (50х20х7, 20х10х7 см). Размеры тандыра: диаметр 96 см, глубина 65 см, дно тандыра заглублено в материк на 30 см. Заполнение - серо-золистый слой, на дне тандыра сплошной слой золы (до 10 см). Возле тандыра найдены: железный нож, 2 серпа, штырь.

Яма № 1 (участок 14) вытянутой формы, размером 255х100 см, глубиной 220 см. Заполнение - зеленовато-серая супесь с прослойками извести и золы, с обломками костей животных (346 фр.) и керамики (гончарной красноглиняной 223 фр., сероглиняной - 10 фр., кашина 36 фр.), фрагмент

ручки лепного красноглиняного котла, красноглиняный светильник, 3 стеклянные бусины, обломки железных серпа и котла, обломки 2 оселков (рис.7).

На участках 18 и 20 обнаружен тандыр-2, с примыкающими к нему с запада канами (дымоходами) (рис.8). Диаметр тандыра 60 см, глубина 42 см, толщина обмазки до 10 см, нижняя часть заглублена в материк на 15 см. Заполнение: в верхней части - коричневая плотная глина, в нижней - сплошной слой золы (28 см). Длина канов - 120 см, заглубление в материк - 2 см. Каны заполняла зола, их перекрывали обломки сырцовых кирпичей. Внутри тандыра была найдена медная золотоордынская монета. Под глиняным полом к ЮВ от тандыра обнаружена еще одна медная монета.

На участке 19 обнаружен развал стены из сырцовых кирпичей и их обломков. Размер целых кирпичей 47x20x7 см.

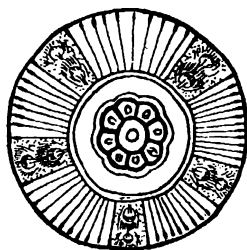
На участках 21, 22, 25, 26 располагалась яма № 12, северный край которой разрушен карьером. Яма овальной формы размером 370x390 см, глубиной 230 см. Заполнение: комковатая коричневая глина с линзами зеленовато-серого цвета, прослойками золы, многочисленными костями животных и обломками золотоордынской керамики. Кроме перечисленного выше в яме были найдены 2 медные золотоордынские монеты, 2 ножки дигирных сосудов, обломок красноглиняного сфероконауса, обломок кашинных поливных сосудов типа "минаи", фрагмент стеклянного сосуда, обломок стенки сероглиняного штампованного сосуда.

На участке 23 располагалась яма № 3, округлая в плане диаметром 110 см, глубиной 150 см. Юго-восточная часть ямы нарушена ямой № 5. Заполнение: коричневая плотная глина с линзами серо-зеленого цвета, прослойками золы, обломками костей животных (110 фр.) и золотоордынской керамики (гончарной красноглиняной - 88 фр., сероглиняной - 1 фр., кашинной поливной - 41 фр.).

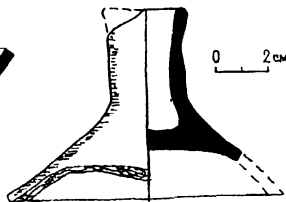
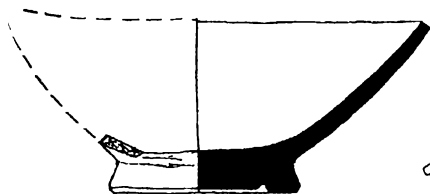
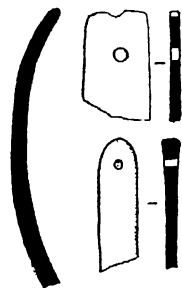
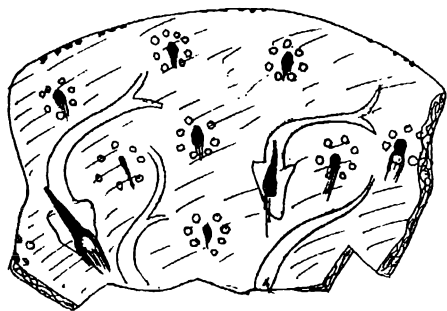
Яма № 5, примыкавшая к яме № 3, располагалась на участках 24, 27, 28. Яма овальной формы, размером 280x160 см, глубиной 212 см. Заполнение: коричневый плотный слой с линзами серо-зеленого цвета и прослойками золы, обломками костей животных (457 фр.) и золотоордынской керамики (гончарной красноглиняной - 54 фр., сероглиняной - 5 фр., лепной красноглиняной - 2 фр., сероглиняной штампованной - 14 фр., кашинной поливной - 93 фр.). Кроме выше перечисленного, в яме были найдены: фрагменты предметов из железа

1

0 4 см

0 2 см

Рис. 7. Находки из ямы № 1

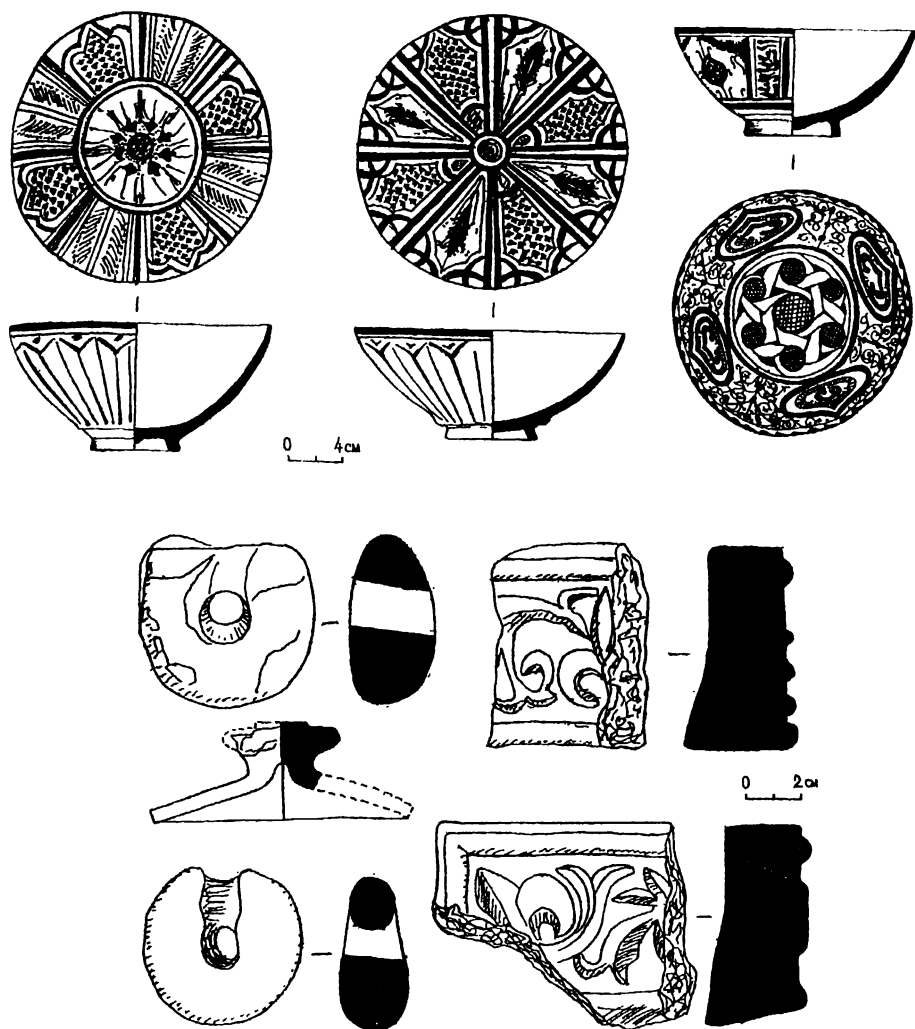
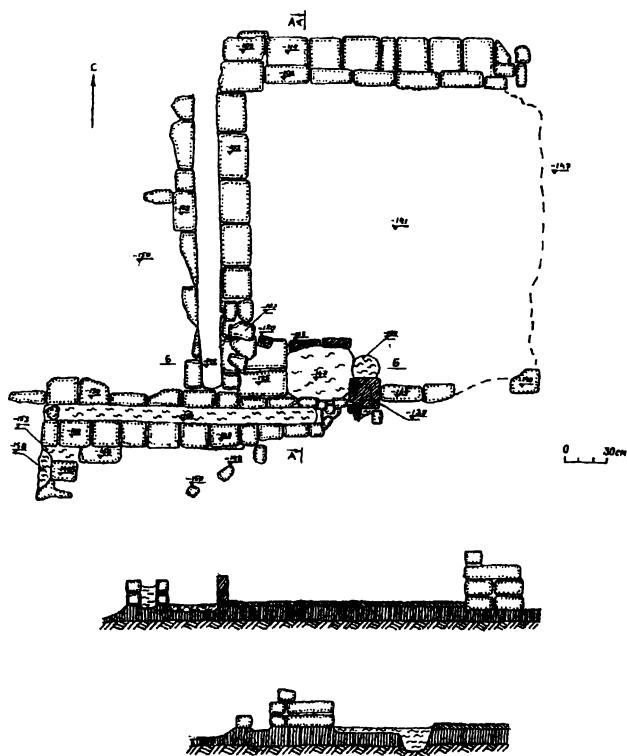

Рис. 9. Находки из ямы № 5

КРАСНОРСКОЕ ГОРОДИЩЕ. ПЛАН ДОМА. РАЗРЕЗЫ ДОМА.

Рис. 10. План дома

(18 фр.), 4 медные и 1 серебрянная золотоордынские монеты, 2 обломка бронзового котла, 5 обломков обмазки тандыра, 2 рыболовных грузила (таше), 2 свинцовых грузика, обломок бронзового зеркала, 2 стеклянных и 1 сердоликовая бусины, железный наконечник стрелы, 2 обломка красноглиняных архитектурных изразцов (рис.9).

Яма № 7 располагалась на участках 26 и 30. Яма круглой в плане формы, диаметром 46 см, глубиной 80 см. Заполнение: рыхлое, зеленовато-серого цвета. Находки: кость крупного животного со следами обработки, 3 обломка красноглиняной гончарной керамики, стеклянная бусина, железный кованный гвоздь.

Яма № 4 (участок 27) - хоз. яма XIX в.

Яма № 8 (участок 30) круглой в плане формы, диаметром 102 см, глубиной 22 см. Заполнение - коричневый суглинок. Находок нет.

Яма № 6 (участок 31) - хоз. яма XIX-XX вв.

На участках 34, 35, 36, 38, 39, 40 обнаружены остатки золотоордынского дома (рис.10). Сохранились западная и северная кладки дома. Западная кладка сложена из сырцовых кирпичей на глиняном растворе на высоту 5 кирпичей, ширина кладки в один продольно уложенный кирпич. Размеры кирпича 32x20x7 см. Северная стена сложена из сырцовых кирпичей размером 42x26x10 см. Кладка высотой в 3 кирпича. Два нижних ряда уложены продольно, шириной в два кирпича, верхний ряд уложен на них поперечно. Вдоль западной кладки проходил канал, ограниченный сырцовыми кирпичами, возможно, канал кана, однако в нем полностью отсутствовали следы золы. Канал заполняла глина коричневого цвета. С юга, перпендикулярно западной кладке, проходили, сильно разрушенные каны. Лучше сохранился ближайший к кладке северный кан, его длина 2 м, ширина 10 см, глубина 16 см; он заполнен золой. Южнее первого кана частично сохранился второй и частично очаг. С ЮВ к западной кладке примыкали перпендикулярно положенные кирпичи (37x20x7 см). На верхних кирпичах обнаружена медная золотоордынская монета. Эти кирпичи, вместе с частью кладки северного кана и двумя, поставленными на ребро, кусками кирпича-плинфы, ограничивали очаг. Размер очага 70x38 см, заглубление в материк - 20 см. Внутри дома глинобитный пол, толщиной 5-6 см. В доме были найдены медная золотоордынская монета, обломок железного котла, 1

стеклянная и 1 сердоликовая бусины, перстень бронзовый, обломок кирпича-"вавилон".

Яма № 17 (участок 41) - хоз. яма XIX-XX вв.

Яма № 9 (участок 45) неправильных очертаний, размером 122x118 см, глубиной 48 см. Заполнение: супесь. Находки: 7 обломков поливного кашина, 3 обломка красноглиняной гончарной керамики.

На участках 47 и 50 была обнаружена кладка из сырцовых кирпичей (рис.11). Длина кладки с запада на восток 2,6 м, высота в 5 сырцовых кирпичей. Кирпич уложен вперевязку. Размеры кирпича - 42x20x7 см. Северный край кладки нарушен строительной техникой. Восточный край кладки уничтожен современной ямой № 16. С запада примыкала кладка шириной в 2 кирпича, высотой в один кирпич. Длина западной кладки 115 см. В восточной части кладки обнаружено погребение (рис.11).

Погребение 1 обнаружено в восточной части вышеописанной сырцовой кладки под сырцовыми кирпичами. Костяк подростка лежал на спине вытянуто, головой на запад, череп повернут на юг лицом. Правая рука вытянута вдоль тела и слегка согнута в локте. Кисть лежала на крыле таза. Кости ног отсутствовали. Под костяком - органические остатки зеленого цвета. Нижняя часть костяка уничтожена ямой № 16. Вещей нет. Погребение мусульманское золотоордынского времени.

Яма № 10 (участки 48 и 51) округлой в плане формы. Размеры 140x117 см, глубиной 190 см. Заполнение ямы однородное зеленовато-серого цвета. Судя по заполнению яма являлась бадрапом. Находки из ямы: обломок кашинной поливной фигурки коня, обломок белемнита, ручка шила из окаменевшего дерева, 2 красноглиняных светильника, берестяной колчан в обломках 15 фрагментов кашинных поливных сосудов.

Яма № 11 (участок 49) круглая в плане, диаметром 122 см, глубиной 80 см. Заполнение - суглинок зеленого цвета с обломками керамики (гончарной красноглиняной - 24 фр., сероглиняной - 2 фр.).

Яма № 16 (участок 52) - современная.

На участках 55, 56, 57 была выявлена конструкция из трех ям (рис.12). Три квадратные в плане ямы сложены из обломков и целых сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Кладка северной стенки ямы 1, расположенная с западной стороны сохранилась на высоту в 8 кирпичей, южной на 6 кирпичей. Кладка стенок ямы средней и № 3, восточной, сохранилась на высоту в 5 кирпичей. Размеры ям: яма № 1 - 74x70x40 см, яма

№ 2 - 68х72х38 см, яма № 3 - 70х71х40 см. Изнутри ямы обмазаны глиной. Заполнение серая плотная супесь. Находки из ямы № 1 - медная золотоордынская монета, 2 лепных сероглиняных светильника. Находки из ямы № 2 - 12 обломков красноглиняной гончарной керамики. Находки из ямы № 3 - 2 медные золотоордынские монеты, 9 фрагментов красноглиняной гончарной керамики.

Кроме основных раскопов, для выявления границ городища, были заложены три шурфа.

Шурф 1 заложен в 68 м к ЮЗ от "0" репера, вплотную к восточному краю раскопа 2, где были доследованы ямы 1 и 2 (раскопа 1989 г.). Размеры шурфа 4х4 м (рис.1/а). Находки из шурфа: кости мелкого скота (15 обл.) и обломки стенок красноглиняных гончарных сосудов (22 фр.).

Шурф 2 заложен в 39 м к ЮВ от "0" репера (рис.13/а). Размеры 2,4х2,8 м. На дне шурфа обнаружен костяк взрослого человека.

Погребение 2. Яма не прослеживалась. Костяк лежал на спине вытянуто, с легким поворотом на левый бок, головой на СЗ лицом на север. Руки согнуты в локтях и прижаты к груди, кисти рук лежали на ключицах. Правая нога согнута в колене, левая вытянута. Кости стоп отсутствовали. Вещей нет. Находки из шурфа 2: кости мелкого (76 обл.) и крупного рогатого скота (9 обл.), 120 фрагментов красноглиняной гончарной керамики.

Шурф 3 заложен в 170 м к ВЮВ от "0" репера на краю карьера в восточной части Красноярского бугра, размером 3,5х2,4 м. На площади шурфа было обнаружено 5 погребений (рис.13/б).

Погребение 3 (рис.14/а). Яма имела подовальную форму, ориентирована по линии З-В, перекрывалась сырцовыми кирпичами (32х20х7 см). На дне ямы лежали кости ног человека. Судя по их положению, погребенный лежал головой на запад, вытянуто на спине. Вещей нет.

Погребение 4 (рис.14/б). Яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии З-В. По периметру ямы располагались ступеньки. Яма имела заклад, сложенный из сырцовых кирпичей (40х20х7 см). На дне ямы лежал костяк ребенка. Судя по положению костей, сохранивших первоначальное положение, погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на запад, лицом на юг. Вещей нет.

Погребение 5 (рис.15/а). Яма овальной формы, ориентирована по линии З-В. На дне ямы на спине вытянуто, с поворотом

на правый бок, лежал костяк взрослого человека (мужчины), головой на запад, лицом на юг. Правая рука вытянута и слегка согнута в локте. Левая рука согнута с локте, кисть лежала на правом крыле таза. Ноги вытянуты слегка согнуты в коленях. Под костяком обнаружены следы камышовой подстилки. Вещей нет.

Погребение 6 (рис.15/б). Яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии СЗ-ЮВ, имела сырцовый заклад. На дне ямы лежали разрозненные кости ребенка. Судя по сохранившимся костям черепа, погребенный лежал головой на СЗ, вытянуто на спине. Вещей нет.

Погребение 7 (рис.15/в). Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, имела сырцовый заклад. Вдоль западной, северной и восточной сторон имела ступеньки. В южной части ямы находился подбой. Размеры сырцовых кирпичей (44x20x7, 40x20x7 см). На дне ямы, частично в подбое, лежал костяк ребенка на спине вытянуто, с доворотом на правый бок, ориентирован головой на СЗ, лицом на юг. Левая рука согнута в локте, кисть лежала на правом крыле таза. Правая рука вытянута, кисть лежала на кисти левой руки. Ноги вытянуты, слегка согнуты в коленях, кости стоп отсутствовали. Вещей нет.

Погребение 8 (рис.15/б). Сохранилась только южная часть ямы. Судя по сохранившейся части, яма имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. В южной части ямы находился подбой, вход в который перекрывался деревянными плахами. Ширина плах 2-3 см, длина 25-30 см, толщина 1,5 см. На дне ямы, частично в подбое, лежал костяк ребенка на спине, вытянуто, головой на ЗЮЗ, лицом к югу. Кости правой руки вытянуты, кости левой руки уничтожены карьером. Правая нога согнута в колене, кости стоп отсутствовали. Вещей нет.

Судя по конструкции могильных ям, поз погребенных, отсутствию инвентаря - захоронения совершены по мусульманскому обряду, который был характерен на Нижней Волге для XIV-XV вв.

В 1991 г. экспедицией Государственной дирекции охраны памятников истории и культуры Астраханской области проводились разведки в окрестностях пос. Красный Яр (6). Обследованию подверглась северная часть Красноярского бутра, подвергавшаяся интенсивному разрушению в ходе строительства сельской школы. В 70-и м к СВ от раскопа I (1990 г.) были обнаружены остатки горна, глиняные трубы со следами глазури.

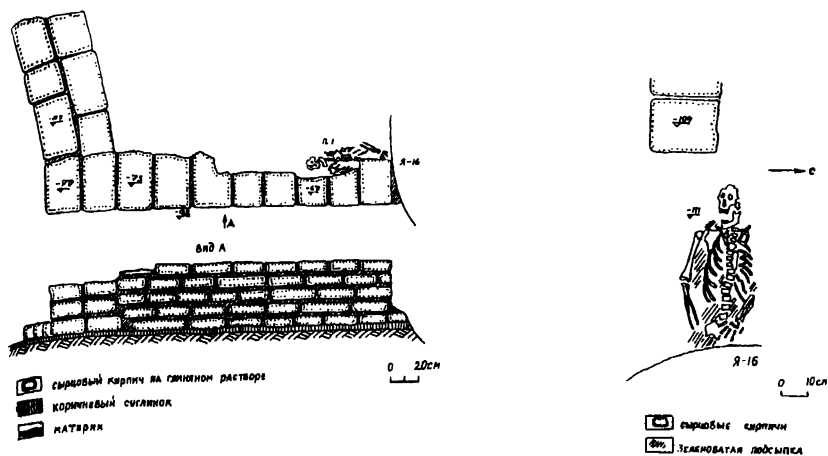

Рис. 11. Кладка. Погребение 1

ПОГРЕБЕНИЯ I. КЛАДКА ИЗ СЫРЦОВЫХ КИРПИЧЕЙ. ПЛАН И РАЗРЕЗ.

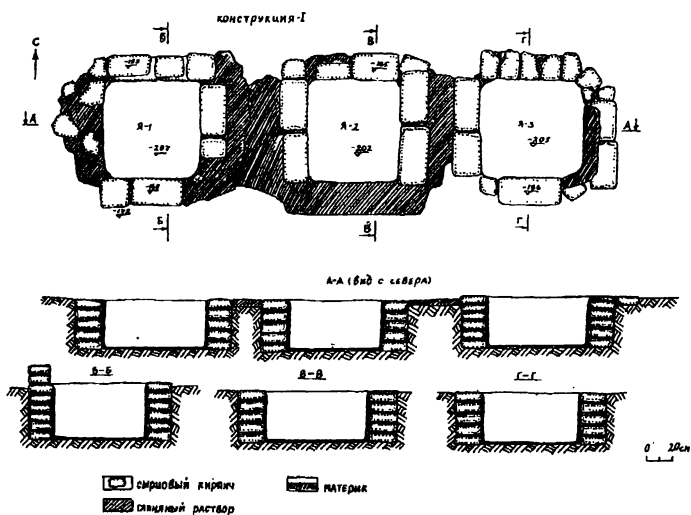

Рис. 12. Конструкция

КОНСТРУКЦИИ ИЗ ТРЕХ АМ. ПЛАН И РАЗРЕЗЫ.

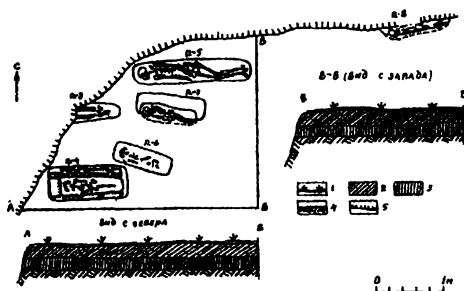
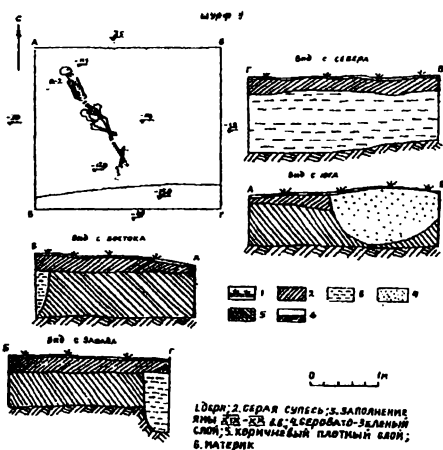
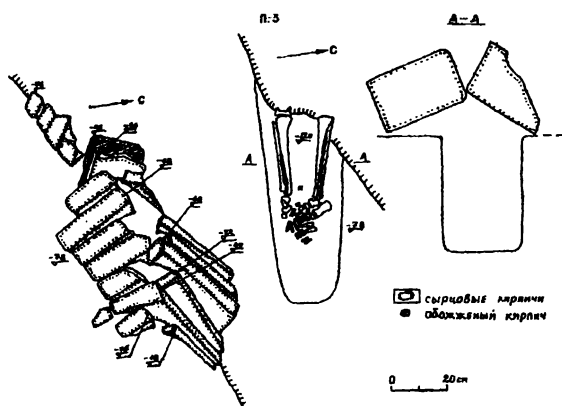

Рис. 13. Шурф II, III погребения

а ПОГРЕБЕНИЕ 3. ПЛАН И РАЗРЕЗ.

б ПОГРЕБЕНИЕ 4. ПЛАН И РАЗРЕЗ.

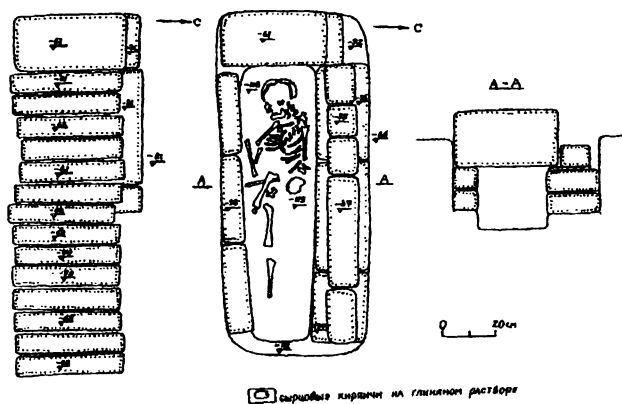
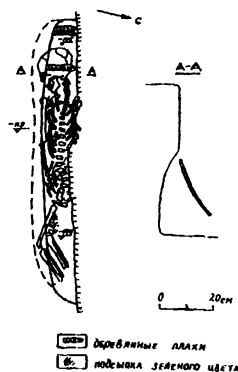
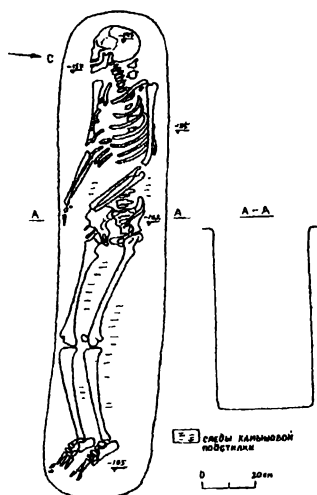
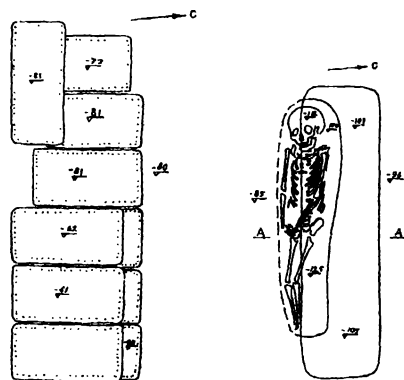
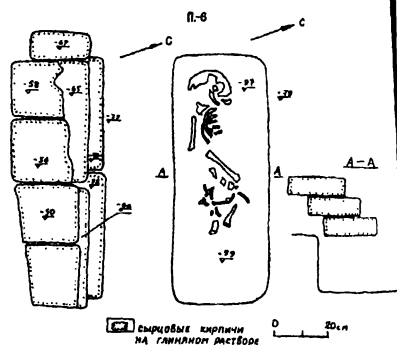

Рис. 14. Планы погребений

а ПЛАН И РАЗРЕЗ ПОГРЕБЕНИЯ 5.

б ПОГРЕБЕНИЯ 7. ПЛАН И РАЗРЕЗ.

в ПОГРЕБЕНИЯ 6 И 8. ПЛАНЫ И РАЗРЕЗ

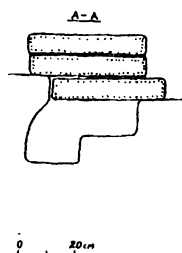

Рис. 15. Планы погребений

обломки красноглиняной гончарной керамики (36 фр.), печной припас (11 сепав, 13 "крючков", 17 "штырей", 7 "лепешек"). Судя по найденному материалу, в данном месте находилась керамическая мастерская золотоордынского мастера. К сожалению, работы по исследованию мастерской и этой части городища не были проведены и в настоящее время на этой территории находятся сооружения школы.

Безусловный интерес представляет керамический и вещевой инвентарь, происходящий из раскопов Красноярского городища. Характер общей публикации результатов раскопок и объем статьи не позволяют дать детальный анализ каждой категории находок. Полученные материалы прежде всего являются определяющими источниками в обосновании датировки городища и этнокультурной его принадлежности.

Многочисленна и разнообразна на памятнике круговая и поливная керамика. Круговая красноглиняная керамика представлена следующими основными группами (по Михальченко С.Е.) (7): кувшинообразные сосуды (категория III группы 3, 4, 5); чаши (категория IV группа 1); горшкообразные сосуды (категория I группа 2) - все вышеперечисленные сосуды представлены многочисленными фрагментами. Существенную долю составляют сосуды хозяйственного и специального назначения: хумы (категория VII группа 1); хумчи (категория VII группа 2) - найдена одна целая форма; ямы (категория VIII); дигирные сосуды (категория IX) - найдено более 10 фрагментов; туваки (категория X) - найдена 1 целая форма и 8 фрагментов; кувшинчики (категория XI) найдена 1 целая форма; копилки (категория XI группа 1) - найдена 1 целая форма и 15 фрагментов; крышки (категория XII группа 2) найдена 1 целая форма и 5 фрагментов; светильники (категория XIII группа 1) найдена 3 целых формы и 24 фрагмента, (группа 2) - найдена 1 форма.

Многочисленны находки глиняных грузил ташей, фрагменты стенок водопроводных труб и сфероконических сосудов (8).

Лепная керамика представлена фрагментами сероглиняных котлов, принадлежащих не менее чем к 3 сосудам; и лепным светильникам близким по форме к светильникам группы 1.

Широко представлена сероглиняная штампованная керамика (фрагменты стенок - 64 фр., поддонов 3 фр., венчиков - 28 фр.).

Особый интерес представляют находки поливной красноглиняной и кашинной посуды. Красноглиняная поливная посуда представлена тонкостенными чашами, покрытыми темно-зеленой поливой (32 фр.), тарелки и блюда с прорезным подглазурным растительно-геометрическим орнаментом, как с полихромной так и монохромной подглазурной росписью.

Кашинная поливная посуда представлена следующими группами (по классификации Н.М.Булатова):

Отдел А, группа I, тип 1 - керамика с подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом (247 фр.);

Отдел А, группа I, тип 2 - керамика с подглазурной полихромной росписью без рельефа (4 целых и 481 фр.);

Отдел А, группа II, тип 1 - керамика с черной росписью (54 фр.);

Отдел А, группа II, тип 3 - бирюзовая полива без росписи с рельефом (3 фр.);

Отдел А, группа II, тип 4 - керамика с ультрамариновой поливой без росписи и рельефа (8 фр.);

Отдел Б, группа I, тип 1 - керамика с белой поливой без росписи (37 фр.);

Отдел Б, группа I, тип 2 - керамика с росписью "под люстр" (6 фр.);

Отдел Б, группа I, тип 3 - керамика с полихромной росписью в стиле "минаи" (4 фр.).

Вышеперечисленные виды кашинной керамики относятся к сосудам типа пиал и кос (чашевидные).

За период работы на городище была найдена 21 монета, из них 3 серебряные, остальные медные. Все монеты чеканки Сарая. Из них самая ранняя, вероятно конец XIII в., монета с тамгой дома Джучи. Основная масса монет приходится на конец 20-30-х годов XIV в., т.е. на период правления Узбек-хана. Самая поздняя монета относится к 791 г.х. (1390-1391 гг.). Монетный материал дает возможность с известной долей вероятности очертить время существования городища - конец XIII-90-е гг. XIV вв. (часть монет определена Г.А.Федоровым-Давыдовым).

Полученный вещевой материал позволяет сделать выводы о хозяйственной жизни населения города. Красноярское городище являлось крупным центром городской культуры с развитой сельскохозяйственной округой. Многочисленные фрагменты дигирных сосудов, находка жернова, серпов, зерен проса, дынь, арбуза, тыквы, как на городище так и на находящемся на пра-

вом берегу могильнике Маячный-1 подтверждают это. Важное место в хозяйстве жителей городища занимало и рыболовство, о чем свидетельствуют находки железных крючков, грузил от сетей и многочисленные костные останки осетровых и частиковых рыб. Находки предметов из железа, стекла, кости, керамики говорят о развитой ремесленной деятельности.

Материал исследований на Красноярском городище позволяет поставить проблему провинциального золотоордынского города. Для Золотой Орды в решении этой проблемы единственным источником являются археологические материалы, получить которые можно только в процессе широких исследований, необходимость которых очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казаков П.В. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1989 году //Архив АКМ.
2. Шнайдиштейн Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1990 году //Архив АКМ.
3. Труды Астраханского статистического комитета. Астрахань. 1877. Вып.5.
4. "Астраханские губернские ведомости". 1857. № 50,
5. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т.4.
6. Артемьев С.Б. Отчет об археологических разведках в Красноярском районе Астраханской области в 1991 году //Архив АКМ.
7. Митальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья //СА. 1973. № 3.
8. Пигарев Е.М. Сфероконические сосуды из фондов Астраханского музея-заповедника //Древности Волго-Донских степей: Волгоград, 1993. Вып.4,
9. Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов //СА. 1968. № 4.

Т.Б.Никитина
г.Йошкар-Ола
К.А.Руденко
г.Казань

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА МОГИЛЬНИКА НИЖНЯЯ СТРЕЛКА

В погребальном инвентаре могильника Нижняя Стрелка выделяются металлические сосуды, сделанные из меди, железа и бронзы. Часть из них, уникальные бронзовые чаши, уже опубликованы (1). В данной работе мы остановимся на железных и медных котлах, весьма часто встречающихся в марийских некрополях XI-XIII вв. (2, 3).

На могильнике обнаружено 17 металлических котлов, 10 из них железные, 7 медные.

Железные котлы. Шесть экземпляров этих изделий обнаружены в могилах (пп.4, 11, 15, 22, 23-2 экз.): 3 из них располагались в засыпи, 3 в ногах погребенных. Один котел входит в жертвенно-ритуальный комплекс 11, остальные найдены в межмогильном пространстве. За исключением п.22 все сосуды обернуты кверху дном.

Изделия практически одного типа, незначительно отличаются по размерам. Они изготовлены из отдельных, довольно толстых (до 0,5 см) пластин с помощью заклепочных соединений. Многочастная сборка позволяла моделировать тулово сосуда, придавая ему приближенную к полусферической форму. Котел состоит из трех частей: верхней, собранной из двух, реже трех (погр. 24) полос, шириной 7-8 см; средней - из трех (НС-87/230а), чаще четырех пластин шириной 10-10,5 см и длиной 18 см и донной чашечки (рис.1). Последняя, диаметром 17-18 см состоит из двух сегментов, соединенных, вероятно, кузнечной сваркой внахлест. Полосы верхней и средней части стыковывались также внахлест с помощью железных заклепок одинарным швом (рис.1/1а,б) с шагом между заклепками в 4,5-5 см. На котле из погр.23 на венчик приварена небольшая (шириной до 1,5 см) полоска железа.

После сборки к венчику прикрепывались железные ушки. Сделаны они из подпрямоугольного или подквадратного в сечении дрота толщиной до 0,4 см и имеют раскованные круглые или чуть приостренные окончания для одной заклепки

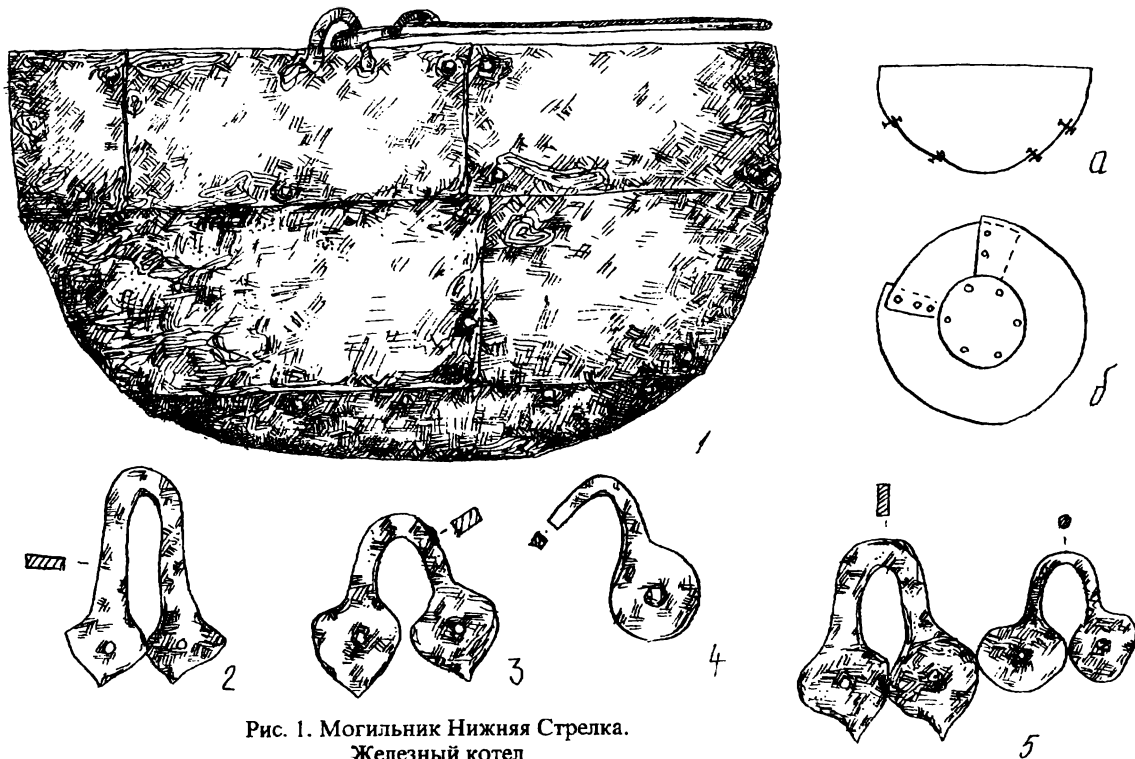

Рис. 1. Могильник Нижняя Стрелка.
Железный котел

(рис.1/2-5). Размеры их в среднем не превышают соотношение 4,7х4,2.

Практически у всех сосудов были железные дужки. Некоторые из котлов имеют следы починки специальными заплатками.

Датировка железных котлов произведена на основании сопоставляющих им в погребениях вещей.

Дата погребального комплекса 15 может быть определена по плетеному браслету с завязанными концами и нанизанными колечками (рис.4/3), аналогичному находкам из Владимирских курганов XI-XII вв. (4) и из могильников мешеры и муромы XI в. (5).

При определении даты погребения 11 обращает на себя внимание кресало с бронзовым навершием схематически изображающим головы зверей (рис.5/3). Это кресало приближается к кресалам группы II, типа 4, варианта II классификации Л.А.Голубевой (6), бытовавшим в первой половине X в. От них изделие могильника Нижняя Стрелка отличается еще большей схематизацией рисунка, на котором уже невозможно выделить ни ушей, ни глаз. Усиленная стилизация предполагает позднюю дату чем кресала, опубликованные Л.А.Голубевой. По ее мнению, огнива с бронзовыми рукоятками не встречаются позже середины XI в. С этого периода они сменяются огнивами калачевидной и овальной форм (7). Вероятно, изделие из погребения 11 является одним из поздних экземпляров этой группы вещей и относится к первой половине XI в. О позднем бытовании этого изделия говорит и калачевидное кресало с уступчиком, найденное с этом же погребении.

В пользу XI в. свидетельствует и комплекс одновременного трупосожжения (11-а) с гладким бусинным височным кольцом славянского типа (рис.4/1, 5/4), совершенного в одной могильной яме с вышеописанным захоронением 11 в головах умершего. На основной территории распространения аналогичные украшения бытовали в X-XII вв. (8), а в восточные регионы стали проникать не ранее XI в.

На первый взгляд более ранним кажется погребение 4. Здесь найдены серебрянный односторонний оттиск с подражания куфическому дирхему и серебрянный дирхем, чеканенный в Андерабахе в 297 г.х. (909-910 гг.) (9) при Ахмеде бен Исмаиле Саманидской династии. Дирхем имеет отверстие для подвешивания и использовался в качестве украшения. Несмотря на достаточно раннюю дату монеты, вещевой комплекс этого по-

гребения по аналогиям височной подвеске с бубенчиком (Рис.4-5) среди западнофинских древностей (10) и витой гривне с раскованными и орнаментированными концами (рис.4/6) среди славянских изделий (11) относится к XI в.

За основу датировки погребения 23 взят плетеный браслет с завязанными концами XI в., аналогичный изделию из погребения 15, и витой браслет из двух проволок с перевитием с тонкими концами, застегивающимися с помощью петли (рис.4/2). Витые тонкоконечные браслеты найдены при раскопках Новгорода в слоях XII-XIV вв., а в Киеве в составе клада XI-XII вв. (12). Датировка может быть уточнена (не ранее первой четверти XI века.) английским денарием чекана 1017-1023 года Венчестера Кнута.

В целом все погребения с железными котлами из могильника Нижняя Стрелка датируются XI в. По материалам других марийских могильников подтверждается, что железные котлы бытовали в течении XI в, возможно, заходя в XII в.: погребение 14 Веселовского могильника. перв.пол. XI в. (13, с.52). погребения 2, 16, 11, 18 Выжумского III могильника (14, с.65-67), погребение 13 Веселовского могильника (15, рис.41-18, 20-3). В более позднее время железные котлы рассмотренного типа не встречаются.

Медные котелки являются частью жертвенно-ритуальных комплексов 1 и 5. Два медных изделия зафиксированы в погребениях 1 и 19, которые по основным чертам вернее было бы назвать также жертвенно-ритуальными комплексами. Часть сосудов обнаружена в межмогильном пространстве.

Котелки изготовлены из отдельных листов (до 0,3-0,4 см), с помощью швов "в зубец" и, возможно, фальцовки (17). Клепка, в отличие от железных котлов, применяется только для ремонта и крепления ушек. По форме котелки цилиндрические, с чуть выпуклым дном.

Вещевой комплекс погребения 1 возможно датировать по нагрудным коньковым подвескам с шумящими привесками (рис.5/2). Реалистически выполненные головы коней на круто выгнутых свободно опущенных шеях и битрапиевидная прорезь в центре позволили отнести их к типу VI, варианту 1 классификации Л.А.Голубевой, который имел наибольшее распространение в родановской культуре X в. (18).

Погребение 19 содержит набор украшений, среди которых находятся нагрудные трапиевидные, ажурные коньковые

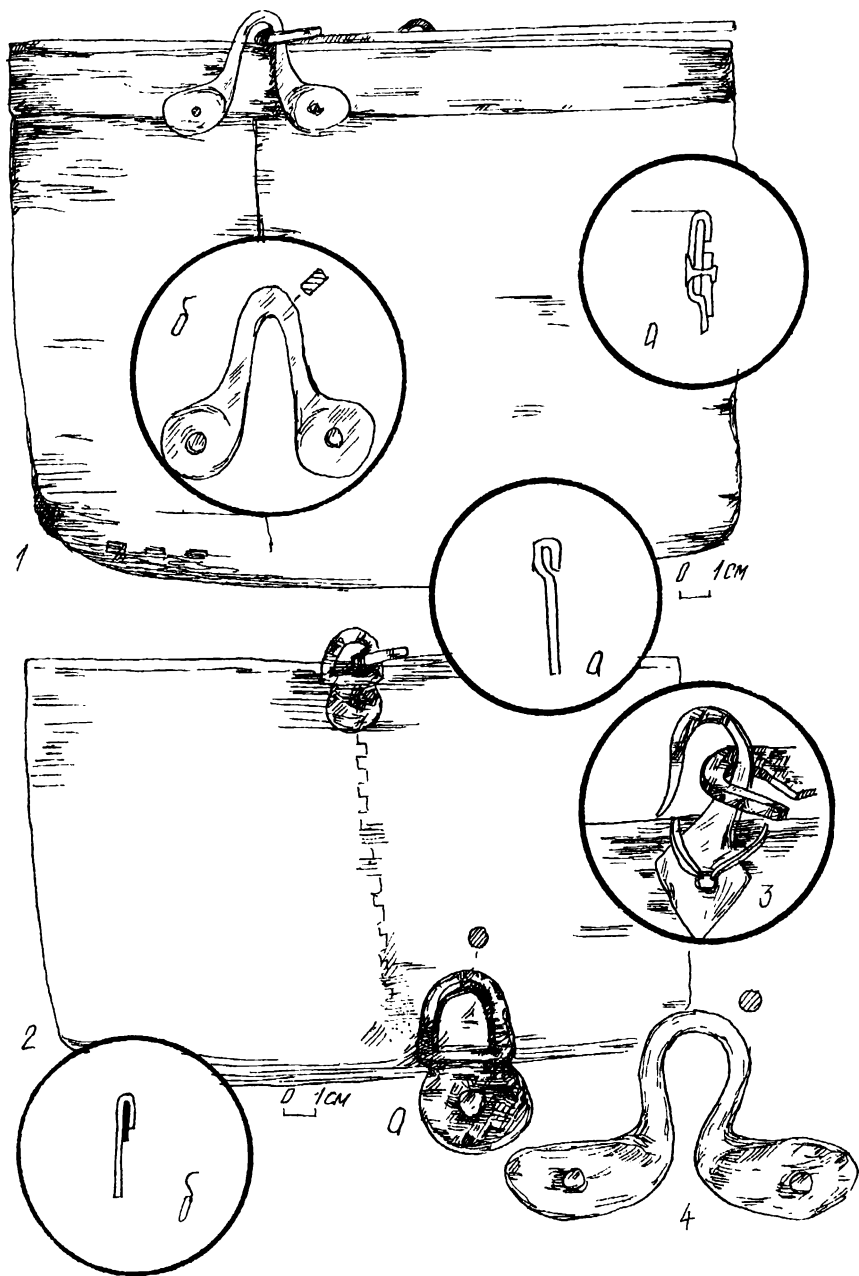
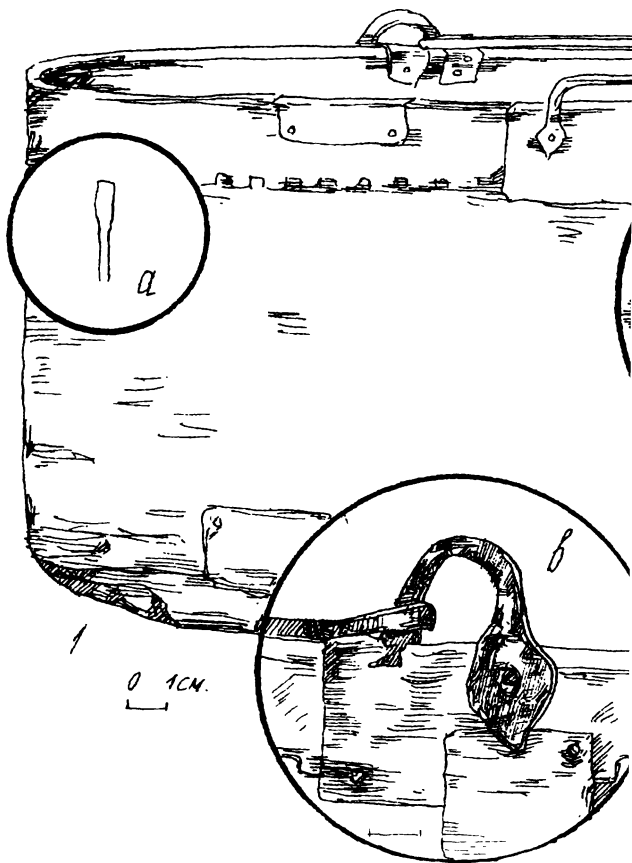

Рис. 2. Могильник Нижняя Стрелка.
Медные котлы: 1 - тип 1, 2 - тип 2

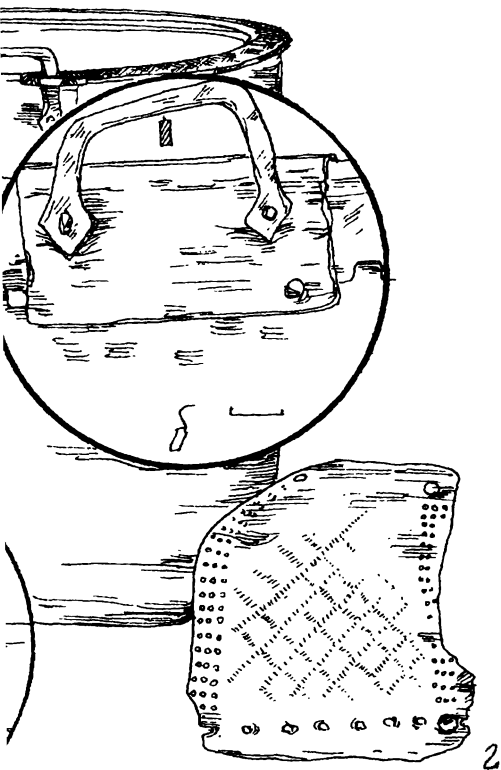

Рис. Могильник Нижняя Стрелка.
Медный котел - тип 3

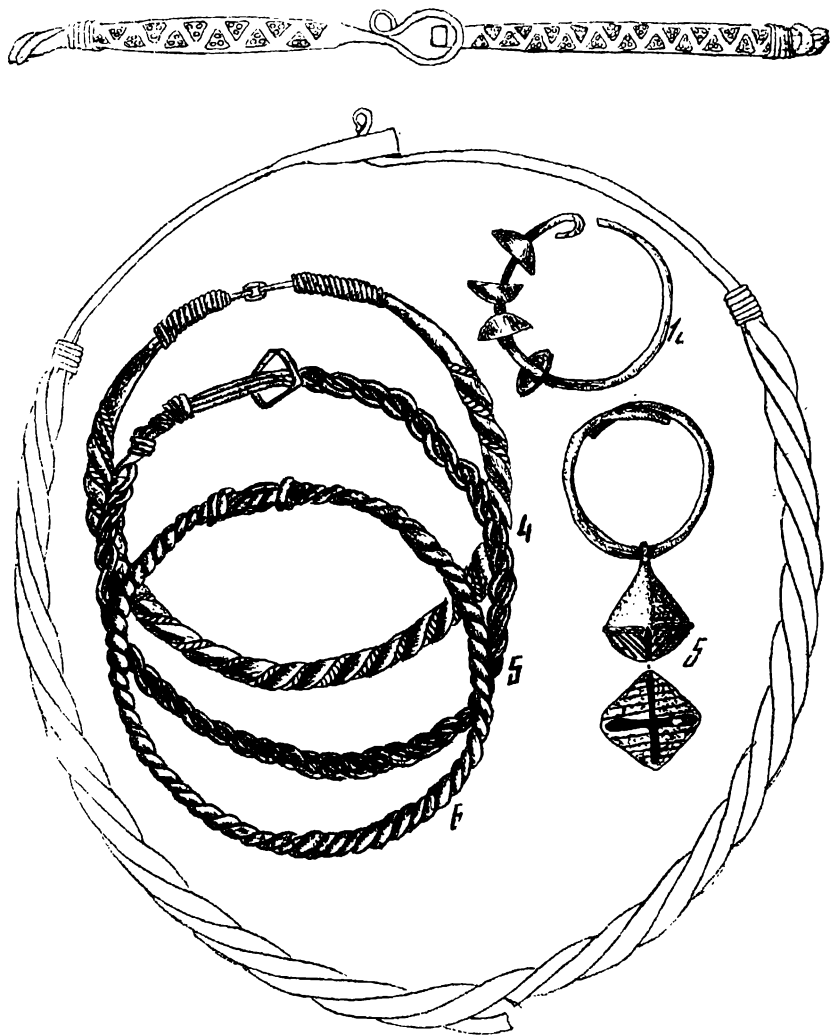

Рис.4. Могильник Нижняя Стрелка.
1 - п. 11-а; 2, 4 - п. 23; 3 - п. 15; 5, 6 - п. 4

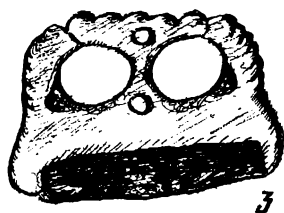
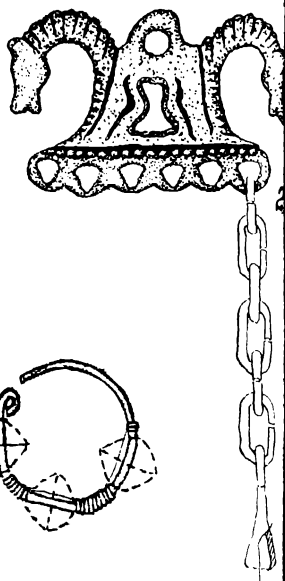

Рис. 5. Могильник Нижняя Стрелка.
1 - п. 19; 2 - п. 1; 3 - п. 11; 4 - п. 11-а.

подвески (рис.5/1) варианта 2 типологии Л.А. Голубевой, датирующие это погребение X-первой половиной XI в. (19).

Можно вделить три типа медных котелков. К первому (3 экз.) относятся поделки диаметром 18-20 см, высотой 13-15 см, собранные из двух или трех частей только швами "в зубец" (рис.2/1). Интересно, что на одном из сосудов (НС-87/548) зубчики были нанесены с обеих сторон заготовки, тогда как на других (там где удалось исследовать) надрезался только один край заготовки, другой только слегка упрощался.

Отличает этот тип устройство венчика: с внешней стороны на край сосуда была положена медная полоска шириной от 1,5 до 2,5 см и толщиной 0,15 см, которая закреплялась загнутым верхним краем стенки (рис.2/1а), а также заклепками. После этого венчик, вероятно, проковывался.

Ушки у этих сосудов железные или медные (рис.2/16,3). Несколько выделяются медные ушки, сделанные из круглого в сечении дрота, имеющие плавный изгиб дуги (рис.2/4) и округлые вытянутые окончания.

Дужки котелков в двух случаях были медными с острыми и обрубленными концами крючков. Откованы они были из прямоугольного до 0,4 см дрота. Железная дужка имеет чуть более широкое нижнее основание дуги и оригинальные кончики крючка, оформленные в виде небольших шишечек.

Стенки котелков покрыты толстым слоем нагара, однако следов ремонта практически нет (в одном случае (рис.2/3) обломанное железное ушко было прикручено медной проволочкой).

Анализ материала некрополей Марийского Поволжья показывает, что котелки первого типа появляются в середине-конце X-начале XI вв. Верхняя граница их бытования трудноуловима; однако целые формы позже середины XI в. нам не известны. На поделках конца XI-XIII вв. не встречается и подобное оформление венчика.

Второй тип (1 экз.) имеет диаметр 25,7 и высоту 13,6 см (рис.2/2). Корпус сосуда собран из 2 половинок швом "в зубец" и, видимо, фальцовкой; причем шов здесь прокован так тщательно, что получилось единое целое. Дно в виде чуть уплощенной чаши, вставлено в надрезанные края корпуса. Венчик котелка загнут вовнутрь на 0,7 см и под него подложена медная полоска толщиной 0,1 см и шириной 0,5 см (рис.2/26). Железные ушки (2,2х3,8 см) откованы из целой пластины с отверстием для одной заклепки (из меди) внизу и для дужки, в

виде рамки, сверху (рис.2/2а). Дужка поделки железная. В придонной части сосуда имеется небольшая заплатка овальной формы (5,7х2,9 см), поставленная с помощью шва "в зубец" в отличие от других подобных заплаток.

Сосуды второго типа весьма редки. Сочетание фальцовки и швов "в зубец" при сборке корпуса встречены также на котелках из Кузьминского мордовского могильника XI-XIII вв. (25, с.57-58). Можно предположить, что этот тип появляется где-то в середине XI в. Использование в качестве подкладки под венчик узкой металлической полоски широко распространяется на медных сосудах XII-XIII вв. (26, с.27, рис.51-1), впрочем, здесь венчик имеет другую форму.

Третий тип (1 экз.) имеет диаметр 25,7 и высоту 13,6 см (рис.3). Корпус котелка состоит из двух частей - верхняя шириной 2 см сделана, скорее всего, из одной медной полосы, нижний край ее надрезан, а верхний слегка утолщен (рис.3/1а). Вторая часть собрана из трех неравных частей: одной большой и двух маленьких, соединенных швом "в зубец". Дно несколько уплощенное.

Аналогичные по форме, технологии и деталям сосуда второго и третьего типа встречены в Веселовском могильнике погр.25, X-начало XI в. (20, с.67) и Выжумском могильнике погр. 1 конца X-XI вв. (21, с.58-59). Сосуды близкие к первому типу найдены во II Старобадиковском могильнике в Мордовской ССР (22) и в Крюковокужновском могильнике в Тамбовской области (23); датируются они также X-XI вв.

Третий тип котелков по своим конструктивным особенностям и отдельным деталям довольно необычен. Близок к нему котелок из Шокшинского могильника (раскопки В.Н.Шитова) и, вероятно из Кичилькосьского могильника X-XI вв. (27). В целом, видимо, этот тип существовал наряду с типами 1 и 3 в течение X-XI вв.

Медные ушки (рис.3/1б,в), сделанные из круглого и прямоугольного дрота, крепились медными заклепками к тулову. Одно из ушек "посажено" дополнительно на своеобразную накладку на венчик (рис.3/1б). В целом, они выполнены довольно небрежно - даже окончания их грубо обрублены. Сосуд неоднократно ремонтировался: на венчике, днище, стенках насчитывается около 13 заплаток, причем вырезанных из медных пластин разного диаметра, закрывавших прохудившиеся места, и крепившиеся небольшими заклепками из тонкой полосы металла в нескольких местах к корпусу или на венчик. Видимо

переставлялись и ушки сосуда: так одно из них наполовину закрыто новой заплаткой, да и приклепано к уже отремонтировавшемуся месту (рис.3/1в). Интересна одна из таких "заплат", сделанная, видимо, из какого-то украшения. Она прямоугольной формы (6,6х5,5). Края ее немного подрезаны, хотя в целом первоначальная форма изделия сохранилась. Нижний край ее утолщен и имеет 9 отверстий диаметром 0,1 см, три из которых использованы для установки крепящих клепок, а два практически срезаны. Пластина орнаментирована выбитыми изнутри поясками из трех рядов точек (с двух краев пластины) и нанесенным тонким пуансоном (примерно на 2/3 поля поделки) пересекающимися линиями в виде ромбов. Дужка котелка железная.

Медные котелки могли поступать в Марийское Поволжье, как и ряд других изделий, из Волжской Булгарии (28). Изучение их дает значительный материал по ремеслу, торговле в период X-XI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина Т.Б., Руденко К.А. Чаши из могильника "Нижняя Стрелка" //Средневековые древности Волго-Камья. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1992. Вып.21.
2. Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв. Йошкар-Ола, 1973.
3. Архипов Г.А. Марийцы XII-XIII вв. Йошкар-Ола, 1986.
4. Левашова В.П. Браслеты //Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.: Тр. ГИМ. - М., 1967. Вып. 43. С.227-228.
5. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С.11 (Рис. 1).
6. Голубева Л.А. Огнива с бронзовыми рукоятками //СА. 1964. С.124.
7. Там же.
8. Левашова В.П. Указ.соч. С.19-23, 40-43.
9. Монеты определены доктором исторических наук Г.А. Федоровым-Давыдовым.
10. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья //МИА. М., 1961. Т.96. Рис.90-3.
11. Левашова В.П. Указ.соч. С.220.
12. Там же. С.219.
13. Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поволжья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960.
14. Архипов Г.А. Марийцы XII-XIII вв.
15. Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв.
16. Руденко К.А. К вопросу о технологии изготовления медной посуды Поволжья и Прикамья в X-XIV вв. //Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991.
17. Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья //СА. 1966. С.94-95.
18. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров //САИ. 1979. Е1-39. С.51.

19. Артипов Г.А. Марийцы IX-XI вв.
20. Артипов Г.А. Там же.
21. Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник //Вопр. древней истории мордовского народа. - Саранск: Тр. МордНИИЯЛИЗ, 1987. Вып.80.
22. Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII-XI вв. Моршанск, 1952.
23. Иванова М.Г. Исследования в бассейне р.Чепцы //Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
24. Руденко К.А. Указ. соч.
25. Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987.
26. Казаков Е.П. О характере связей волжских булгар с финнами и уграми в X-XII вв. //Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9. Древние этнические процессы Волго-Камья.

МОГИЛЬНИК ЗАРЕЧНОЕ II

Могильник Заречное. II обнаружен в 1989 году А.В.Фоминым (1, с.373-375). Располагается он на первой надпойменной террасе высотой от 3 до 5 м левого берега р.Теша и примыкает к южной окраине с.Заречное Арзамасского района Нижегородской области (рис.1). Выступ террасы с севера и востока ограничен старицей р.Теша. Протяженность могильника с севера на юг составляет не менее 300 м, а с запада на восток не менее 350 м. Вся площадь могильника распахивается, в западной части располагается небольшое озеро карстового происхождения. В ноябре 1989 г. по западной окраине могильника началась прокладка шоссейной дороги с.Заречное - с.Озерки. Пахотный слой, частично с материковой глиной был снят на протяжении 600 м с севера на юг полосой шириной до 30 м. Поэтому раскопы 1 и 2 закладывались вдоль дороги. Раскоп 3 был заложен на восточной окраине террасы. На раскопе 1 было вскрыто 1278 м² и изучено 97 погребений. Могильник в древности подвергался разграблению: после снятия пахотного слоя при зачистке можно было проследить следы длинных узких грабительских траншей, расположенных перпендикулярно длинной оси могильных ям. Грабители имели четкое представление об ориентировке погребенных и погребальном инвентаре: женские погребения разрушены в области груди и шеи, а мужские в области пояса.

Все захоронения совершены по обряду ингумации. Планировка могильника рядовая. Расположение погребений на вскрытой части обширного могильника позволяет высказать предположение о том, что на общей площади его выделяются компактные группы захоронений, отражающие социальную структуру общества.

Могильные ямы в плане - прямоугольной формы со скругленными углами. Преобладающая длина мужских погребений - от 230 до 279 см, женских - от 150 до 210 см. Под костяками и поверх почти во всех погребениях прослеживаются фрагменты луба. В засыпке всех погребений - мелкие угли, мелкие кальцинированные кости, фрагменты лепных сосудов. В западной части могильника преобладает ориентировка погребенных головой на северо-запад: от 300° до 315° - 20 погребений, от 316° до

330° - 36, от 331° до 350° - 13. В восточной - преобладает северная: от 0° до 5° - 18 погребений, 10° - 1 погребение, 20° - 1 погребение, 350° - 3 погребения.

По набору вещей и погребальному обряду можно выделить женские погребения - 32, мужские - 38, неопределенные - 13. Кроме них следует отдельно указать 6 парных захоронений (мужчина + женщина), 5 захоронений коней, захоронения коня с женщиной, коня с женщиной. В одном погребении два костяка находились один на другом. При характеристике погребального обряда и погребального инвентаря мы исключили погребения VII-начала VIII вв. (мужское, неопределенное, и два женских). Какой-либо закономерности в расположении мужских и женских захоронений проследить не удалось. Можно лишь отметить, что наиболее богатые мужские погребения на вскрытой территории сосредоточены в трех рядах.

Погребальный обряд женских захоронений очень устойчив. Лишь в 5 погребениях из-за полного разрушения костяка нельзя было проследить положение умерших. В 21 погребении умершая была положена на правый бок, в скорченном положении, практически всегда с кистями рук у лица; в одном случае на правый бок была повернута лишь верхняя часть туловища. В 5 погребениях умершая была положена на левый бок в скорченном положении (в одном случае на левый бок повернута тоже лишь верхняя часть туловища). В шести парных захоронениях женщины находились не с восточной стороны от мужчин, как это наблюдалось на могильнике Красное 1 (2, с.81), но и с западной. Но во всех случаях они были положены в скорченном положении с кистями рук у лица (три - на правый бок, 2 - на левый). В захоронении с конем умершая была положена на правый бок с кистями рук у лица. В погребении 57 два костяка находились один на другом: умершая была положена на левый бок в скорченном положении, а сверху был положен умерший в вытянутом положении головой в противоположную сторону - на юго-восток, как это было в могильнике Красное 1 (3, с.206). Положение одного из умерших головой в противоположную сторону означает, возможно, какую-то степень зависимости. Обряд захоронения умершей на правом, преимущественно, боку характерен не только для могильников Прирешья. На эту особенность указывает А.Е.Алихова, анализируя материалы Гагинского могильника (4, с.169, 192, 193).

Погребальный обряд мужских захоронений также стабилен. Умерших клали на спину в вытянутом положении. Голову чаще

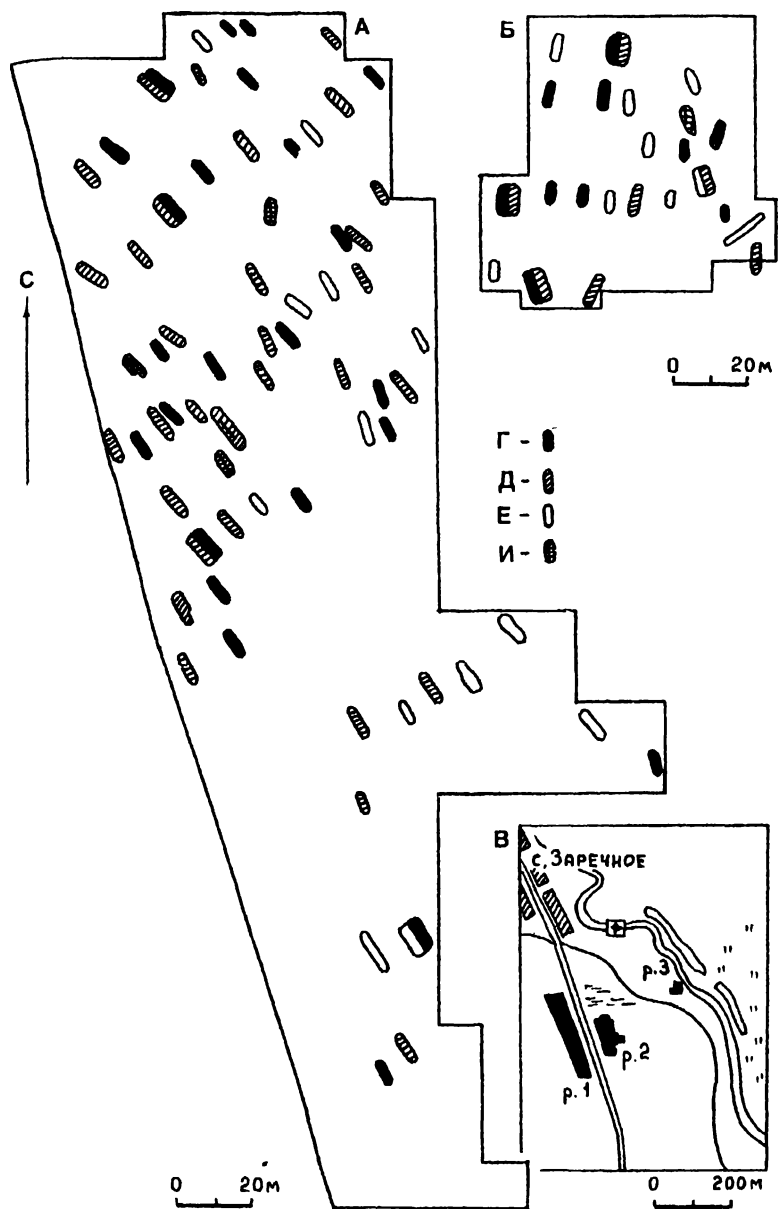

Рис. 1. План могильника Заречное II (В) и планы раскопов 2 и 3 (А-В).

повертывали лицом на восток, иногда - на запад. Почти по всех богатых захоронениях голова была повернута лицом на восток. Положение рук - различное, но чаще кисти обеих рук находились на лобковой кости (11 погребений), вытянуты вдоль туловища - 3 погребения, согнуты под углом 90° в локтях - 4 погребения, в одном погребении одна рука находилась на поясе, кисть другой - в районе верхней части груди.

В погребении 16 находился дарственный комплекс: в берестяной туесок, от которого сохранилось деревянное дно, были положены женские украшения, символизирующие захоронение женщины вместе с мужчиной. Как и в парных погребениях могильника Красное I он находился с восточной стороны от мужчины, для него была специально расширена могила (рис.6). В другом случае дарственный комплекс, символизирующий захоронение мужчины, был положен в погребение коня (рис.2).

Захоронения коней встречаются как отдельно (5 погребений), так и вместе с мужчиной (п.12, рис.7) или с женщиной (п.3, рис.4). Могильные ямы для коней - прямоугольной формы со скругленными углами. Они короче и шире ям для людей и на 20-40 см глубже. Стенки - вертикальные, лишь в погребениях 12 и 61 торцевая стенка со стороны черепа сделана наклонной. Захоронения отдельных коней совершены головой к югу или юго-востоку, т.е. в сторону противоположную принятой для людей. В тех случаях, когда в одной могиле совершено захоронение коня и человека или с конем положены мужские вещи (пп.12,75), кони были ориентированы, как и люди, головой на север или северо-запад. Подобная особенность погребального обряда для коней наблюдается на всех могильниках мордвы Притесья (5, с.53-68). В погребении 12 находился полный костяк коня, лежавший на правом боку. Во всех остальных погребениях костяк коня расчленен. Симметричное расположение костей задних конечностей свидетельствует о том, что заднюю часть коня клали на живот, а расположение черепов и костей передних конечностей говорит о том, что голову и переднюю часть клали преимущественно на правый бок (пп.11,42,75). В одном случае передняя часть и задняя были положены на живот (рис.21/23), в другом - на левый бок (п.61; рис.14). В пяти захоронениях коней найдены стремяна, удила и подпружные пряжки. В погребениях 41 и 62 найдены черепа собак. В погребении 12 захоронение мужчины было произведено поверх коня. По ширине могильные ямы совпадали, а по длине мужская значительно превышала конскую (соответственно 310 и 195 см).

Расположение погребального инвентаря во всех захоронениях устойчивое. В мужских - на поясе ножи, кресала, кремень, парные железные или бронзовые кольца, в ногах - орудия труда, оружие, котелки. Есть погребения без инвентаря. Богатых погребений 11 (13,18,23-25,39,40,50,101,6,9). Погребение 40 наиболее богатое, но набор вещей типичен для всех богатых: бронзовые бляшки от пояса, бронзовые поясные подвески, кресало, нож, наконечники стрел, копья, пешня, два топора (одни бортовые), щит, медный котелок с деревянной чашей и ложкой (рис.14).

Погребальный инвентарь женских богатых захоронений содержит полный набор украшений: в области головы - височные кольца и наконечники-пулоkerи, в области шеи и верхней части груди ожерелья из бус и различных подвесок, на руках перстни и браслеты, в 30 погребениях найдены кольцевые и лопастные скульганы в количестве от 2 до 16 штук.

Как мы уже отмечали, самой распространенной категорией находок в мужских погребениях являются изделия, связанные с поясом.

Железные кольца (рис.11/7,11,28). Почти всегда парные, часто располагаются симметрично. Найдены в 19 погребениях. Диаметр от 25 до 40 мм, в сечении - круглые.

Бронзовые кольца (рис.2/12; рис.5/16). Всегда парные, располагаются часто симметрично. Найдены в 9 погребениях вместе с железными. На внутренней стороне - желобок, наружная сторона сложнопрофилированная, орнаментированная насечками, зигзагообразными элементами (рис.14/10). Железные и бронзовые поясные кольца распространены в могильниках мордвы Притесья (2, табл.II; 6, табл.XIX), в XII-XIII вв. у марийцев (7, с.48, рис.17), в XI-XIII вв. у мордвы-мокши Примокшанья (8, табл.III), М.В.Седова датирует их XII-XIII вв. (9, с.156).

Бронзовые поясные подвески (рис.5/13). Найдены в 7 погребениях. В погребении 1 подвеска круглой формы (рис.3/16), в одном экземпляре. В остальных погребениях - парные, всегда с поясными кольцами. Форма их, как правило, близка к четырехугольной, по углам расширения овальной формы. Все с остатками ремешка для подвешивания. Лишь в погребении 101 подвески разной формы: одна четырехугольной формы с расширениями по углам, другая по форме приближается к овалу с отсеченными концами (рис.22/4,9). Подобной формы

поясные подвески встречаются в могильниках Выползово II и Красное I.

Пояс. Во всех богатых погребениях сохранились следы поясов в виде рыхлой серо-зеленой массы от "оловянных" бляшек и бронзовых скобок длиной от 10 до 20 мм (рис.14/6). В погребении 101 "оловянные" бляшки были покрыты тонкой фольгой из белого металла. В ряде погребений найдены фрагменты железных бляшек крестообразной и иных форм (рис.5/13,24). В погребениях 12,13,40 найдены бронзовые поясные бляшки. Среди них две в виде трилистника, две - круглые, шесть бляшек пятиугольной формы с насечками по краю и криволинейным орнаментом, сердцевидная бляшка (рис.7/8; рис.6/10). На круглой бляшке орнамент в виде "вихревой" розетки, а в центре подвижное кольцо. Наиболее полный набор поясных украшений в погребении 40: бронзовые кольца (4 шт.) от поясных блях, 13 бляшек пятиугольной формы, две - круглые, 8 - сердцевидной формы, 6 вытянутые пятиугольной формы с выемками по бокам (рис.14/16,17). Бляшки были приклепаны к фрагментам кожанного ремня, все по центру украшены криволинейным орнаментом, рамка по краям оформлена насечками или мелкими шишечками. Наконечник ремня имеет длину 5,5 см, ширину - до 1 см, края оформлены зубчиками. Скобки для прикрепления "оловянных" бляшек встречаются во всех могильниках мордвы Притесья.

Пряжки найдены железные и бронзовые. Железные найдены в 15 погребениях. Рамка круглая, диаметром до 30 мм, реже - прямоугольная. В сечении - круглые. Встречаются иногда вместе с бронзовыми пряжками.

Бронзовые пряжки найдены в 8 погребениях. В шести литые, у которых рамка круглой или овальной формы с неподвижным щитком (рис.14/6; рис.6/18). Форма щитков близка к прямоугольной, длиной от 15 до 30 мм. Иногда нижняя часть расширена или вогнуты боковые стенки. Пряжка из погребения 18 имеет рельефную поверхность, вся покрыта насечками (рис.9/14). В погребении 6 найдены две пряжки, одна из них - лировидная с неподвижным щитком (рис.5/2,12). Трапцевидной формы рамка без щитка найдена в одном экземпляре (п.23). Аналогии лировидным пряжкам имеются в других могильниках Притесья, в марийских древностях XII-XIII вв. (7, с.49,рис.17), в Старой Рязани (11, с.62,рис.40), в земле вятичей (10, рис.100).

Кресала найдены в 22 погребениях. Из них 20 - овальной формы с приостренными или обрубленными краями, два прямоугольной формы. Среди овальных у 15 внутри - фигурный вырез. Кресала этого типа являются основными в могильниках мордвы Притесья XI-XIII вв., в новгородских древностях характерны для XII-XIII вв. (7, с.62).

Ножи найдены в 28 мужских и неопределенных погребениях и в трех женских. Располагаются, как правило, в районе пояса, но встречаются иногда в районе головы, в ногах. Длина лезвия достигает 13 см при общей длине до 19,5 см. Спинка прямая, черешок симметричен относительно лезвия. В погребениях 18 и 23 было по два ножа, а в погребении 50 - три. В погребении 82 хорошо сохранилась деревянная ручка, так как она была обтянута кожей, а поверх нее - обмотка из тонкой бронзовой проволоки (рис.21/8).

Топоры лесорубные (боевые) найдены в 12 погребениях. В погребении 50 их было два, пять топоров собрано на пашне (итого 18 шт.). Они проушные, с круглым обушком, со щековицами с обеих сторон. Лезвие низко опущено, в верхней части шейки - выем, в месте перехода обушка в лезвие - небольшой выступ. Преобладающая ширина лезвия - 6-7 см, доходит до 9 см. Один топор боевой, узколезвийный с грибовидным выступом на обушке (рис.25/8). А.Н.Кирпичников и Б.А.Колчин датируют их X-XIII вв. (13, рис.6; 12, с.164). В могильниках мордвы в бассейнах рек Мокша, Пьяна и Теша они распространены в XI-XIII вв. (8, табл.IX,XII; 4, табл.74; 14, табл.IV).

Топоры бортовые - проушные, с круглым обушком, со щековицами с обеих сторон и длинным (от 32 до 43 см) лезвием. Два найдены на пашне, а 7 - только в богатых погребениях вместе с другими топорами. Характерны для мордовских древностей Притесья, Примокшанья (14, табл.IV; 8, табл.VI,XVI) и других территорий. Датируются XI-XIII вв.

Пешни (8 шт.). Встречаются вместе с бортовыми топорами в богатых погребениях (рис.15/7). Длина их 24-25 см, втулка четырехугольная. Оси симметрии втулки и лезвия не совпадают, рабочая часть пешни внизу несколько расширяется. Подобной конструкции пешни встречаются в могильниках Гагинском, Стародевиченском, Погибловском, Красное I, Выползово II, Личадеево V и других. Исследователи датируют их XII-XIII вв.

Котелки медные (10 экз. и фрагменты еще двух из разрушенных погребений). Один найден на пашне, 9 - из богатых погребений. Изготовлены они (кроме одного) по одной техноло-

гии: боковые стенки деланы из двух листов, нижние концы их по всему кругу надрезались в виде бахромы зубчиками. Края дна тоже надрезались, затем дно соединялось с боковыми стенками. Диаметр верха котелков от 18 до 23 см, высота - от 12 до 21 см. Стенки - вертикальные или слегка сужающиеся ко дну. Ушки чаще бронзовые, реже - железные, дужки - железные (рис.5/18). Котелок из погребения 9 (рис.5/31) по форме напоминает котел: диаметр - 31 см, высота боковой стенки - 6 см, дно сферическое, ушки и дужка железные. Боковая стенка изготовлена из одного листа. Во всех котелках или сохранились фрагменты изделий из дерева или найдены деревянные чаши и ложки. В погребениях 6,13,18,24,39,40 найдено 6 чаш диаметром от 9 до 11 см и ковш диаметром 12 см с длинной ручкой в виде головы водоплавающей птицы. Небольшие выступы с виде голов птиц есть на всех чашах, и использовались они, вероятно, вместо ручек. Все чаши имеют просверленные отверстия диаметром 10 - 14 мм, что символизировало, видимо, "смерть" вещей вместе с хозяином. "Смерть" котелков, возможно, символизировал и луб, в который были завернуты котелки. Рабочая часть ложек и ручки находились в разных плоскостях. По форме они скорее напоминали черпак. Сама рабочая часть некоторых ложек - овальной формы. напоминает современные металлические ложки. В других - длинная ось овала перпендикулярна ручке.

По одному экземпляру найдены бронзовый пинцет (п.23), ложкарный резец (п.9), долото (сборы, табл.25), мотыжка (п.18), плужный резак (сборы, табл.25).

Снаряжение коня и верхового всадника. Стремена, удила и подпружные пряжки встречались только в погребениях коней (рис.2,6,7,14,15). Удила односоставные (2 экз.) и двусоставные (3 экз.). Подпружные пряжки - прямоугольной формы (2 экз.), круглой (2 экз.) и трапезиевидной (1 экз.). Стремена найдены в трех погребениях (рис.2,7,15). Они относятся к VII, IX, X типам по А.Н.Кирпичникову, а в целом они датируются XI-XIII вв. (15, с.45,50,52,54; 16). Бронзовые пряжки прямоугольной формы найдены только в погребении коня (рис.2). Они, видимо, связаны со снаряжением всадника: по две пряжки разной величины приходились на каждое стремя. Подобной формы железные пряжки найдены в захоронении коня на могильнике Сыресево I, каждая из них лежала около стремени.

Около 30% мужских погребений содержат оружие и оборонительные доспехи: наконечники копий и стрел, щиты. Как правило, все эти категории вещей встречались вместе с котелками и топорами в наиболее богатых погребениях.

Наконечники копий (14 экз.). В погребениях найдены 11 наконечников, 3 собраны на пашне (рис.24/1,2). Представлены четырьмя разновидностями.

Наконечник с двушипным пером (1 экз.). Найден в погребении 50 (рис.17) вместе с проушным топором со щековицами и бронзовыми поясными кольцами. Длина его 16 см.

Наконечники с длинным лезвием и преимущественно низко опущенным, иногда слабо выраженными плечиками - 12 экземпляров (пп. 18,24,32 и др.). Среди них выделяются две группы. В первой группе длина пера от 13 до 17 см при отношении к длине втулки от 1,3:1 до 1,6:1. Ширина лезвия до 3,5 см. Перо преимущественно линзовидное в сечении. У второй группы плечики опущены очень низко, перо в сечении ромбовидное, ребро выражено четко. Отношение длины пера к длине втулки достигает 3:1 (пп. 23,30,60; рис.10/12; рис.12/12). Ширина пера от 2,4 до 4 см. Наконечник из погребения 60 (рис.18) при ширине пера 2,4 см и диаметре втулки 3,3 см уже больше похож на пику.

Наконечник пик (1 экз.). Найден на пашне (рис.24). Сечение пера ромбовидное, диаметр втулки 3 см. Соотношение длины пера к длине втулки - 5,2:1. Почти все наконечники копий при ширине пера до 4 см и длинном лезвии по своей высокой проникающей способности функционально выполняли роль пик. По классификации А.Н.Кирпичникова эти копья относятся к III и V типам и датируются XI-XIII вв. (13, рис.1).

Наконечники стрел (28 экз.) найдены в 15 погребениях (только мужских). Сохранность наконечников плохая, от многих сохранились только черешки. Втульчатых наконечников нет. найдены плоские черешковые и бронебойные.

Плоские черешковые (16 экз.). С упором для древка 3 экз., без упора - 13 экз. Сечение пера у всех - линзовидное, форма пера - треугольная (15 экз.) и ромбовидная (1 экз.).

Бронебойные (12 экз.). С упором для древка - 4 экз., без упора - 8 экз. Сечение пера - ромбическое и утолщенное-линзовидное. Подобные наконечники стрел использовались в X-XIII вв. (17, табл.15-25).

Вместе с наконечниками стрел были найдены железные втулки диаметром до 22 мм (3 экз.). Подобные втулки характерны для могильника Красное I, где они тоже находились вместе с наконечниками стрел. Возможно, они связаны с принадлежностями для стрельбы из лука. В погребениях 6,82,89 найдены фигурные пластины из кости. А.Ф.Медведев полагает, что подобные изделия - петли для подвешивания колчанов (17, с.20,табл.9).

Оборонительное вооружение в мордовских могильниках в Притешье впервые найдены в могильнике Красное I (2, с.81-82). Фрагменты щитов на могильнике Заречное II были найдены в четырех богатых погребениях (рис.6/9,13А,14). Следы щитов в виде рыхлой массы бурого цвета встречались еще в трех разграбленных погребениях. Основой щита являлась железная умбоновидная бляха диаметром от 18 до 23 см. Она, возможно, скрепляла деревянные части щита: бляхи обычно находились в центре рыхлой массы бурого цвета. Щиты в трех погребениях находились в ногах и на них стояли медные котелки, а в погребении 18 щитом была накрыта голова.

В 26 мужских и неопределенных погребениях найдены лопастные и кольцевые сюлгамы в количестве от 1 до 6 экз., в погребении 58 - литая подвеска бутылчатой формы, в погребении 40 - литой браслет. В погребении 47 в области шеи обнаружены четыре костяные подвески, три позвонка осетровых рыб и зуб жвачного животного с просверленными отверстиями.

Инвентарь женских захоронений

Киких-либо фрагментов одежды обнаружить не удалось, поэтому покроем одежды не реконструируется. В области головы были найдены только кольца и отходящие от затылка наконечники-пулочки. Можно предположить, что для головных уборов использовалась только ткань, на которую нашивался "оловянный" бисер. В погребении 2, в районе головы, расчищены три полосы "оловянного" бисера шириной до 3 см и длиной 15 см. Для украшения шеи и груди использовались бусы и подвески, встречались гривны. Украшения ног отсутствуют. В ряде погребений имеются принадлежности литейного дела: пряслица, изделия из кости, глиняная посуда.

Пулочки (14 экз.). Длина их от 16 до 48 см. Имеется одинаковое устройство: на деревянный или железный стержень намотаны волосы, затем - лубяная обкладка, а поверх - обмотка из уплощенной медной проволоки. В ряде погребений вместо

пулокери был положен железный стержень (табл.3,6,16,17,22). Подобное устройство пулокерей характерно для всех могильников Притещья и Примокшанья в XI-XIII вв. (8, табл.2, с.71).

Височные кольца (с несомкнутыми концами диаметром от 17 до 30 мм) обнаружены только в шести женских погребениях (по 2 экз.). Все они найдены в районе челюстей. Изготовлены из бронзы или сплава бронзы и белого металла. В погребении 62 височные кольца, у которых один конец расплюснут и завернут в трубку (диаметр 33 мм), использованы вместо браслетов вместе в кольцевой сюлгамой.

Браслеты (48 экз.) встречаются в погребениях от 1 (в мужском) до 4 (в женских). Изготовлены преимущественно из бронзы, встречаются из сплава бронзы и белого металла, один железный, очень плохой сохранности.

Литые из круглого, овального и уплощенного в сечении дрота преобладают (29 экз.). Концы у всех слегка заужены. На браслетах из погребений 43,46,53,62 по концам или по всей длине орнамент в виде насечек, трехгранных выемов, диагонально пересеченных квадратов, кружков. Концы этих браслетов с помощью орнамента или объемно выполнены в виде голов змеи или животного (рис.15/18). Подобные браслеты встречаются во всех могильниках Притещья.

Витые браслеты различного плетения - 14 экз. В погребениях 29, 92 основу браслета составляет бронзовая пластина, вокруг которой выполнено плетение (рис.12/23). В новгородских древностях витые браслеты встречаются в слоях XI-XIII вв. (12, с.173, рис.8).

Один браслет изготовлен из тонкого, круглого в сечении дрота. Концы расплюснуты и загнуты наружу. По всей длине дрот обмотан тонкой проволокой (рис.17/13). Вместо браслетов использовались кольцевая сюлгама диаметром 35 мм и височные кольца (рис.18/22,23).

Перстни (24 экз.) различных типов, характерных для XI-XIII вв. Среди них один рубчатый, 4 - широкосрединых спиральных ("усатых"), 5 - со щитком, один спиральный. Преобладают (14 экз.) перстни в виде простого кольца, внешняя сторона которого расширяется, обозначаются ребра по бокам и в середине, иногда в сечении круглые или овальные (рис.13/23; рис.3/14). У перстней со щитком в двух случаях наружная часть расширена и имеется оправа для крутой вставки, в одном случае на расширенной части выгравирована фигура какого-то зверя (рис.2/7). Один перстень больше похож на тип ре-

щетчатых: центральная часть - квадрат со вписанным в него ромбом шишечками по вершинам, по бокам квадрата - решетки, один щиток - ромбовидный с шишечками по вершинам, орнамент - криволинейный.

Шейные и нагрудные украшения представлены гривной, бусами, подвесками, бубенчиками, сюлгами и "цепочками" из них.

Гривна найдена в детском погребении вместе с бусами из горного хрусталя, сердолика и гешира, лопастными и кольцевыми сюлгами. В основе гривны - два тонких дрота. Они обмотаны тонкой бронзовой проволокой и перевиты между собой. Концы оформлены в виде крючков (рис.20).

Бубенчики найдены в трех погребениях. Один - грушевидной формы, со щелевидной прорезью и тремя горизонтальными полосами, три - круглые, со щелевидной прорезью и одной горизонтальной полосой. Грушевидные бубенчики подобного типа в славянских и марийских памятниках распространены с последней четверти XI в. до II половины XIII в. (9, с.156; 7, с.20, рис.18).

Бусы найдены в 27 погребениях, преимущественно, женских (в мужских - единичные экземпляры). Среди них бусы из горного хрусталя, сердоликовые, гешировые, янтарные, полые металлические, из стенок раковин, стеклянные.

Хрустальные (17 пп.). Преобладают бусы шаровидной формы, но встречаются граненые, бипирамидальные, плоские. В погребении 53 (табл.17) граненая бусина была в центре ожерелья из полых металлических бус.

Сердоликовые (14 пп.). Вместе с хрустальными в 12 погребениях. Преобладают бусы бипирамидальной формы, но встречаются призматические, боченовидные и круглые (пп.62,70).

Гешировые (5 пп.). Всегда вместе с хрустальными и сердоликовыми. Плоские, ромбической формы, два отверстия в торцевой стенке. На лицевой стороне орнамент из трех кружков с точкой в центре.

Металлические полые (10 пп.). Вместе с хрустальными и сердоликовыми - в 8 погребениях. Как правило, продолговатые, редко круглые. Встречаются нескольких разновидностей: с двумя отверстиями на противоположных концах, с отверстием на одном конце и петелькой для подвешивания на другом, с петелькой и на одном или обоих концах. Иногда посредине бусины имеется пояс. В зависимости от конструкции в ожерелье они прикреплялись по-разному (п.101, рис.22). В погребении 5

(рис.4) ожерелье состояло из полых металлических бус, попарно соединенных двумя звеньями восьмеркообразной формы из тонкой медной проволоки.

Бусы из стенки речной раковины (5 погребений). Все в форме двух трапеций, сложенных вместе малыми основаниями. Толщина - не более 1,5 мм. Два отверстия, как и в гешировых бусах, сделаны в торцевой стенке (рис.13,20). Подобные бусы найдены в могильниках Гагинском и Красное I (4, с.178, рис.69).

Яштарные (4 погребения, 8 экз.). Одна бусина овальной формы, остальные - близки к бипирамидальной (рис.22/25,26).

Стеклянные. Преобладают бусы из синего стекла различной формы: колесовидные, цилиндрические, призматические, бипирамидальные (рис.6/21; рис.17/19,23).

Рыбовидные: 2 экз. из синего стекла, одна - из фиолетового, одна - из органической массы серо-желтого цвета (рис.8/29; рис.24, п.98).

Часто встречаются бусы из органической массы серо-желтого, -голубого, -коричневого, -бурого цветов плохой сохранности. Форма их различна: круглые, колесовидные, цилиндрические, близко к бипирамидальной. Среди них можно выделить бусы, близкие по форме к гешировым с двумя отверстиями по вертикали (рис.8/29). Две бусины имеют кубическую форму: одна из желтой органической массы, другая - из зеленого стекла (рис.20/22). По одному экземпляру встречены бусины: круглая из серо-желтой органической массы с глазками красного цвета (рис.21/3), близкие к цилиндрической форме из черного стекла с поперечными полосами белого цвета (рис.20/6) и зигзагообразным узором желтого цвета (рис.24), с манжетом на одном краю и елочным узором желтого цвета (рис.24). В погребении 82 найдены 24 бусины из непрозрачного стекла с желтыми глазками. Основа бус малинового цвета (6 экз.), черного (11 экз.) и коричневого (7 экз.).

В ожерельях встречались подвески треугольной формы (2 экз.) из сердолика и органической массы серо-голубого цвета, подвески пяти (6 экз.) и шестиугольной (1 экз.) форм. Среди них две из гешира, 4 - из органической массы серо-желтого цвета, одна - из минерала серо-зеленого цвета. В состав ожерелий входили небольшого диаметра спиральные пронизки, обоймы, зубы животных (рис.18/26), S-образные элементы, изготовленные из кольцевых сюлгам (рис.20/11), трапециевидные и конусообразные подвески (рис.3/27), оболочка от желудя и круглая подвеска с криволинейным орнаментом (рис.24, п.98).

Особого внимания заслуживает жертвенный комплекс из погребения 6 (рис.6). В него входили глиняный сосуд в виде чаши диаметром 7,5 см и высотой до 4,5 см, "цепочка" из шести круглопроволочных сюлгам диаметром от 32 до 39 мм, обмотанных тонкой круглой проволокой, красноглиняное пряслице из хорошо отмученной глины, фрагменты тонких спиральных проносок с нитками внутри, две сердоликовых и две из синего стекла бусины, 10 полых металлических бусин и натертая иконка размером 22,4х23,4 мм с изображением богородицы с ребенком. На оборотной стороне иконки - крест. Аналогии этой иконке есть в древностях Ярополча Залесского (18, табл.6). Рядом с туеском находились фрагменты железного штыря от пулокера.

Сюлгамы (219 экз.). Из них: кольцевые с обмоткой 108 экз., кольцевые без обмотки - 60 экз., лопастные - 51 экз. Диаметр кольцевых сюлгам от 10 до 20 мм при длине лопастей не более 20 мм. Лишь в погребении 12 найдены лопастные сюлгамы, у которых длина лопастей достигает 50 мм при диаметре дужки 10 мм (рис.7/3). Сюлгамы содержат 20 мужских погребений (по 2 экз. - преобладают), 6 неопределенных (от 1 до 3 экз.), 30 женских (от 2 до 9 экз. - 27 погребений и по одному погребению - 12, 14, 16 экз.). Кольцевые сюлгамы диаметром до 25 мм (с лопастными или без них) найдены в 30 погребениях, а с диаметром более 25 мм - в 18 погребениях (из них 13 погребений содержат кольцевые сюлгамы диаметром до 25 мм). В данном случае диаметр сюлгам не может быть использован для датировки в пределах XI-XIII вв.

Из предметов быта найдены пряслица, льячки, литейная формочка, глиняные сосуды. Если в цинских могильниках, например, сосуды являлись обязательной принадлежностью женских погребений, то на могильнике Заречное II посуда найдена лишь в шести погребениях. Сосуды лепные, горшкообразной или чашевидной формы, все - небольших размеров. Примесь - дресва и шамот. Скорее всего, они изготовлены специально для погребального инвентаря.

Пряслица глиняные (9 экз.) и шиферные (4 экз.). Глиняные в профиле имеют битрапиевидную форму, боковое ребро у некоторых сглажено (табл.3,21,24). Диаметр их от 30 до 35 мм. Два пряслица из розового шифера тоже имеют в профиле битрапиевидную форму (рис.4,8), одно трапиевидную (рис.11/20) и одно - близко к прямоугольной (рис.13/26). Первые три имеют диаметр 23 мм, последнее - 33 мм. В погребении

18 (мужском) в районе пояса найдена пластина из шифера. По форме она чуть более половины круга диаметром 26 мм при толщине 3,5 мм. В центре - два отверстия диаметром по 5 мм (рис.9). Подобной формы пластина, но из металла, найдена среди поясных колец в погребении 6 (рис.5/15).

Две льячки и литейная форма найдены в женских погребениях 19, 43 и 92. Льячки обычной формы, в одной из них остатки олова (рис.8,15). Литейная формочка для изготовления "оловянного" бисера находилась на ступнях (рис.23). Обе половины формочки изготовлены из опоки, между ними лежала "цепочка" из 4 кольцевых сюлгам диаметром 23-26 мм, обмотанных тонкой проволокой.

В погребении 43 в районе пояса находилось какое-то орудие из кости (типа гладила). Длина его 30 см, ширина - 2,8 см, один край заточен, конец оформлен как у кинжала (рис.15/21). Под костью сохранился фрагмент деревянной доски длиной 17 см, шириной 3,7 см и толщиной до 1 см с двумя просверленными отверстиями диаметром до 5 мм.

Большинство женских украшений (персти, браслеты, бусы), орудия труда и оружие из мужских погребений датируются, как мы это показывали при характеристике отдельных категорий вещей, в пределах XI-XIII вв. Северная и северо-западная ориентировка погребенных может свидетельствовать о том, что население, оставившее могильник Заречное II, является мордвой-эрзей. Исходя из анализа материалов могильника Заречное II (да и других могильников Притесья), следует указать, что одной из особенностей погребального обряда мордвы-эрзи в XI-XIII вв. является положение умерших женщин на бок, в скорченном положении и наличие у них пулокерей. В Окско-Сурском междуречье эта особенность погребального обряда характерна для всех захоронений XI-XIV вв. с северной (Сарлейский могильник), северо-западной (Гагинский, Красное I) и западной (Выползово II, Выползово VI) ориентировкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартъянов В.Н., Фомин А.В. Могильник Заречное II //Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991.
2. Мартъянов В.Н. Могильник Красное I //Вопр. этнической истории мордовского народа в I-начале II тысячелетия н.э.: Тр.МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып.93.
3. Мартъянов В.Н. Новые археологические памятники мордвы в долине реки Теши //Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький, 1990.

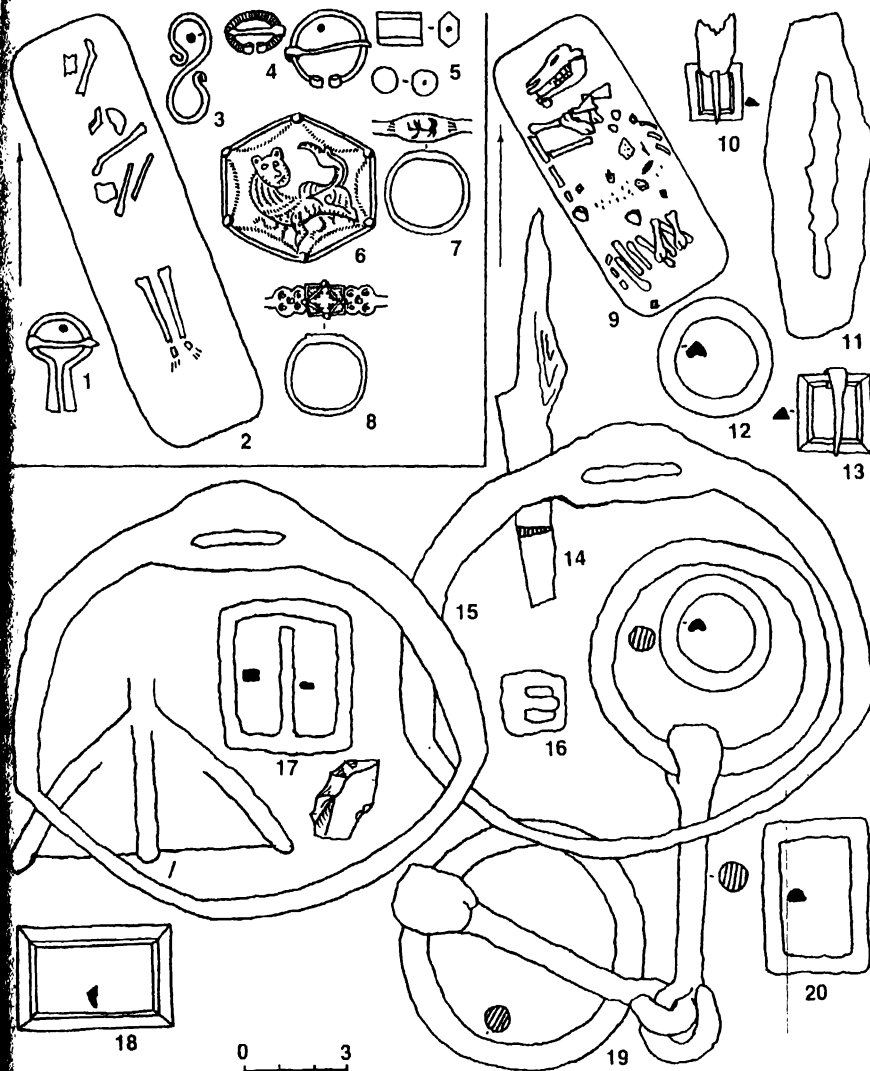

Рис. 2. Планы погребений 73 и 75 (2, 9 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 73 (1), 74 (№8), 75 (10-20).
 6 - увеличено в 1,76 раза.

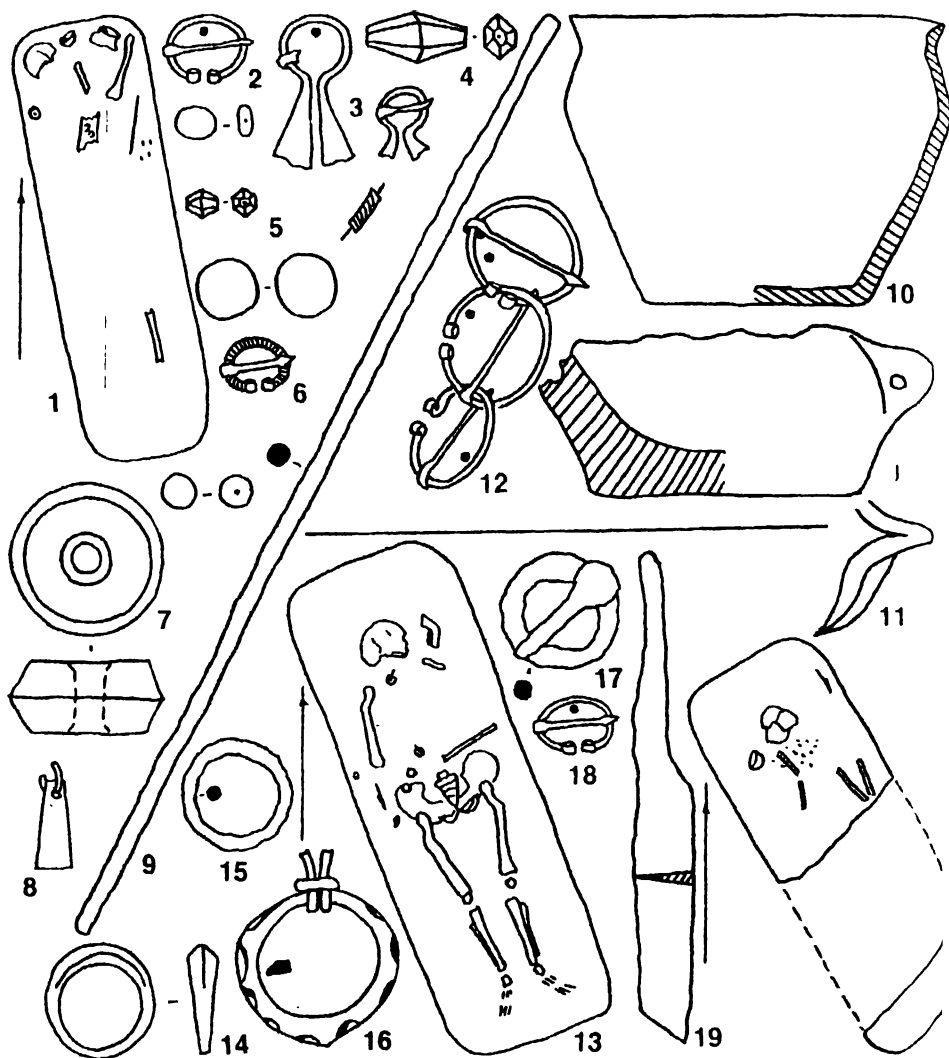
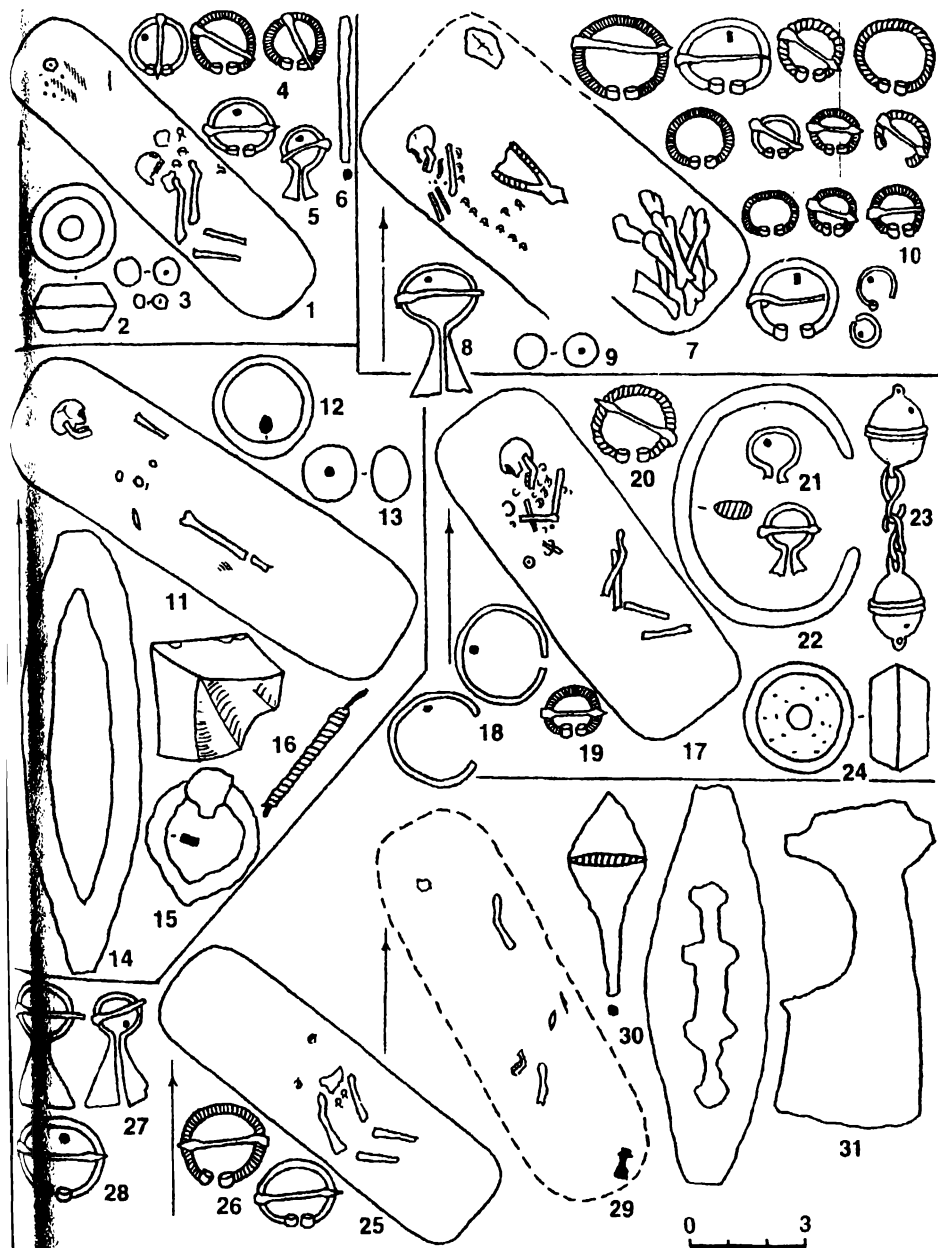

Рис. 3. Планы погребений 76, 78 и I (1, 20, 13 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 76 (2-11), 77 (12), I (14-19), 10 - уменьшено в 2 раза.

4. Планы погребений 2-5, 7 и 8 (1, 7, 11, 17, 25 и 29 - уменьшено в 20 раз).
 из погр. 2. (2-6), 3 (8-10), 4 (12-16), 5 (18-24), 7 (26-28, 8 (30, 31).
 уменьшено в 2 раза.

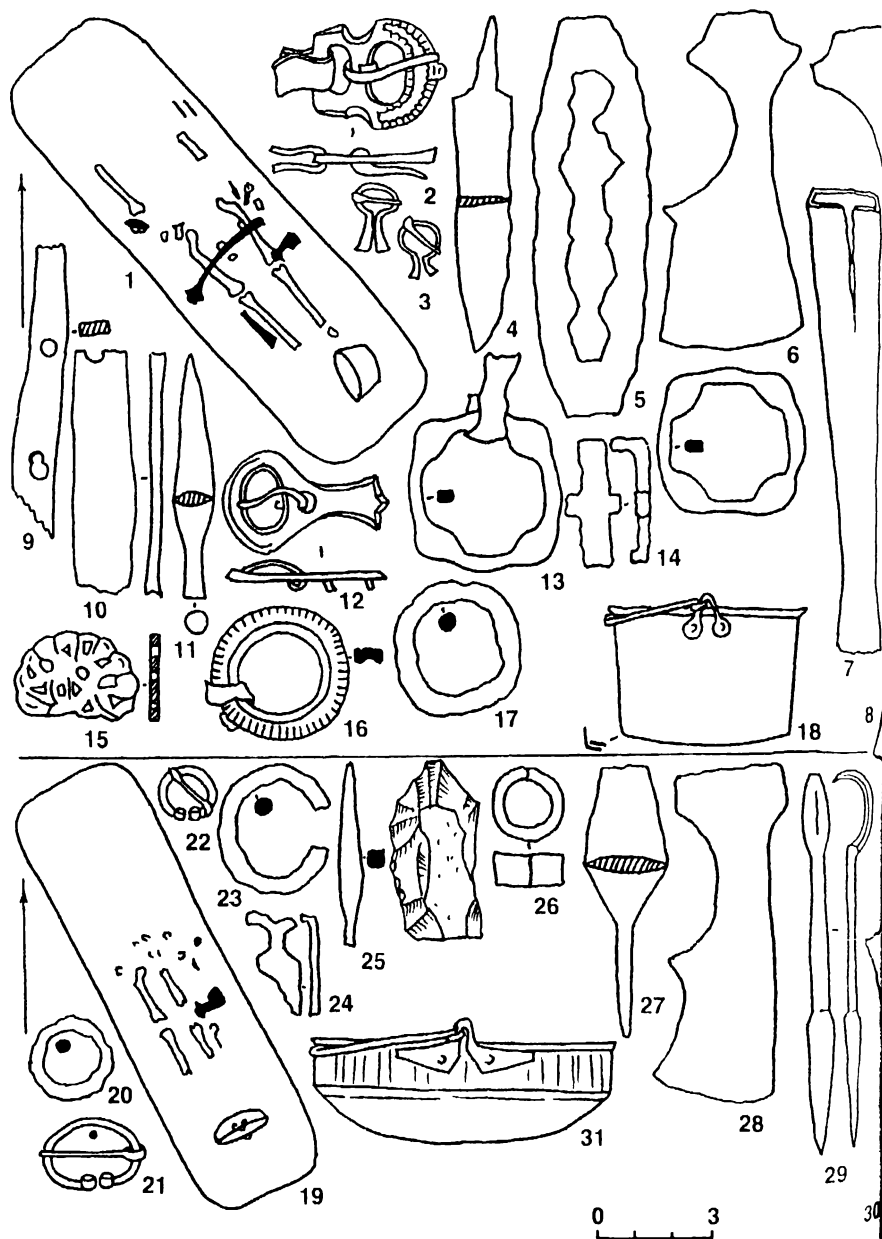

Рис. 5. Планы погребений 6 и 9 (1, 19 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 6 (2-18), 9 (20-30). 6, 7, 8, 28, 29 - уменьшено в 2 раза;
 18, 31 - в 4 раза.

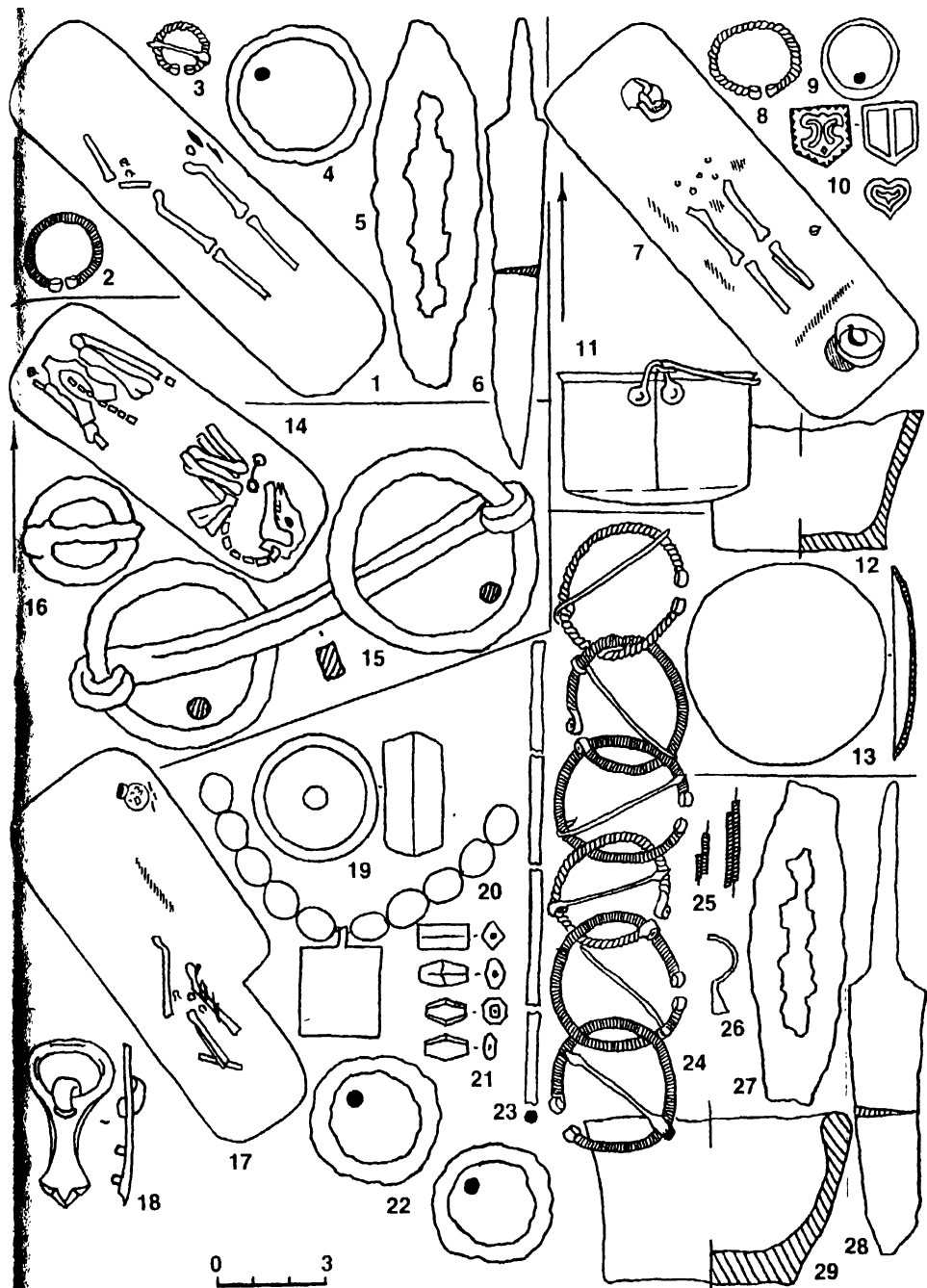

Рис. 6. Планы погребений 10, 13, 11, 16 (1, 7, 14, 17 - уменьшено в 20 раз. Вещи из пор. 10 (2-6), 13 (8-13), 11 (15, 16), 16 (18-29). 12 - уменьшено в 2 раза, 11, 132 - в 4 раза.

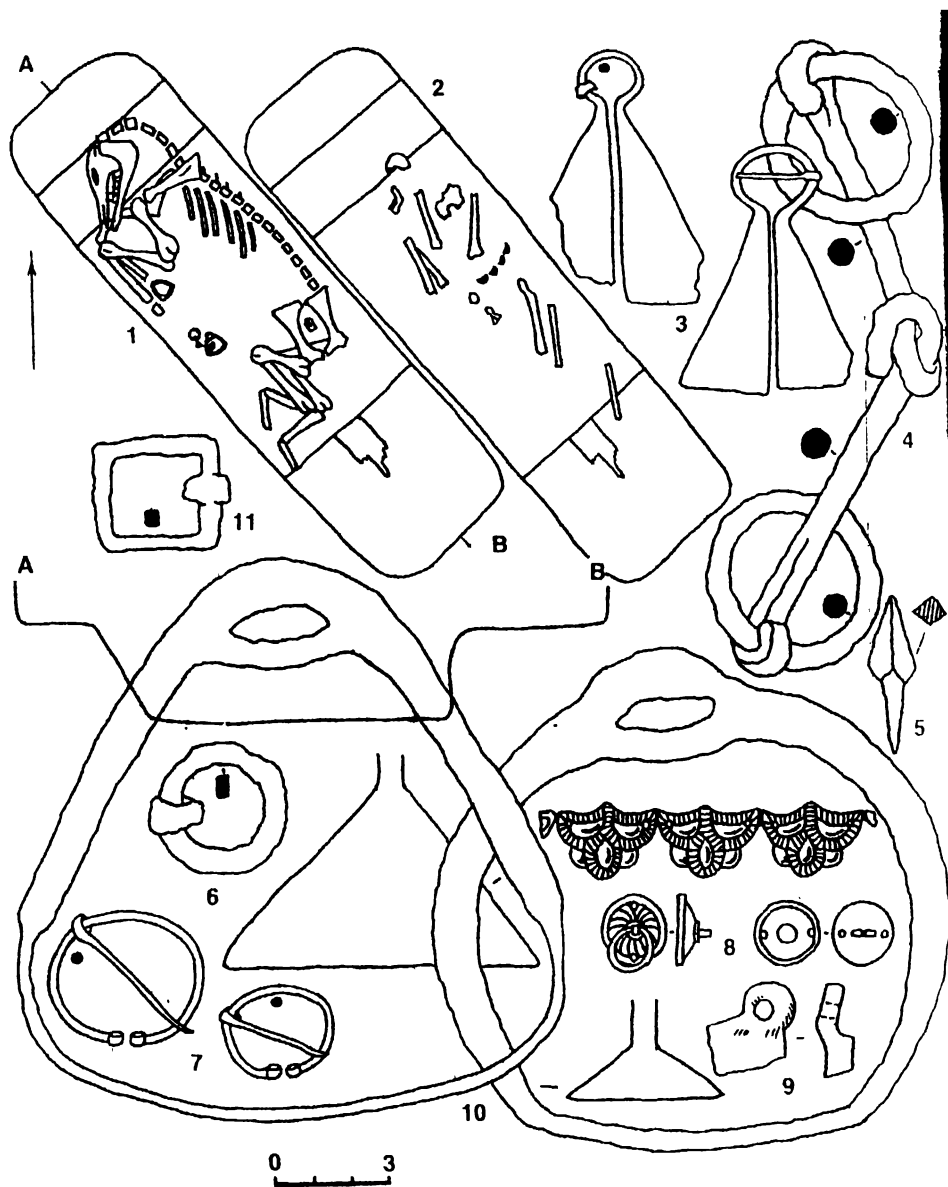

Рис. 7. План погребения 12 и вещи из него. 1 и 2 - уменьшено в 20 раз.

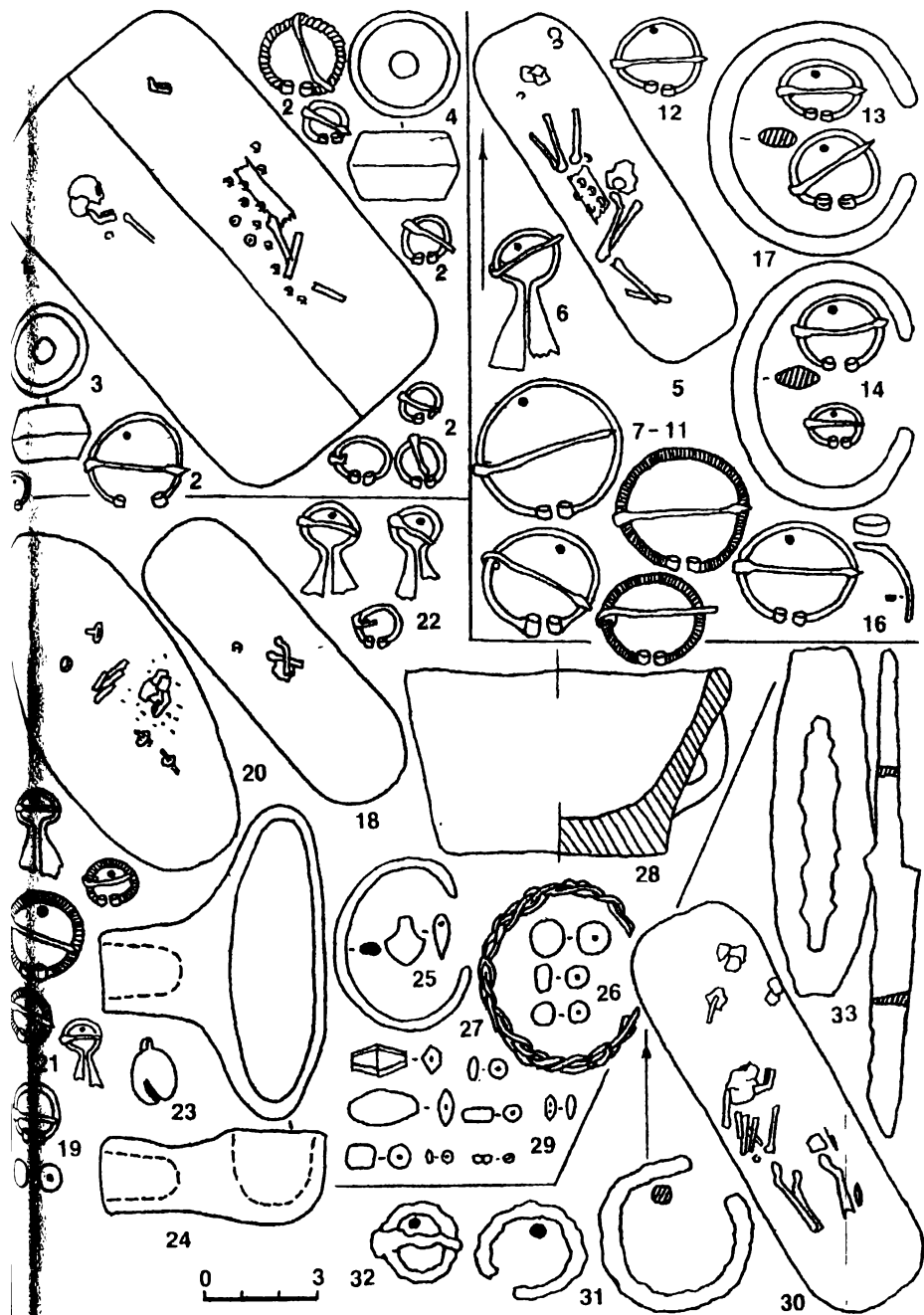

Рис. 8. Планы погребений 14, 15, 17, 20, 19, 35 (1, 5, 18, 20, 30 - уменьшено в 20 раз).
и из пор. 14 и 15 (2-4), 17 (6-17), 20 (19), 19 (21-29), 35 (31-33).

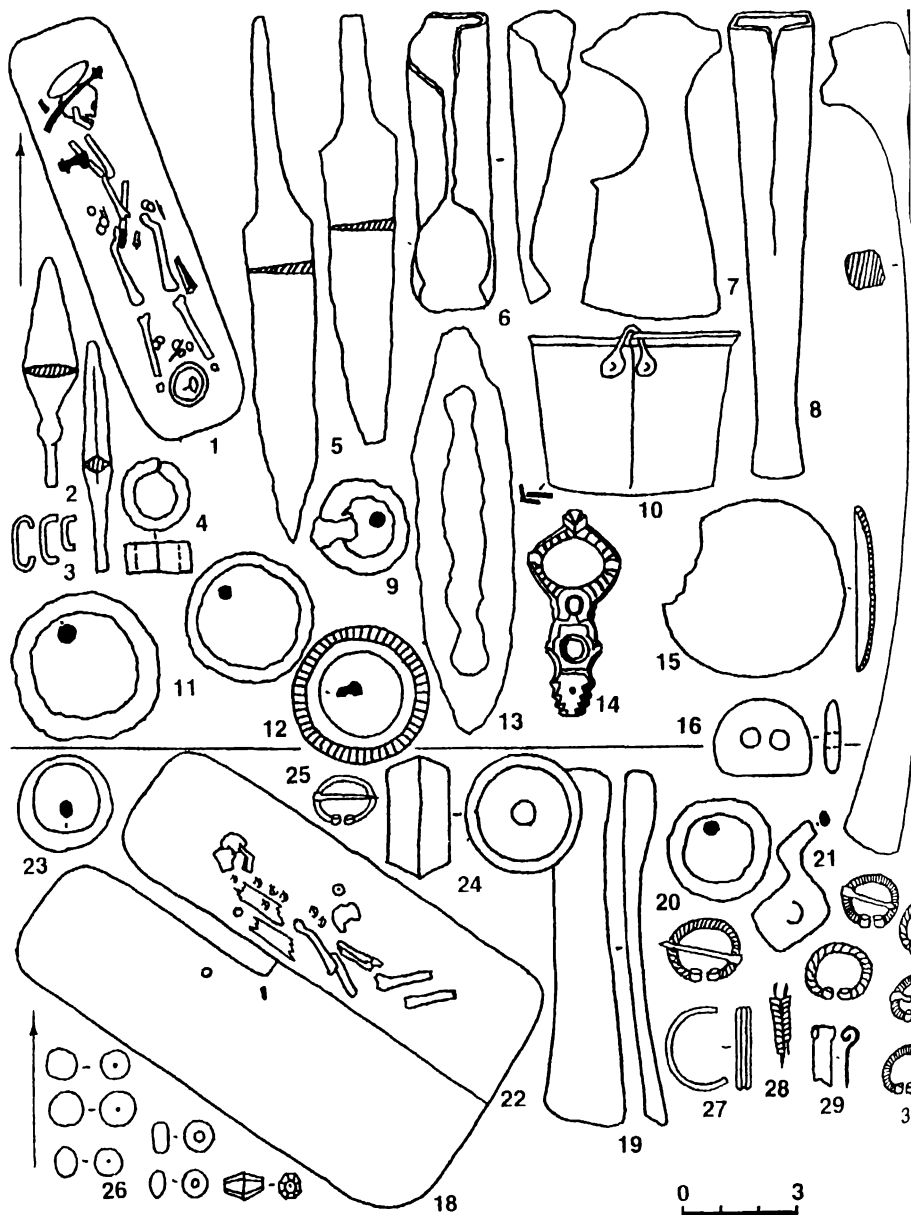

Рис. 9. Планы погребений 18, 21 и 22 (1, 18, 22 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 18 (2-17), 21 (23-30), 22 (19-21).
 7, 8, 17 - уменьшено в 2 раза, 10, 15 - в 4 раза.

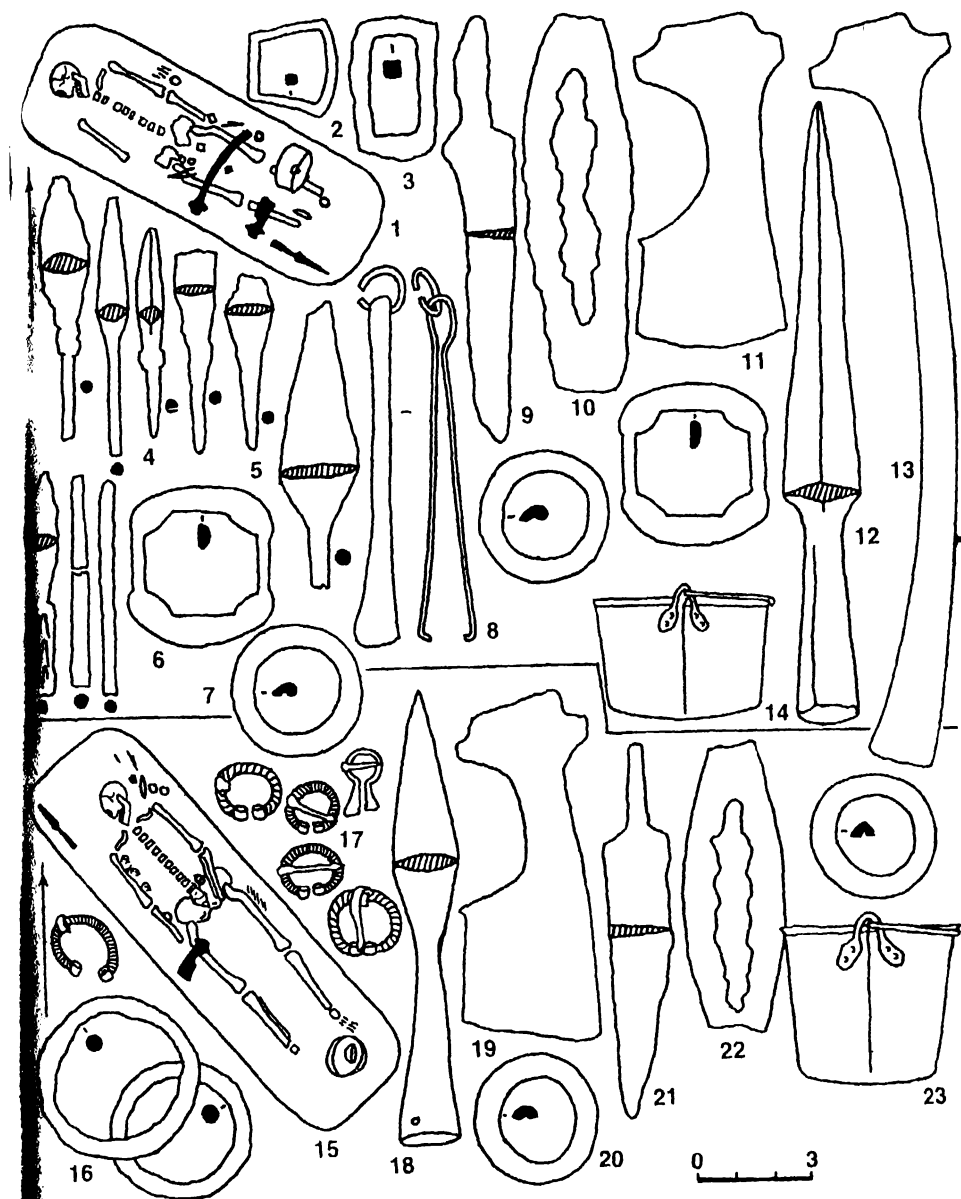

Рис. 10. Планы погребений 23, 24 (1, 15 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 23 (2-14), 24 (16-23). 11-13, 18, 19 - уменьшено в 2 раза,
 14, 23 - в 4 раза.

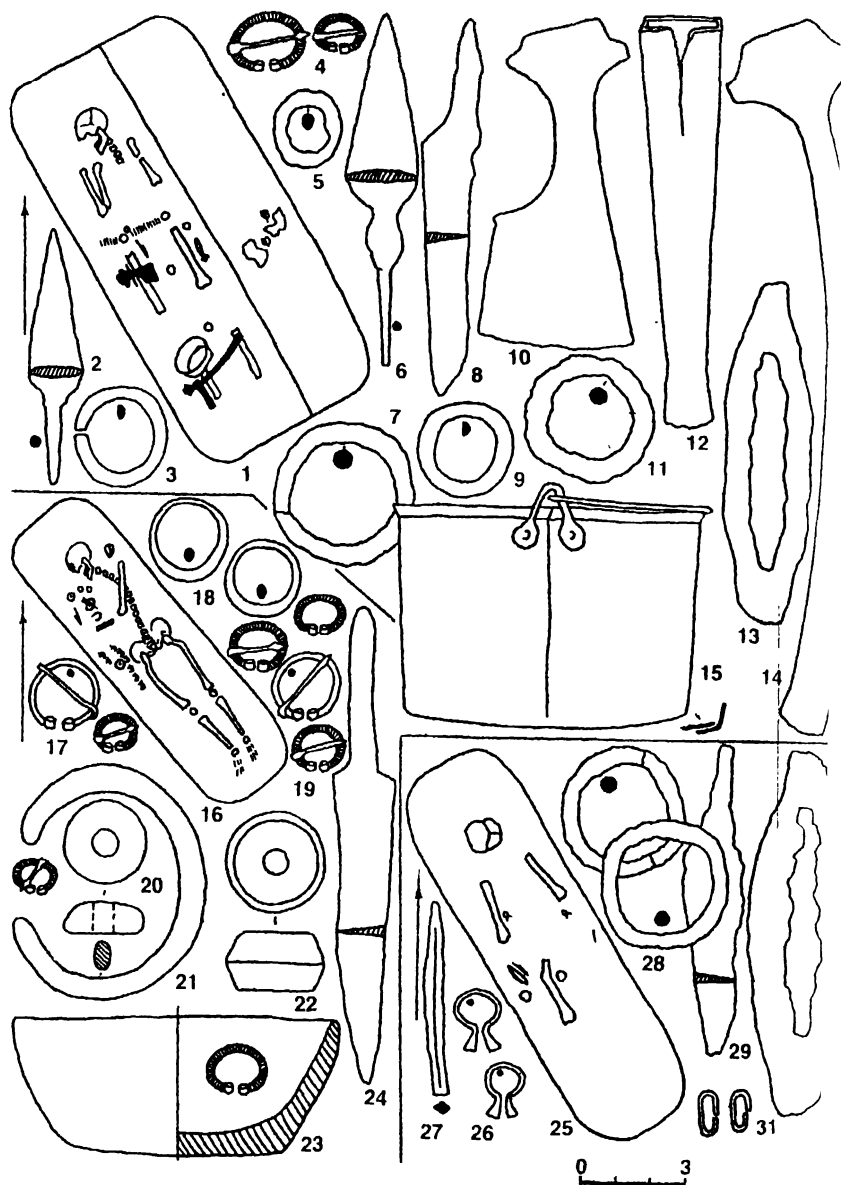

Рис. 11. Планы погребений 25, 26, 27, 31 (1, 16, 25 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из пог. 25 (2, 3, 5-15), 26 (4), 27 (17-24), 31 (26-31).
 10, 12, 14, 15 - уменьшено в 2 раза.

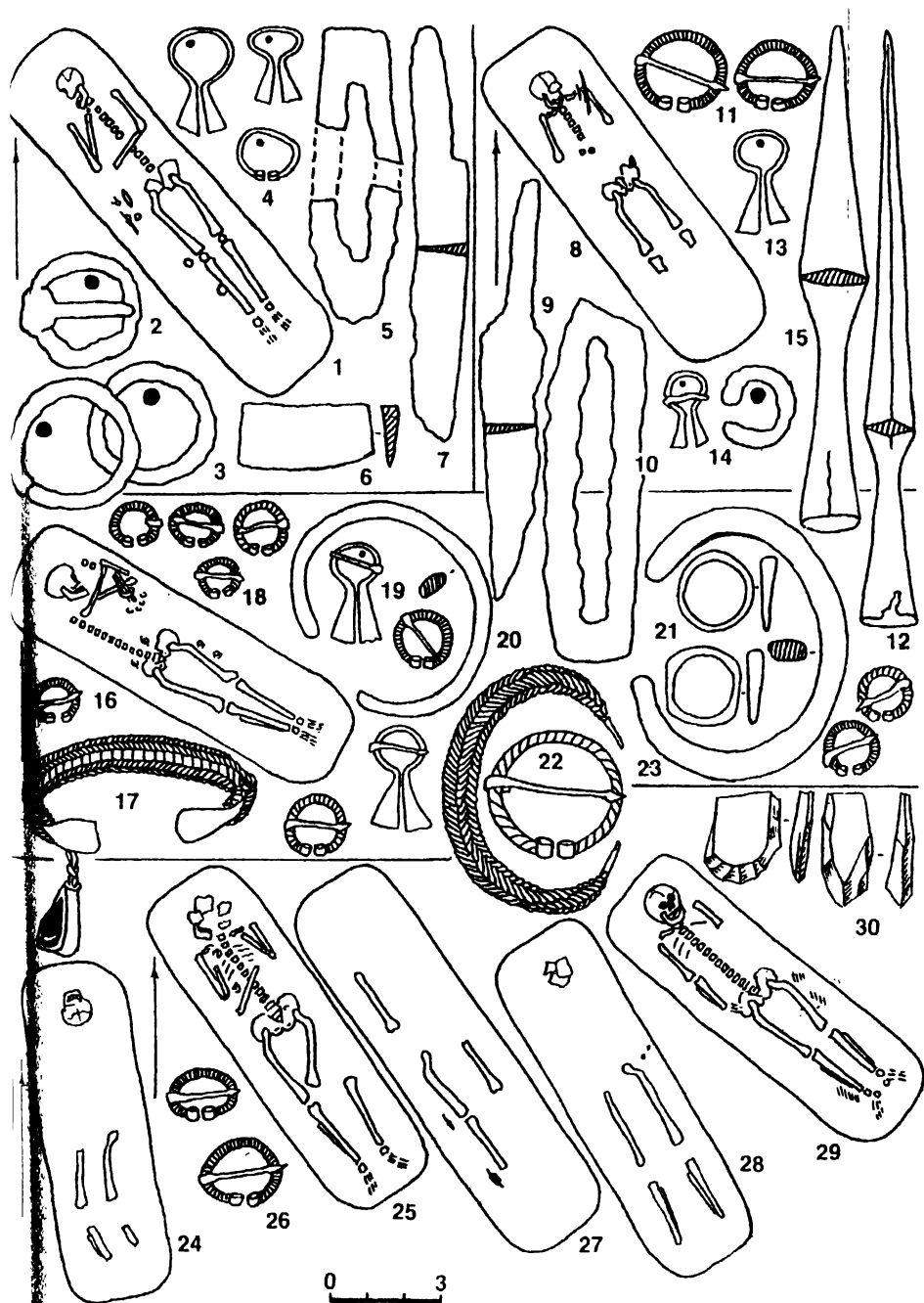

рис. 12. Планы погребений 28, 30, 36, 34, 37, 49, 44 (1, 8, 16, 24, 25, 27, 28, 29 - уменьшено в 20 раз). Вещи из погр. 28 (2-7), 30 (9-12), 32 (13-15), 29 (17-23), 34 (26), 30 (30). 12, 15 - уменьшено в 2 раза.

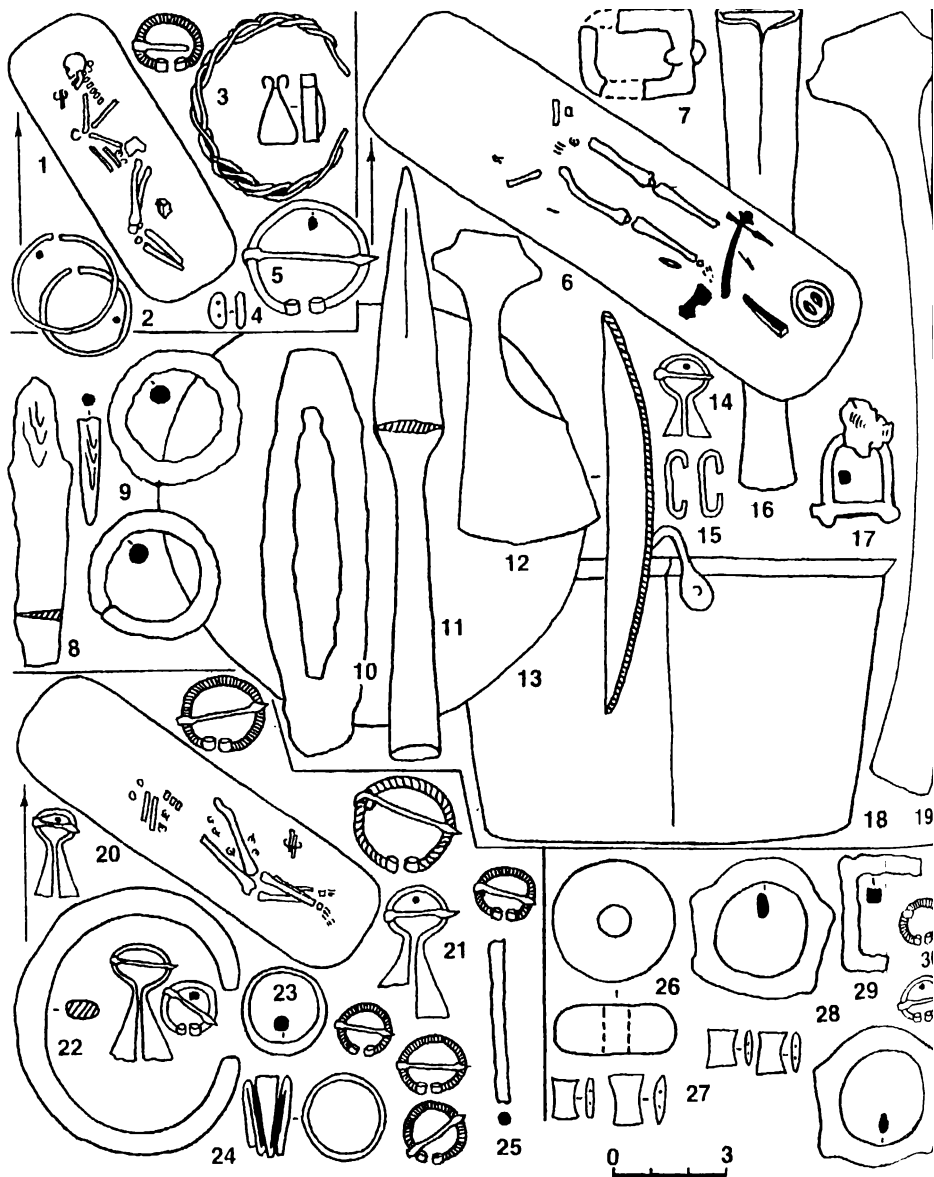

Рис. 13. Планы погребений 38, 39, 45 (1, 6, 20, - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 38 (2-5). 39 (7-19), 45 (21-25), 41 (26-29).
 11-13, 16, 18, 19 - уменьшено в 2 раза.

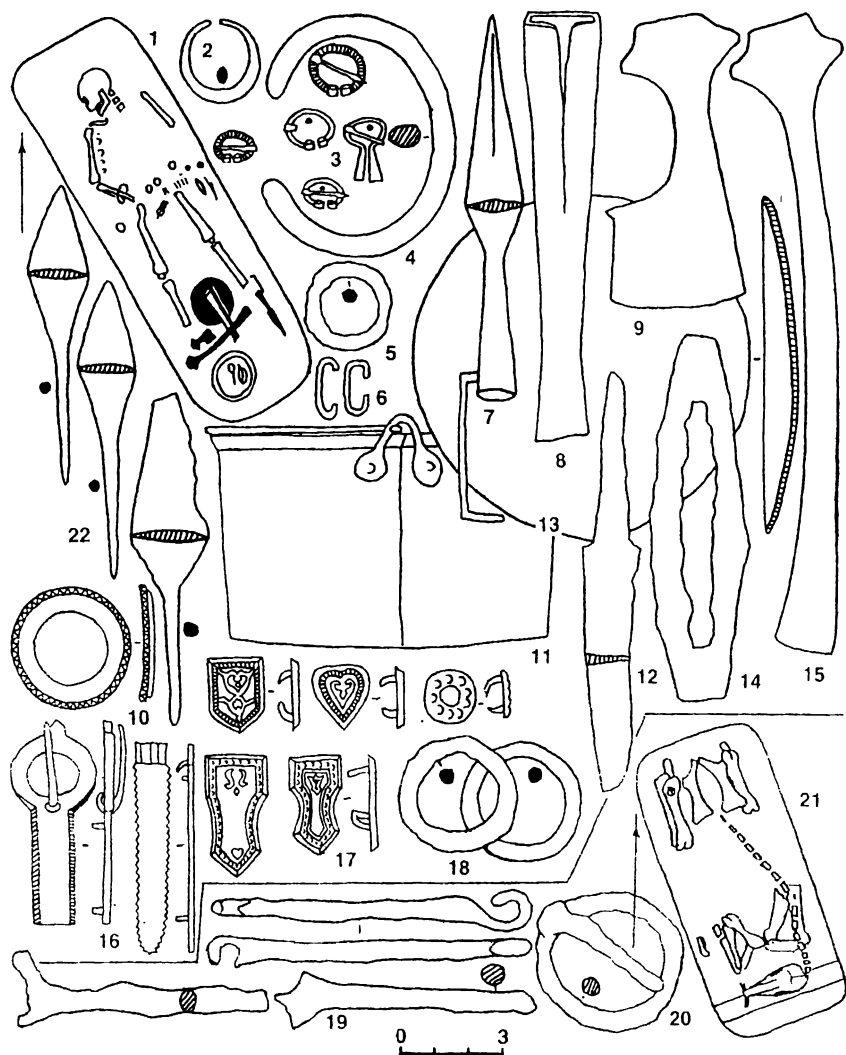

Рис. 14. Планы погребений 40 и 61 (1 и 21 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из пор. 40 (2-18, 22), 61 (19, 20). 7-9, 11, 13, 15 - уменьшено в 2 раза.

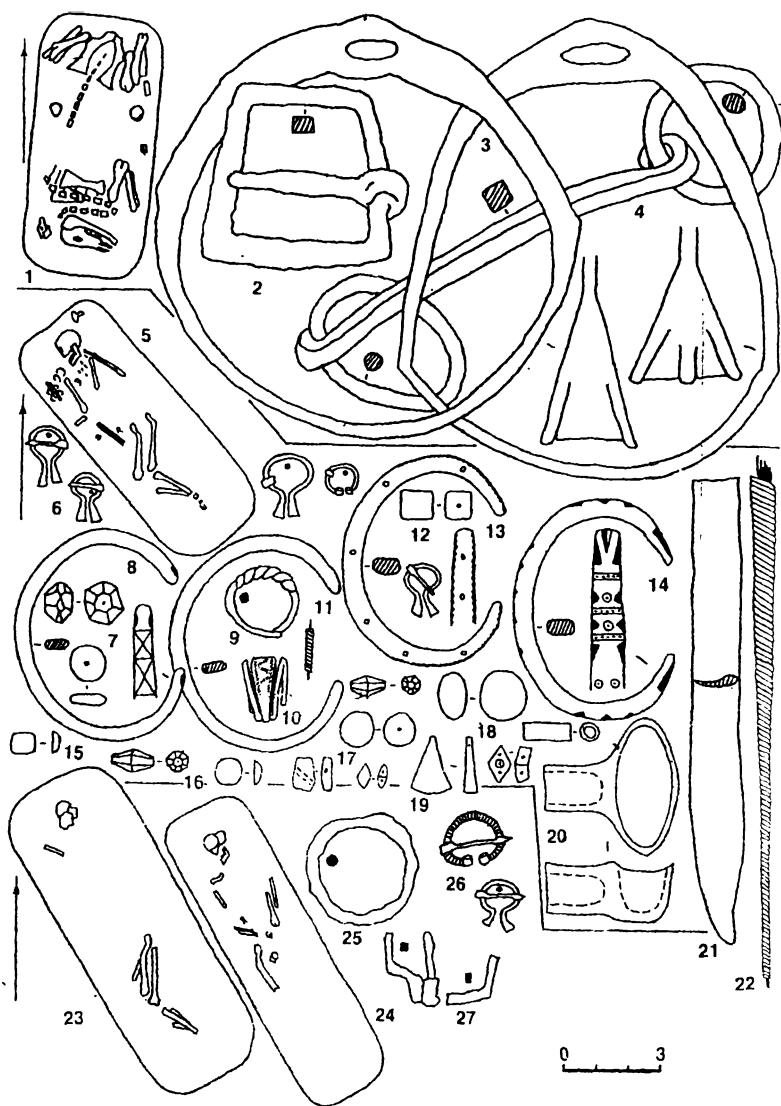

Рис. 15. Планы погребений 42, 43, 55, 63 (1, 5, 23, 24 - уменьшено в 20 раз).
Вещи из погр. 42 (2-4), 43 (6-22), 63 (25-27). 2.-22 - уменьшено в 2 раза

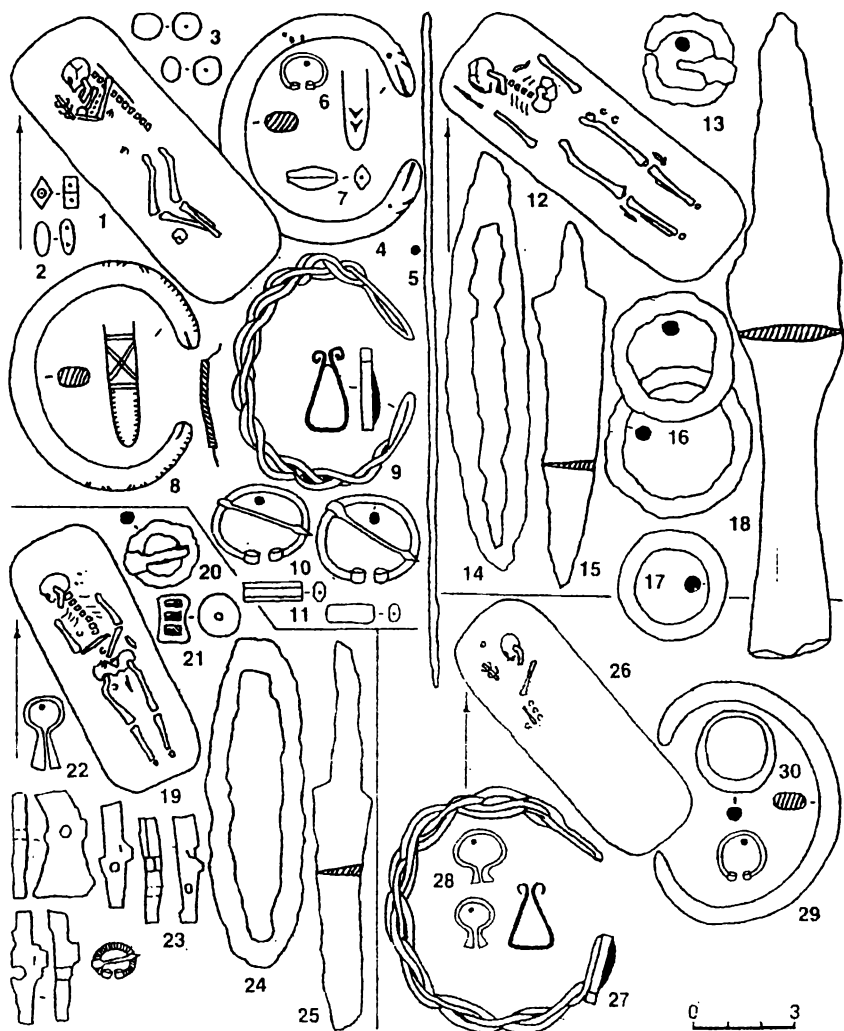

Рис.16. Планы погребений 46, 48, 47, 51 (1, 12, 19, 26 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 46 (2-11), 48 (13-18), 47 (20-25), 51 (27-30). (5 - уменьшено в 2 раза).

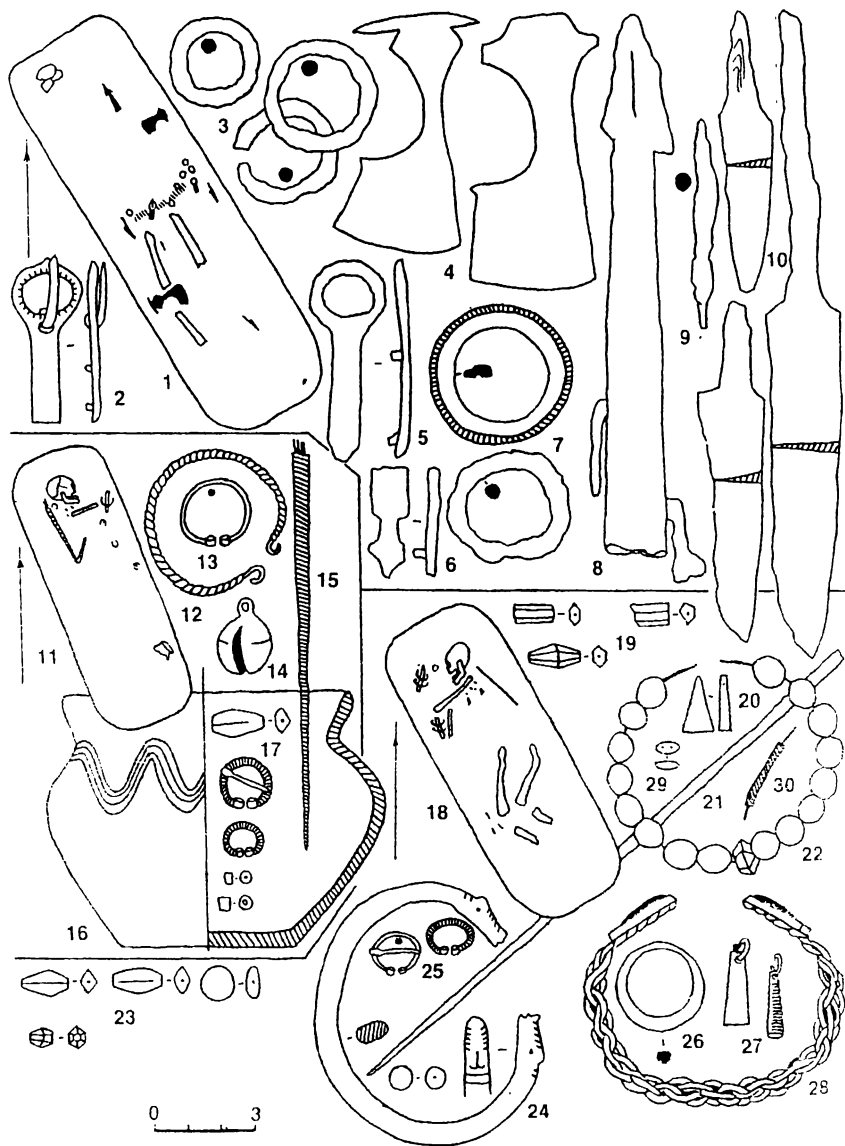

Рис. 17. Планы погребений 50, 52, 53 (1, 11, 18 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 50 (2-10), 52 (12-17), 53 (19-30). 4, 21 - уменьшено в 2 раза.
 15 - в 4 раза.

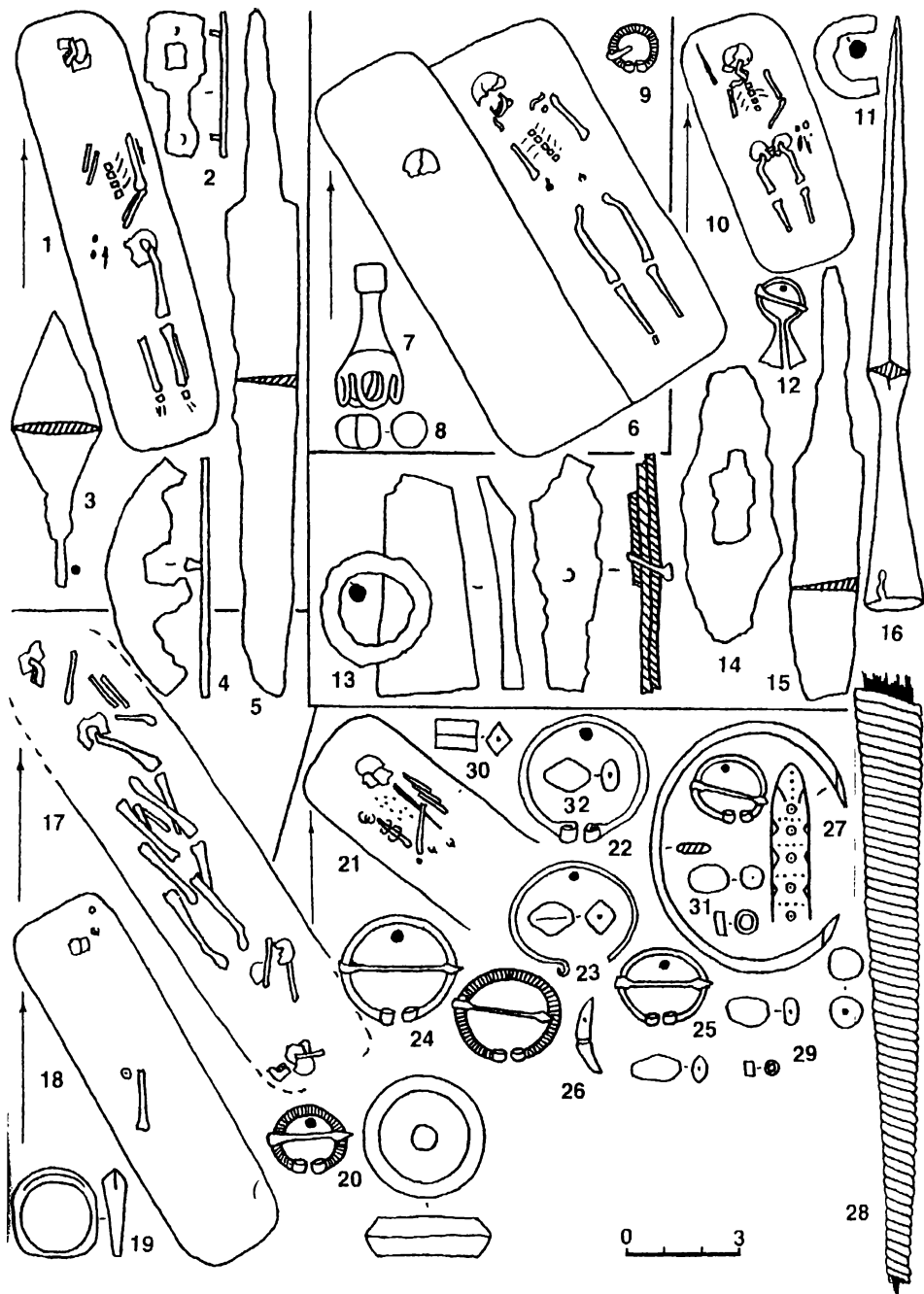

Рис. 18. Планы погребений 56, 58 и 59, 60, 57, 62

(16, 10, 17, 17, 21 - уменьшено в 20 раз).

Вещи из погр. 56 (2-5), 58 (7-9), 60 (11-16), 67 (19, 20), 62(22-32).

16 - уменьшено в 2 раза, 28 - в 3 раза.

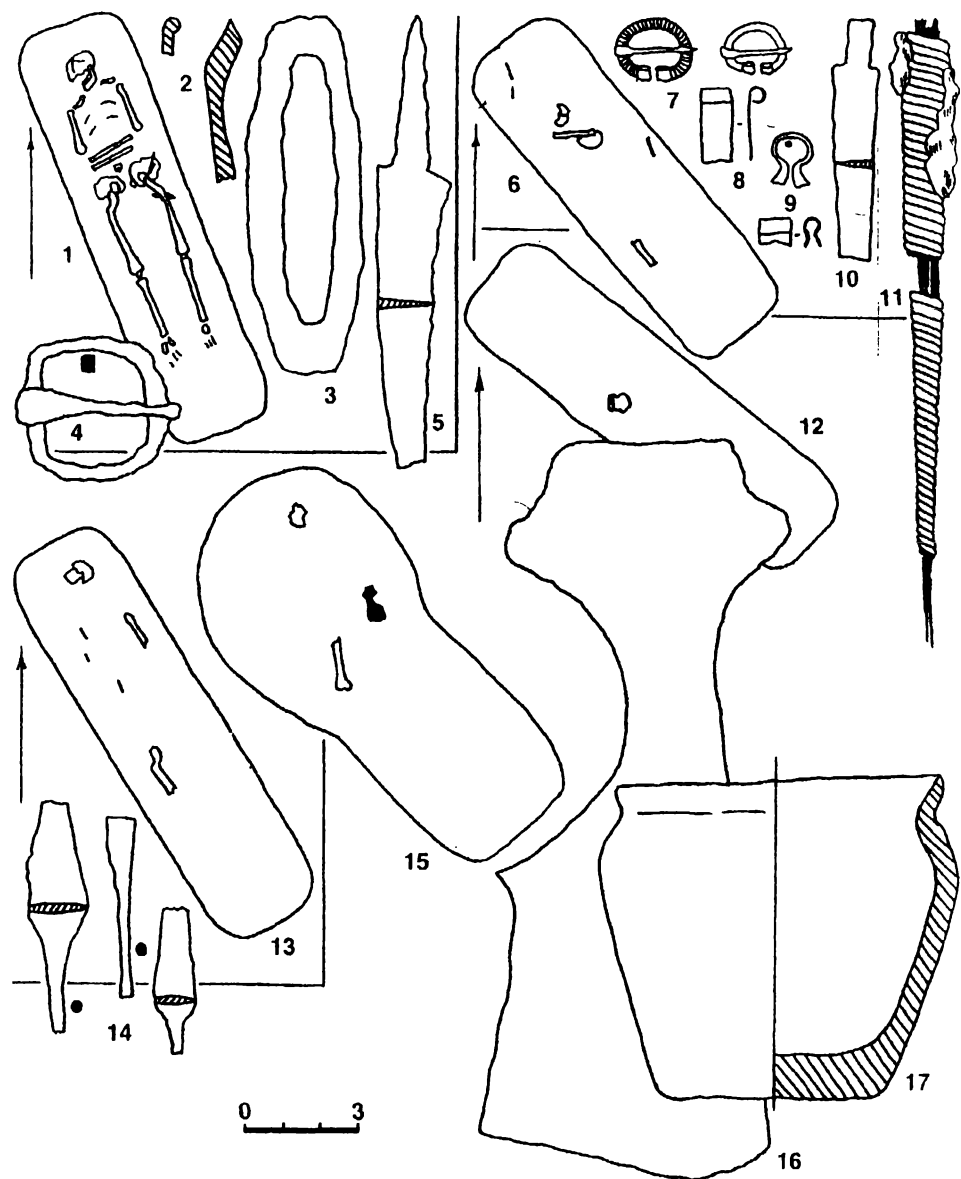

Рис. 19. Планы погребений 64-66, 68, 69 (1, 6, 12, 13, 15 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 64 (2-5), 65 (7-11), 66 (17), 68 (14), 69 (16).

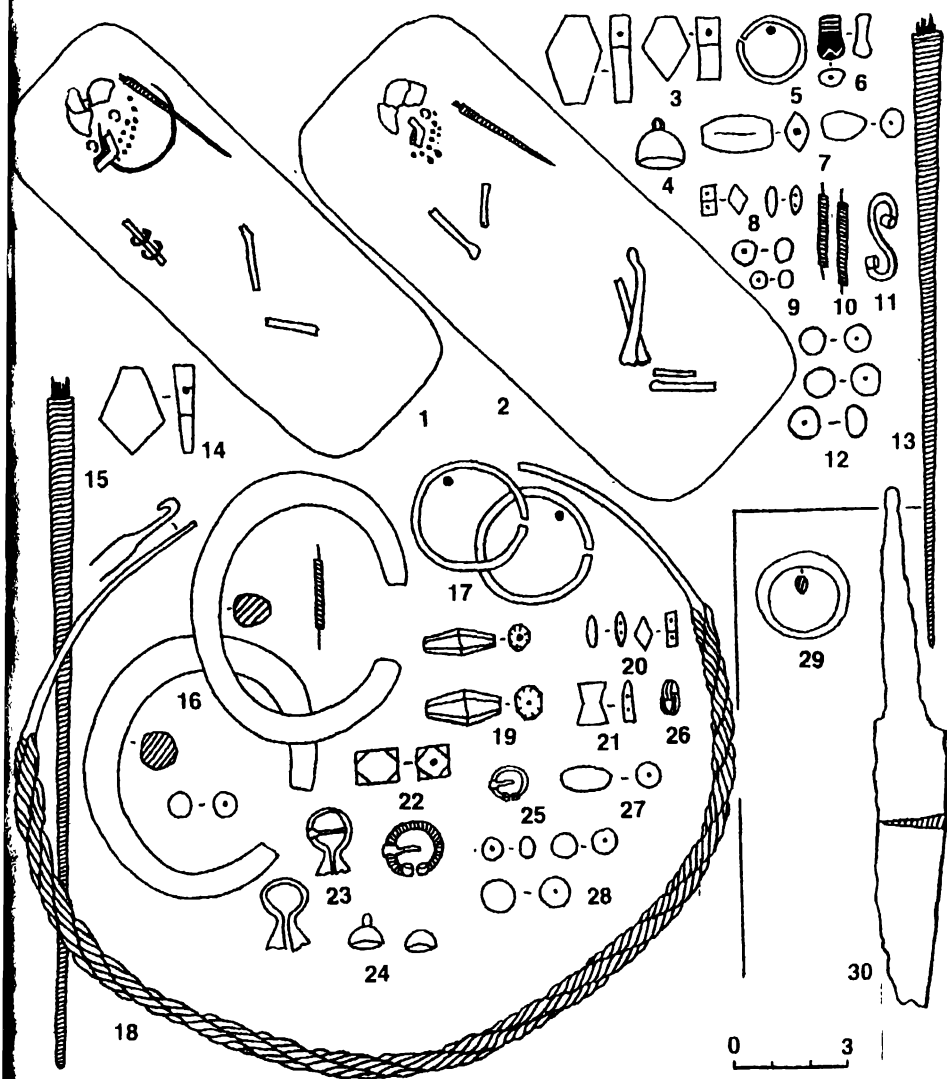

Рис. 20. Планы погребений 70-72 (1, 2 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 71 (3-13), 70 (14-28), 72 (29, 30). 13, 15 - уменьшено в 2 раза.

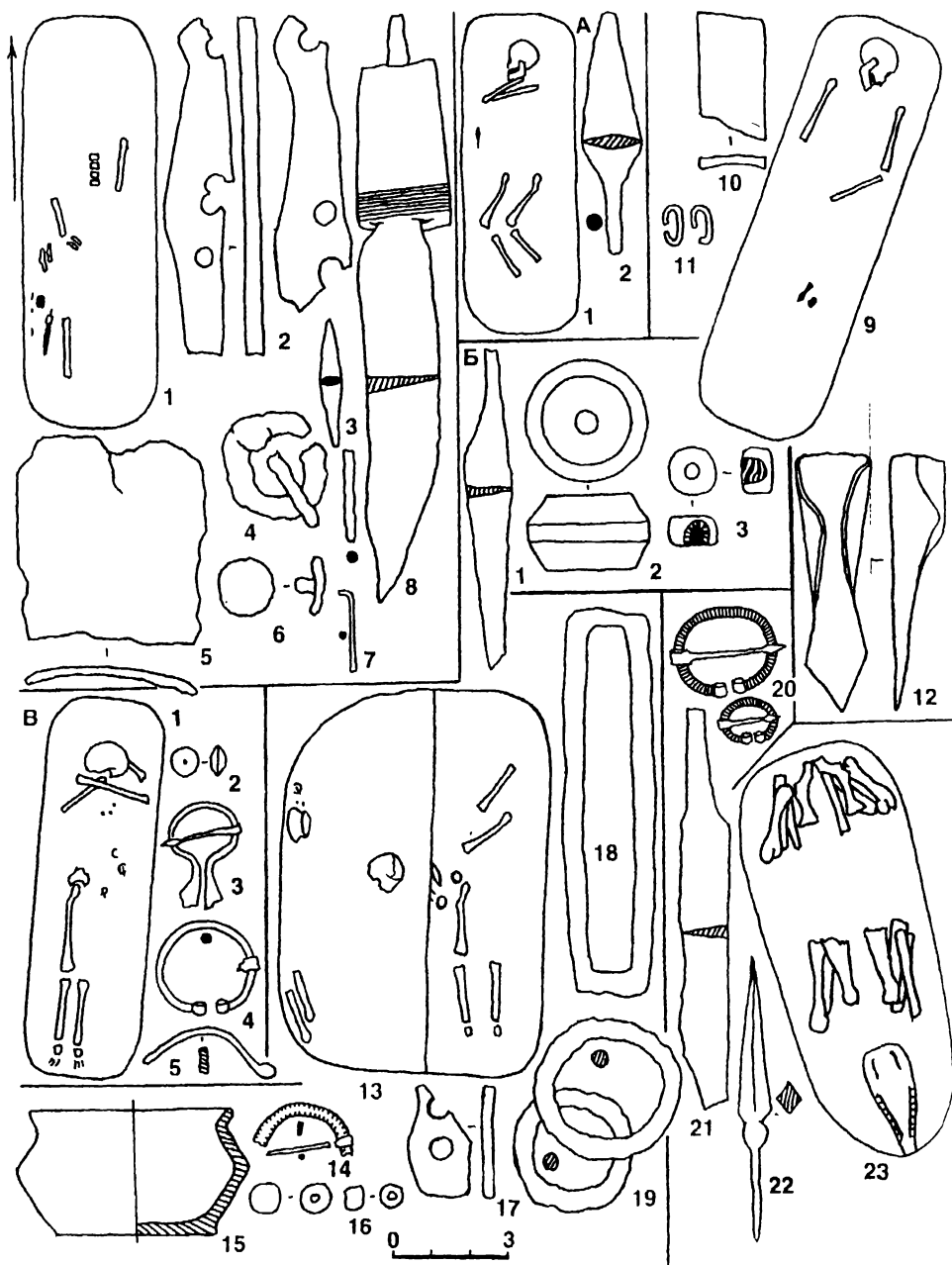

Рис. 21. Планы погребений 82, 83, 87, 88-90, 94

(1, А-1, 9, В-1, 13, 23 - уменьшено в 20 раз).

Вещи из погр. 82 (2-8), 83 (А-2), 87 (10-12), 85 (Б-1, 2, 3), 88 (В-2, 3, 4, 5), 89 (17-19), 90 (14-16), 86 (22), 91 (20, 21). 15 - уменьшено в 2 раза).

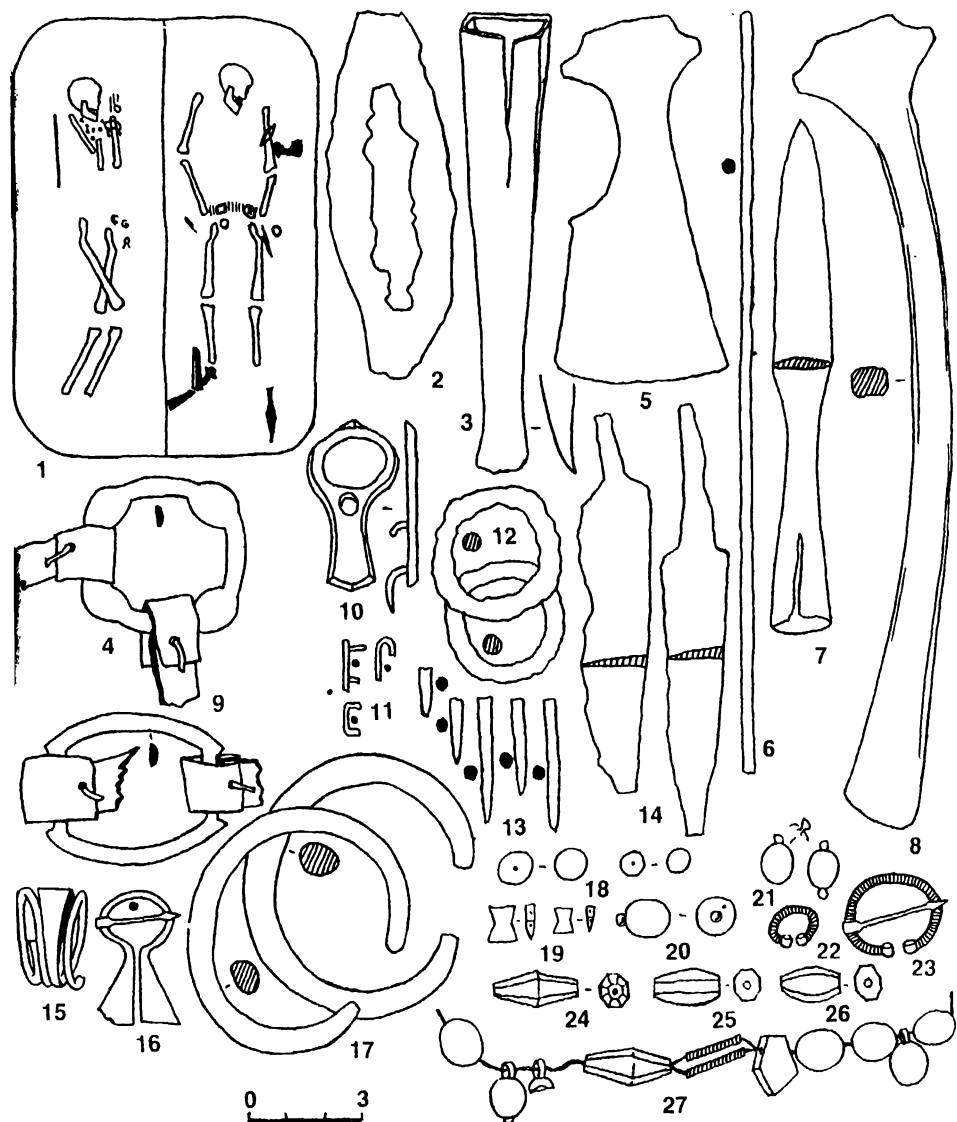

Рис. 22. Планы погребений 101 и 102 (1 - уменьшено в 20 раз).

Вещи из погр. 101 (2-5, 7-14), 102 (15-27). 3, 5, 6, 7, 8 - уменьшено в 2 раза.

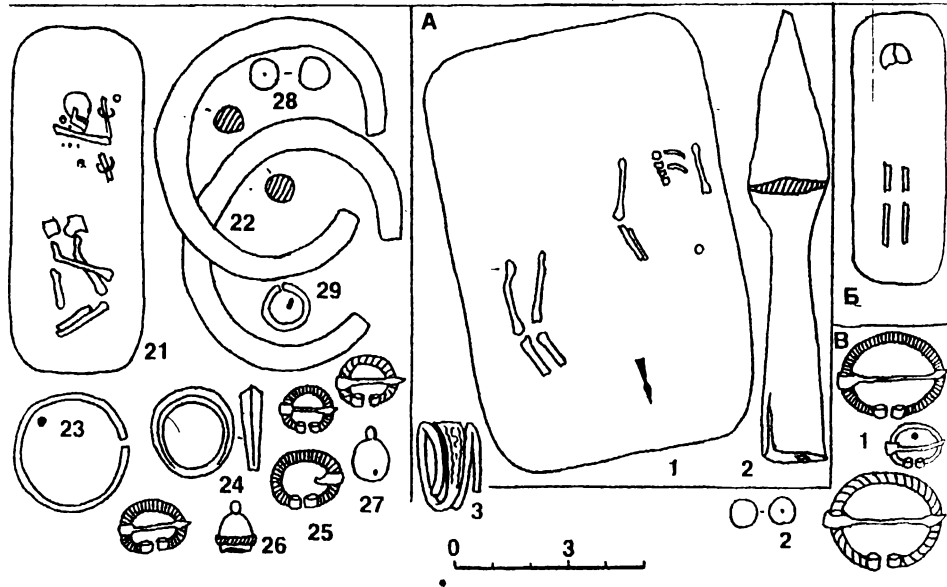
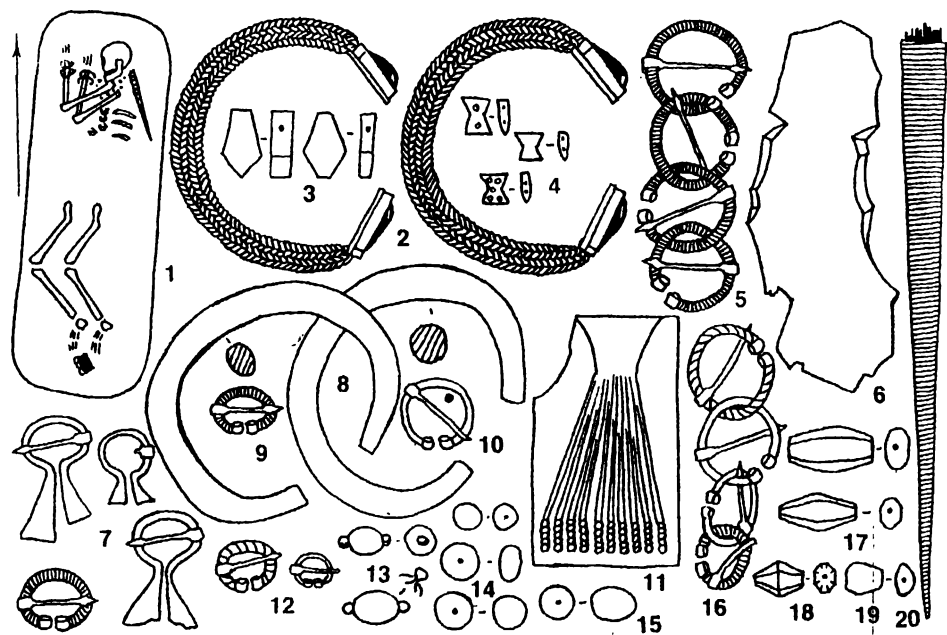

Рис. 23. Планы погребений 92, 94-96, 100 (1, 21, А-1, Б-1 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 92 (2-20). 94 (22-29), 96 (А-2, 3), 103 (Б-1, 2).
 А-2, 20 - уменьшено в 2 раза.

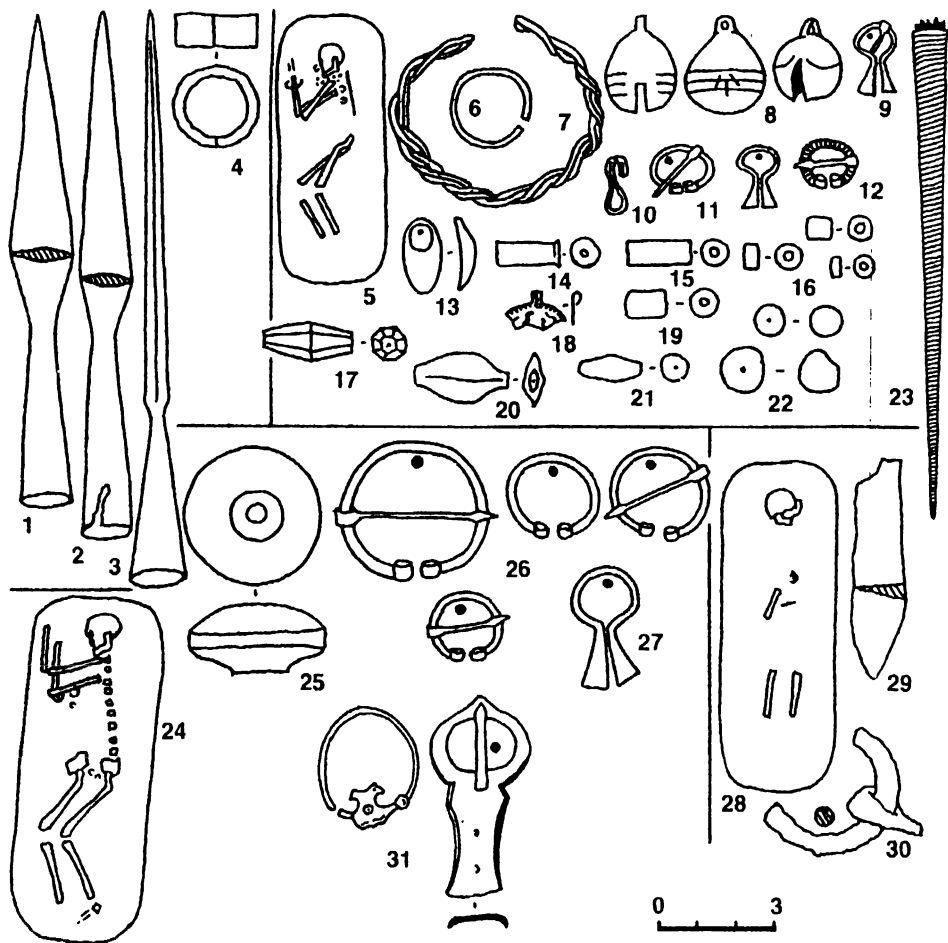

Рис. 24. Планы погребения 93, 98, 99 (рис. 28, 5, 24 - уменьшено в 20 раз).
 Вещи из погр. 93 (29, 30), 98 (6-23), 99 (25-27). Сборы на могильнике: рис. 1-4, 31.
 Рис. 1-3, 23 - уменьшено в 2 раза.

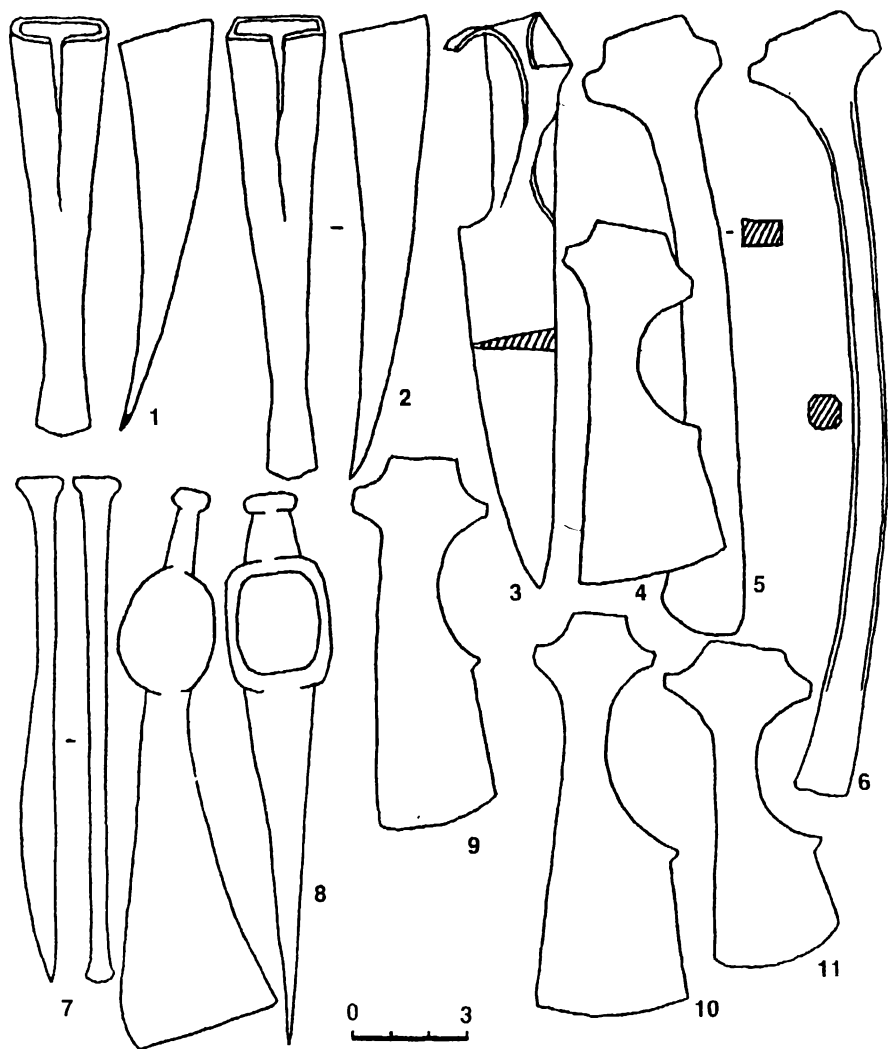

Рис. 25. Изделия из железа. Сборы на могильнике. Рис. 7 - натуральная величина, остальные - уменьшено в 2 раза.

4. Алитова А.Б. Эзянский могильник XIV в. у села Гагино //Алитова А.Б., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
5. Мартынов В.Н. Захоронения коней в могильниках мордвы Пригашья в конце I-начале II тысячел. //Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье: Тр.МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1982. Вып.107.
6. Горюнова Е.И. Погребения коней //Археологический сборник. Саранск, 1948. Т.1.
7. Архипов Г.А. Марийцы XII-XIII вв. Йошкар-Ола, 1986.
8. Петербургский И.М., Червухин В.И. Стародевический могильник //Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье: Тр.МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1992. Вып.107.
9. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XXV вв.) М.: Наука, 1981.
10. Никольская Т.Н. Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
11. Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани //Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
12. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей //Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
13. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копия, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв. //САИ. 1961. Вып.Е1-36.
14. Мартынов В.Н. Могильник Личадеево V //Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья: Тр.МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1990. Вып.99.
15. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XII вв. //САИ. 1973. Вып.Е1-36.
16. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
17. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострелы) VIII-XIV вв. //САИ. 1966. Вып.Е1-36.
18. Седова М.В. Ярполц Залесский. М.: Наука, 1978.

23 октября 1994 года после непродолжительной тяжелой болезни скончался Николай (Рашид) Михайлович Булатов, археолог, оставивший заметный след в нашей науке.

Н.М.Булатов родился в г.Ярославле 1938 г. Большую часть детства и отрочества ему было суждено провести в детских домах, без семьи. В 1956 г. он начал свой трудовой путь учеником фрезеровщика на Ярославском электромеханическом заводе. Вскоре он становится рабочим на Ярославском автозаводе, а затем рабочим базы снабжения в Ярославле. С 1957 по 1958 гг. Н.М.Булатов служил в Советской армии, по окончании этой службы он снова рабочий на Ярославском моторном заводе.

Тяга к знаниям, интеллигентному труду заставила молодого рабочего пойти учиться в Московский государственный университет на исторический факультет, где он был студентом с 1959 по 1964 гг. Он написал и защитил дипломную работу по археологии Африки. Потом примерно год Н.М.Булатов проработал рабочим склада Центросантехмонтажа, а потом лаборантом в научно-исследовательском институте антропологии при МГУ. И снова тяга к науке заставляет его идти в аспирантуру на кафедру археологии исторического факультета МГУ, где он, несмотря на тяжелые материальные обстоятельства (все это время ему пришлось жить на маленькую стипендию без помощи родственников, подрабатывая случайными заработками), подготовил и защитил кандидатскую диссертацию по поливной керамике золотоордынских городов. Еще в студенческие годы началась его работа в Поволжской археологической экспедиции, которая длилась почти без перерывов до последнего года его жизни.

После аспирантуры Н.М.Булатов работает главным образом по охране памятников культуры и прежде всего археологии: с 1969 по 1981 гг. в научно-исследовательском институте культуры при Министерстве культуры СССР, в 1981-1992 гг. в научно-исследовательском институте по охране памятников культуры при том же министерстве, а с 1992 г. и до конца своих дней в научно-исследовательском институте культурного и природного наследия.

В молодые годы перед Н.М.Булатовым не раз открывалась возможность вернуться на хорошо оплачиваемые должности

рабочего-мастера, но он оставался верным науке, хотя она обеспечивала ему скудный минимум средств к жизни.

В области полевой археологии Н.М.Булатов был известен как энергичный исследователь. Он был многие годы начальником отряда Поволжской археологической экспедиции, проводил раскопки на Селитренном городище, копал в Азове, принимал участие в раскопках других памятников. Основной темой кабинетных исследований ученого была поливная керамика Золотой Орды. Он создал детальную ее классификацию, принятую в науке как эталон. Оставил Н.М.Булатов ряд методических работ по охране и музеефикации памятников археологии.

Н.М.Булатов был страстным спортсменом. В молодости он выступал в качестве вратаря за ярославскую команду "Шинник", которая вышла в высшую лигу нашего футбола.

Это был яркий, трудолюбивый человек. У него было много друзей и мало серьезных врагов. Мы долго будем помнить Николая Михайловича.

Г.А.Федоров-Давыдов
В.В.Дворниченко
г.Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на нижней Волге	3
Зиливинская Э.Д. Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки)	16
Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды	38
Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993-1994 гг.	60
Казаков П.В., Пизарев Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989-1990 гг.)	72
Никитина Т.Б., Руденко К.А. Металлическая посуда могильника Нижняя Стрелка	84
Мартъянов В.Н. Могильник Заречное II	91
Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В. Николай Михайлович Булатов	106

Литературные редакторы **Рубцова Е.П., Смоляр Е.Г.**
Технический редактор **Родникова С.А.**
Компьютерная верстка **Смирнская И.Е.**

Лицензия ЛР № 020270 от 12 ноября 1996 г.

Тем.план 1998 г. № 24.

Подписано в печать 21.01.98 г. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 11,96.

Уч.-изд.л. 11,12. Тираж 300. Заказ № 1085.

Марийский государственный университет, РИО, ПУ.
424001, г.Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

